

Ксенија Кончаревић

Руски језик у филологији

Обликовање научног и стручног текста на руском језику
- уџбеник за студенте мастер академских студија -

Уџбеници и практикуми

Руски језик у филологији

Едиција
Уџбеници и практикуми

Издавач
Универзитет у Београду – Филолошки факултет
Студентски трг 3
11000 Београд

За издавача
Проф. др Ива Драшкић Вићановић

Едицију уређује
Издавачки савет Филолошког факултета

Рецензенти
Др Људмила Поповић,
ред. проф. Филолошког факултета Универзитета у Београду
Др Дојчил Војводић,
ред. проф. Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду
Др Марија Стефановић,
ред. проф. Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду

Графичка припрема
Предраг Жижковић

Дизајн корица
Ања Алексић

Тираж
10 CD-ROM

Штампа
МАБ, Београд

Одлуком Наставно-научног већа Филолошког факултета Универзитета у Београду
бр. 1186/1 од 5. маја 2023. године овај уџбеник је одобрен за коришћење у настави.

ISBN 978-86-6153-716-5

cc logo Autorstvo-Nekomercijalno-Bez prerada 4.0
Međunarodna (CC BY-NC-ND 4.0)

Ксенија Кончаревић

Руски језик у филологији

Beograd, 2023

САДРЖАЈ

Реч унапред —— 7

Део 1.

ОСНОВНЕ КАТЕГОРИЈЕ ФУНКЦИОНАЛНЕ СТИЛИСТИКЕ	— 10
Појам функционалних стилова	— 10
Функционалностилски комплекс и његове контитуенте	— 15
Језик и стил научног и стручног дела у области филологије	— 16
Дефиниција и екстрагравистички оквир	— 16
Лексичке специфичности	— 22
Морфолошке специфичности	— 25
Синтаксичке специфичности	— 27
Правила композиционог обликовања филолошког текста	— 28
Пићања, задаци и вежбе	— 29

Део 2.

ОБЛИКОВАЊЕ НАУЧНОГ ТЕКСТА У ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИЈЕ	— 32
Информационо-библиографска апаратура филолошког научног дела	— 32
Схема библиографског описа књиге	— 37
Пићања, задаци и вежбе	— 38
Схема библиографског описа чланка	— 39
Пићања, задаци и вежбе	— 40
Библиографске референце	— 41
Пићања, задаци и вежбе	— 46
Библиографски регистар	— 47
Пићања, задаци и вежбе	— 51
Цитирање: општа правила навођења цитата	— 54
Пићања, задаци и вежбе	— 57
Скраћивање у научном тексту	— 57
Најчешће општеприхваћене скраћенице	— 58
Скраћивање речи и синтагми у библиографском опису	— 58
Пићања, задаци и вежбе	— 59

Апаратура оријентације научне књиге из области филологије ——	60
Анотација ——	60
Језички и говорни стандарди (клишеи)	
који се примењују у анотацијама ——	63
Обрасци најчешћих стандардних модела обликовања	
анотација ——	65
Питања, задаци и вежбе ——	65
Сажетак и резиме научног рада из часописа и зборника ——	67
Питања, задаци и вежбе ——	73
Регистри у филолошком научном делу ——	79
Питања, задаци и вежбе ——	82
Садржај у филолошком научном делу ——	83
Питања, задаци и вежбе ——	84
Наслов, предговор и увод у филолошком научном делу ——	89
Питања, задаци и вежбе ——	102
Рецензија филолошког научног дела ——	104
Језички и говорни стандарди (клишеи) који се примењују	
у рецензијама ——	105
Питања, задаци и вежбе ——	107
Приказ филолошког научног дела ——	112
Обрасци приказа са најчешћим језичким и говорним	
стандардима (клишеима) ——	113
Питања, задаци и вежбе ——	115
Део 3.	
МАТЕРИЈАЛИ ЗА САМОСТАЛНИ И ПРОЈЕКАТСКИ РАД ——	135
Примери обликовања дисертација на руском језику ——	135
Обликовање насловне стране ——	135
Обликовање садржаја (у техничком смислу) ——	137
Обликовање увода у дисертацију ——	142
Обликовање закључка дисертације ——	153
Обликовање списка скраћеница ——	166
Обликовање списка извора и литературе ——	167
Примери обликовања монографија и зборника на руском језику ——	170
Обликовање увода ——	170
Обликовање закључка ——	172
Обликовање историјата питања ——	173
Обликовање научних чланака на руском језику ——	178

Додатак

ДОДАТАК 1: Пример правила обликовања радова за часопис
„Славистика“ —— 237

ДОДАТАК 2: Најновији стандард библиографског описа
прихваћеног у Руској Федерацији:
ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое
описание: общие требования и правила составления» —— 241

ЛИТЕРАТУРА —— 246

РЕЧ УНАПРЕД

Овај уџбеник намењен је студентима мастер академских студија на модулу Славистика, где предмет *Руски језик у филологији: обликовање научног текста* има статус обавезне академско-општеобразовне дисциплине и слуша се један семестар у оквиру предавања и вежби. Потенцијално је намењен и докторандима, студентима основних студија који се укључују у образовање у руској средини или у научно-стручни рад, као и свима који ће у свом студијском и професионалном усавршавању бити упућени на коришћење руског језика у функцији праћења литературе из свих домена филологије, али и у функцији самосталног изражавања и презентирања својих научних и стручних радова на руском језику.

Циљ овога предмета дефинисали смо као стицање фундаменталних знања о обликовању филолошког текста ужे струке (лингвистика, лингводидактика, наука о књижевности, културологија), овладавање умешима студиозног, информативног и дијагоналног читања, анотирања, конспектирања, превођења филолошког текста уже струке, усменог монолошког и дијалошког излагања у домену уже струке, као и способностима конструисања научног текста на руском језику из домена уже струке (сажетак, резиме, краћи научни или стручни чланак) са пратећом апаратуром оријентације (библиографски и други регистри, правила цитирања, скраћивања и др.).

Предуслов за успешно овладавање овом материјом јесте поседовање адекватних предзнања, односно комуникативно-лингвистичке компетенције у обиму и на нивоу неопходном и довољном за стицање академских компетенција предвиђених исходима наставе на нивоу Ц 1 Европског оквира за живе језике, односно на највишем нормативном нивоу овладавања руским језиком као страним, у циљу коришћења руског језика у области филолошких наука.

Пројектовани исход предмета јесте поседовање развијених теоријско-методолошких и академских компетенција у домену обликовања филолошког текста уже струке на руском језику, као и пратећих апликативних рецептивних, продуктивних, интерпретативних и традуктоловских способности, познавање терминосистема уже струке, оспособљеност

за примену стечених знања и умења у професионалном усавршавању и целоживотном учењу.

Садржај предмета за теоријску наставу предвиђа овладавање чињеницама, представама и генерализацијама везаним за следеће наставне целине (теме):

Научни стил руског језика уже струке. Дефиниција и екстрава-
ристички оквир. Лексичке специфичности. Морфолошке специфично-сти.
Синтаксичке специфичности. Правила композиционог обликовања фило-
лошког текста.

Структурне и жанровске особености филолошког научног дела.

Информационо-библиографска апаратура научног дела у обла-
сти филологије. Схема библиографског описа књиге и научног члanka по
стандартима руског језика. Библиографске референце (навођење у ру-
ском језику). Библиографски регистар. Скраћивање наслова периодичних
издања.

Цитирање: општа правила навођења цитата у руском језику.
Скраћивање у научном тексту уже струке. Најчешће општеприхваћене
скраћенице из домена уже струке. Скраћивање речи и синтагми у библи-
ографском опису.

Апаратура оријентације научне књиге из уже струке. Анотација
(језички и говорни стандарди - клишеи у анотацијама). Сажетак и резиме
научног рада из филолошких часописа и зборника.

Рецензија филолошког научног дела. Језички и говорни стандарди
(клишеи).

Приказ филолошког научног дела. Језички и говорни стандарди
(клишеи).

Терминосистем филолошких наука (системско-категоријална и
функционална својства).

Традуктологија поступци и технике транспоновања научног тек-
ста из области филологије.

У практичној настави обрађују се исте тематске целине у аплика-
тивном аспекту (са инсистирањем на умењима квалификоване анализе
релевантних извора, синхронијског и конфронтационог опсервирања и
генерализовања релевантних конститутивних елемената структурног,
композиционог и језичког обликовања филолошког текста на руском
језику, као и на умењима активног и продуктивног коришћења лекси-
ко-графских извора и изворне, неадаптиране литературе из области уже
струке на руском језику).

Концепција овог уџбеника саображена је концепцији предмета не само на садржајном, него и на методолошком плану: тако, први део уџбеника доноси систематизована знања о елементима обликовања научног текста са полазним примерима, задацима и вежбањима чији је број неопходан и довољан за поимање сваке конкретне студијске целине (теме), док други део представља додатак из кога се одабирају материјали за индивидуални, групни и пројекатски рад.

Радећи на овом рукопису, уткивала сам своја вишедеценијска искуства у писању и превођењу научних радова на руском језику, као и искуства рада са студентима завршне године основних академских студија русистике и мастер студија, кандидатима који су писали самосталне истраживачке радове, мастер радове и докторске дисертације, учествовали у научним скуповима и објављивали своје прве научне и стручне радове на руском језику. Верујем да ће књига коју сада предочавам пажњи академске јавности бити од користи младим истраживачима који су се запутили у необухватни, али заводљиви, привлачни, инспиративни свет филолошке науке.

Ксенија Кончаревић

ОСНОВНЕ КАТЕГОРИЈЕ ФУНКЦИОНАЛНЕ СТИЛИСТИКЕ

ПОЈАМ ФУНКЦИОНАЛНИХ СТИЛОВА

Свако ко влада одређеним језиком мења свој исказ у зависности од тога *где, с ким и о чему* говори. Ова чињеница условљава истраживање језика не као једног монолитног система, већ као система који се различито понаша у различитим сферама употребе.

Ову констатацију илустроваћемо на неколико примера из популарног дела француског писца Реймона Кеноа *Стилске вежбе* у бриљантном преводу Данила Киша¹:

- (1) Једног дана око подне крај парка Монсо, на задњој платформи једног скоро сасвим попуњеног аутобуса на линији S (сада линија 84), спазих једну особу с јако дугим вратом и са меким шеширом на коме је био платени гајтан уместо пантљике. Човек се одједном обрати свом суседу тврдећи да му овај гази по ногама сваки пут када се путници пењу или силазе. Но он одједном напусти дискусију и баци се на једно слободно место. Два сата касније поново га угледах пред станицом Сен Лазар где увек разговара с неким пријатељем који му је саветовао да смањи разрез на капуту, тако што ће дати неком спретном кројачу да му још мало подигне горње дугме.
- (2) Имам част известити вас, као непристрasan сведок и строги судија, о следећим догађајима. Тога дана око подне нашао сам се на платформи аутобуса који је ишао Улицом Курсел у смеру Трга Шампера. Речени аутобус био је попуњен, чак више него попуњен, ако смен тако да се изразим, јер је кондуктер примио неколико „ладобранаца“ преко реда, и то без икаквог дубљег разлога, само из претеране доброте срца која га је натерала да прекрши правила, те стога му се може

¹ Rejmon Keno, *Stilske vežbe*. Prev. Danilo Kiš. Beograd: Rad, 1977; Превод на руски исп. Раймон Кено, *Упражнения в стиле*. Перевод М. Голованивской. Москва: Има-пресс, 1992.

опростити. При сваком заустављању путници који су се пењали и силазили изазивали су извесну гужву која је једног од истих путника натерала да уложи свој не баш стидљиви протест. Са своје стране могу још потврдити да је поменути путник сео у најкраћем могућем року. Овом свом кратком излагању могао бих додати још следећу допуну: пружила ми се била прилика да горепоменуту личност поново спазим, нешто мало касније, у друштву једне друге личности коју нисам успео да идентификујем. Конверзација коју су они водили са доста вештине тицала се, по свему судећи, неких естетичких питања. Имајући у виду све горенаведене чињенице, најпонизније Вас молим, господине Инспекторе, да ме упутите какве све консеквенце могу да извучем и каква ми дајете упутства у вези са поменутим догађајем. У очекивању Вашег одговора, господине Инспекторе, примите изразе мога најдубљег и најискренијег поштовања.

- (3) Беше, реко би, око поднева кад се попех на автобус. Уђем ти ја, платим карту, је ли, све је било у реду, кад гле, спазих једног зврндорса са вратом, бог те видео, ко у жирафе, с неком узицом око шешира. Гледам ти га ја и мислим се - мора да је неки зевзек, кад гле ти њега, он поче да опомиње једнога до себе. Еј, ви, вели он њему, могао би да припазите! Врло намерно, вели, газите непрестано по мојим ногама! Овај ти, баш га брига, седе. Ко балван. Прођем ти ја мало после поред оног споменика код Сен Лазара и гле, кога то видим - онај исти се натеже с неким билмезом његове сорте. Виш, вели му овај други, требао би, да ставиш још једно дугме на тај твој капут, вели му на крају.
- (4) У аутобусу на линији S, дугом 10 метара, широком 3 метра, високом 6, на 3 км и 60 м од полазне станице, у тренутку када је био под оптерећењем од 48 особа, тачно у 12 часова и 17 минута, једно лице мушких пола, старо 27 година, 3 месеца и 6 дана, висине 1 м и 72 цм, тежине 65 кг, број шешира 35, дужина пантљике 60 цм, обрати се једном човеку од 48 година, 4 месеца и 3 дана, висине до 1 м и 68 цм, тежине 77 кг, са 14 речи чије је укупно трајање било 5 секунди и које су алутирале на присилно премештање од 15 до 20 центиметара. Он затим седе на неких 1 м и 10 цм даље. Равно 57 минута касније он се налазио на 10 метара од станице Сен Лазар, улаз у предграђе, и шетао се тамо-амо стазом од 30 метара дужине, а са једним другом од 28 година, висине 1,70 м, тежине 71 кг, који му је дао савет од 15 речи: да премести у правцу зенита једно дугме од 3 центиметра у пречнику.
- (5) Ђосав као тањир, с капом и покуњен,
Један кржљав клипан с вратом попут врча
Спремаше се дуго, сред свагдашњег грча,
На тај аутобус, најчешће попуњен.

Деветка, десетка, ил' је можда то S.
Платформа, климава попут звечке дечје.
Належе гомила на груди му зечје.

А буржуји бесни пале цигар „londres“
Млад жирафон, већ поменут у почетној строфи,
Нађе се у гужви где је свако „фин“,
И где свако тежи туђој катастрофи.

Да се спасе муке разроке на путу,
Седе. Време тече. Затим један факин
Гледао му дugo дугме на капуту.

Упоређујући ове текстове, можемо приметити неподударности у облику израза. Разлике у језичкој форми – при истом садржају говора – само су стилистички маркиране. Поставља се питање: зашто су потребне различите стилске форме за један исти садржај, за једну исту мисао (или мисли), у различитим случајевима, од различитих корисника језика? Главни разлог је тај што у реалној употреби језика у сваком друштву у одређено време објективно учествују такве комуникативне навике и норме услед којих се из општег потенцијала језика прави извесни избор, који није једнак за различите услове вербалног општења.

Сасвим је извесно да на стилистичку форму говора, на избор језичких средстава са овом или оном стилистичком нијансом, утичу околности, услови у којима се одвија комуникација, циљ који говорници желе да остваре, као и њихове индивидуалне одлике (узраст, психолошка структура, социјална припадност, културни и образовни ниво, афинитети итд.).

Примери које смо навели показују да се једна иста тема може исказати на различите начине, различитим језичким средствима. На стилистичке нијансе, такође, утичу форме реализације исказа - усмена или писмена.

Стилистичке разлике у исказима условљене су следећим чиниоцима:

- 1) циљем који стоји пред саговорницима;
- 2) условима под којима се одвија комуникација;
- 3) индивидуалним особеностима говорника;
- 4) темом (у мањем степену);
- 5) формом израза (усмена или писмена).

Функционални прилаз дефинисању и издавању стила подразумева узимање у обзир услова у којима се одвија комуникација (Тошовић 2002, 65-88). Ближе одредити те услове значи, пре свега, уважавати чиниоце који утичу на језичку форму говора, на избор ових или оних језичких средстава. Сви ови чиниоци, у начелу, деле се на *субјективне и објективне*.

У субјективне чиниоце убрајају се:

- 1) социјално-економски чиниоци (професија, ниво образовања, друштвени положај, имовни статус);
- 2) психолошке особености говорника (карактер, темперамент);
- 3) расположење у тренутку говора;
- 4) узраст говорника.

У објективне чиниоце спадају:

- 1) форма говора (писмена или усмена);
- 2) тип говора (монолог, дијалог или полилог);
- 3) врста комуникације (јавна или приватна);
- 4) жанр говора (на пример, јавно предавање, приватно писмо, пословни документ, интервју, енциклопедијска одредница, новински чланак итд.);

5) сфера друштвене делатности у којој се одвија општење.

Субјективни чиниоци на различите начине утичу на квалитет исказа. На пример, узбуђеност говорника може узроковати повишену експресивност и емоционалност изражавања, које одсуствују ако се исти говорник у тренутку општења осећа спокојно,сталожено. Међутим, мора се признати да субјективни фактори нису једини моменти који утичу на стилски систем језика. Ова језичка црта не зависи само од индивидуалне воље појединца - она је битно подређена и условима у којима функционише језик, а које одређују објективни фактори (Кожин и др. 1982, 64-66).

Језик као социјална појава остварује различите функције. Те функције диференцирају се и различито реализују у разним сферама људске делатности. Постоје три основне комуникативне функције језика:

- 1) функција општења;
- 2) функција саопштавања;
- 3) функција деловања (Кожин и др. 1982, 66-69; детаљније в. Тошовић 2002: 72-83).

Ради адекватне реализације ових функција формирали су се посебни варијетети сваког националног језика, који се, сваки за себе, одликују специфичним лексичко-фразеолошким и граматичким средствима која се користе или као искључива или као доминантна средства у свакој конкретној сferи употребе језика. Ти варијетети везани за различите сфере употребе језика називају се функционалним стиловима.

У зависности од основних функција које реализују, издвајају се следећи стилови (исп. Кожин и др. 1982, 91-129; Бондалетов 1989, 141-154; детаљније Тошовић 2002, 169-406; модификације у интернет комуникацији в. Тошовић 2015, 71-176):

- 1) разговорни (доминира функција општења);
- 2) научни (функција саопштавања);
- 3) административни (функција саопштавања);

- 4) публицистички (функција деловања);
- 5) књижевноуметнички (функција деловања).

Овде треба имати у виду да се комуникативне функције често преплићу. Због тога се, на пример, у публицистичком стилу функцији деловања, у мањој или већој мери, може приодати и комуникативно-информационна функција (функција општења), што се налази у непосредној зависности од конкретног жанра. Тако се и у језику књижевности неретко преплићу функције саопштавања, деловања, као и естетска функција.

Када су у питању границе стилова, потребно је обратити пажњу на два момента. Прво: главину језичког материјала, у било ком функционалном стилу, чине општејезичка, односно стилски неутрална средства. Друго: аутономност засебних стилова представља веома релативан појам. Функционални стилови, наиме, не образују затворене системе: напротив, међу њима постоји чврста међузависност и узајамна условљеност. Њихове границе су прилично растегљиве и отуда веома тешко строго одредиве. Ипак, они се најчешће разврставају на следећи начин:

ФУНКЦИОНАЛНИ СТИЛОВИ

КЊИЖЕВНА (ПИСАНА) РЕАЛИЗАЦИЈА

Књижевноуметнички стил
Научни стил
Публицистички стил
Административни стил

РАЗГОВОРНА (УСМЕНА) РЕАЛИЗАЦИЈА

Разговорни стил

Као што се из овог схематског приказа може уочити, функционални стилови могу бити подељени у две групе, повезане међу собом типовима исказа. Прву групу, у коју улазе научни, информативно-публицистички, административни и књижевноуметнички стил, карактерише превасходно *писмени вид изражавања*, док другу групу, коју образују различити типови разговорног стила, карактерише превасходно *усмени (дијалошки или монолошки) вид изражавања*.

ФУНКЦИОНАЛНОСТИЛСКИ КОМПЛЕКС И ЊЕГОВЕ КОНТИТУЕНТЕ

У проучавању функционалних стилова у лингвистичкој науци врши се њихово осмишљавање као посебних система, надсистема, међусистема и подсистема. Тако је могуће издвојити неколико хијерархијски постављених категорија: функционалних интеграционих целина, функционалних врста, функционалних међуврста, функционалних подврста и функционалних жанрова (Тошовић 2002, 94-98). Скуп стилова који чине једну затворену целину насталу као контраст у односу на друге врсте стилова, као и сваки комплетан, аутономан и заокружен систем функционалих стилова који се издавају у односу на други у зависности од конкретне области делатности називаћемо *функционална интерациона целина* или *функционалностилски комплекс*. У њега спадају:

1. писмени и усмени функционалностилски комплекс, где први обухвата писане а други усмене облике (условно се могу именовати и као писмени и усмени стилови);
2. струковни и неструктурни функционалностилски комплекс, где критеријум диференцијације представља везаност или невезаност за одређену структуру;
3. профани и сакрални функционалностилски комплекс, који је продукт опозиције световног (профаног, секуларног) и религијског (сакралног) (о сакралном функционалностилском комплексу детаљније в. Гадомски 2008, 21-35; Кончаревић 2014, 73-249; Кончаревић 2015, 58-71, 169-194);
4. цивилни и војни функционалностилски комплекс, итд (Тошовић 2002, 95).

Функционалне врсте или функционални стилови, посматрани из перспективе овог комплексног приступа хијерархијски уређених елемената, јесу основни тип функционалностилске диференцијације језика и фундаментални појам функционалностилске класификације. Унутар њих, по традиционалном приступу карактеристичном за руску, а затим и српску стилистичку науку, разликујемо, као што је у претходном одељку већ било речено, пет функционалних стилова: књижевноуметнички (КФС), публицистички (ПФС), научни (НФС), административни (АФС) и разговорни (РФС). Овај језички израз који садржи елементе двају или више функционалних стилова, али не чини функционалностилски комплекс, назива се *међустил*, и у њега се убраја епистоларни, ораторски, реклами (западна лингвистика њему поклања нешто више пажње), мемоарски, есејистички и сценаристички начин изражавања. Сваки од њих, међутим, нема довољно „опозиционих“ елемената да би образовао сопствени функционали стил.

На следећем нивоу врши се подела функционалних стилова на *подврсте* или *функционалне подстилове*. Тако, примера ради, у оквиру

научног функционалног стила издавајамо (а) строго научни или академски подстил, (б) научно-уџбенички и (в) научно-популарни подстил (који се може тумачити и као међустил), при чему се као посебан подстил може издвојити и један хибридни - (4) научно-информативни подстил, за који су карактеристични следећи типови радова: библиографије, попис литературе, научне информације, научни пројекти, научне оцене и друга реферативна и информативна издања (Тошовић 2002, 329-333). Међутим, он се може разматрати и као посебан међустил или уврстити у административни функционални стил.

На последњој лествици у функционално-стилској диференцијацији језика издаваја се *жанр*, под којим подразумевамо релативно стабилан тематски, композициони и стилистички тип текстова, независно од функционалног стила унутар кога се реализује. Даљом класификацијом може се уочити низ жанрова који су карактеристични за подстилове у оквиру сваког појединог стила (Митрофанова 1985, 17-20). Међутим, у научном функционалном стилу прикладнији термин може бити *тип научних радова* (не жанр), а овде имамо у виду следеће категорије: радове који настају у процесу образовања (докторске дисертације, магистарске тезе, специјалистички, дипломски, семинарски радови); публиковани научни радови (научне монографије, студије, расправе, чланци, прикази, критике у часописима и зборницима); радови са усменом реализацијом (реферати, саопштења, предавања).

ЈЕЗИК И СТИЛ НАУЧНОГ И СТРУЧНОГ ДЕЛА У ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИЈЕ

Дефиниција и екстрагравистички оквир

Језик научног дела, према М. Чаркићу, служи да прецизно саопштава о појавама из живота и душтва, да те појаве објасни и да докаже њихове закономерности. Њиме се опслужује национална научна и научно-педагошка сфера, али је и важан чинилац међународног научног општења. Језик научног рада се састоји из расуђивања које има за циљ да докаже истинитост и изнесе резултате истраживања. Мисли које се излажу, да би биле убедљиве, морају имати узрочно-последични след, те је нужно унапред одредити план који ће на најбољи начин омогућити сукцесивност у разматрању. Поступност приликом излагања научних сазнања мора постојати, а мисли које се излажу треба да буду обликоване у јасно формулисане и правилно компоноване реченице, избегавајући при том замршене синтаксичке конструкције). У излагању треба да постоји и логичност садржаја, јер циљ није емоционано-емотивно

деловање на реципијента. Међутим, **емоционални** језички елементи нису у потпности искључени, као што је то случај са научним полемикама где су емоције присутне у већој мери. Мотивисано присуство правилно дозираних емоционалних елемената даје већи степен убедљивости научној прози, јер се контрастира са непристрасним, ненемоционалним научним излагањем уопште узев. Основна функција научног стила је интелектуално-комуникативна, док се њена другостепена функција остварује у активизацији логичког мишљења читаоца (слушаоца), а посебно долази до изражавају у радовима научно-уџбеничког и научно-популарног подстила. Поред општих особина научног стила, Чаркић истиче и утицај карактера саме науке на стил (наиме, природних, егзактних и хуманих наука), као и утицај различитих жанрова, односно начина обликовања и казивања. Тако се на супротним половима налазе физико-математичке и друштвено-политичке особине научног стила. Истакнута карактеристика првих јесте највиши степен апстрактног начина изражавања (математичка симболика) и непримереност употребе разговорне лексике и емоционалности. Елементе друштвено-политичких дисциплина, с друге стране, не одликује тако висок степен апстрактности. За разлику од математичких симбола који су интернационални и захтевају строгост и објективност употребе осталих средстава, термини друштвено-политичких наука се различито схватају и тумаче у различитим класним и друштвеним срединама (нпр, религијски и/или теолошки термини имају различито семантичко значење па и конотацију у зависности од друштва, као: *свештеник, служба,...*). Емоционалност, субјективни елементи и стилски маркирана лексика такође су присутни у овим наукама а у зависности од предмета о коме се говори и од саме научне области. Ипак, када је у питању научни стил не може се повући строга граница међу научним областима (Чаркић 2002, 166-169).

Разматрајући особине научног стила, а имајући у виду строгог научног стила, Чаркић каже да се он одликује високим присуством фактичког материјала као и тачном и сажетом информацијом. Садржај научног излагања се испољава у описивању, изучавању и објашњавању чињеница и процеса, а задатак научног дела јесте изношење научних проблема, теза и хипотеза као и њихова адекватна аргументација. Особености научног стила су: строга нормирањост (у зависности од норме књижевног језика), тачност, јасност и лаконичност у изражавању мисли; високи проценат темрина; употреба речи у њиховом дословном (конкретном), предметном значењу; виски степен обезличавања исказа; монолошки карактер изражавања; сукцесивност у низању мисли и израза; завршеност и потпуна исказаност; тесна повезаност између одређених делова исказа; употреба условних знакова и симбола, и др. (Чаркић 2002, 170-173).

На велико интересовање наилазила су и питања унутарстилске диференцијације језика науке у зависности од жанрова научног текста, писмене или усмене форме општења, примарног и секундарног карактера информације, и неких других фактора, такође су била чест предмет интересовања разних научника. М. Џ. Цвилинг такође помиње питање о посебним реализацијама неких општих карактеристика језика науке у зависности од области научног сазнања, или шире - питање како се специфичност одређене научне области одражава на функционално-стилистичке особености језика научног текста. У лингвистици су много пута разматране разлике које постоје између текстова описних и дедуктивних наука; потом, наука које се у већој мери служе номенклатурним терминима и наукама са строго концептуалном терминологијом; као и наука које користе симболику у начину израза у већем степену него друге, итд. Извесно је, сматра он, да се очигледне разлике могу повући између двеју традиционално супротстављених области науке: с једне стране, природних, егзактних и техничких наука, и с друге стране области друштвених наука. Међутим, и ова подела је условна и постоје преплитања карактеристика (нпр. примена математичких метода у истраживањима друштвених наука, или историјског садржаја у природним наукама) (Цвиллинг 1989, 27-36).

Подела науке с обзором на одређене сфере научног сазнања или профиле специјалности као што су: научно-техничка област научног сазнања (физика, математика, геометрија, инжењерске науке, итд.), природно-научна сфера (хемија, медицина, биологија, и др.), и друштвено-хуманистичка област (економија, право, итд), налази свој одраз и на сферу језика сматра и О. Д. Митрофанова. Поменуте области науке се на лингвистичком плану разликују по специфично употребљеним језичким средствима, пре свега лексичким и фразеолошким. Ове разлике међу самим наукама довеле су, даље и до поделе на микројезике (или подјезике), под којима се у примењеној лингвистици подразумева минимални збир лексичких и граматичких категорија и елемената који су нужни за општење у уској сferи делатности и описа одређене предметне области (нпр, микројезик органске и неорганске хемије, биохемије, итд). Сваки од ових микројезика је тематски строго ограничен, и карактерише га специфична употреба језичких средстава, пре свега номенклатурних назива. Ове разлике између подјезика и датих специјалности објашњене су разликама и међу самим наукама, односно, подјезици се деле не на основу тога „како“ већ „о чему“ се говори. Ипак, као основна својства сваког научног рада она наводи тачност преношења информације, убедљивост аргументације, логичку доследност излагања, лаконичност форме (Митрофанова 1985, 15-16).

Не слажу се сви аутори по питању одређења основних црта научног стила. Тако ће Д. Кликовац указати на неке од особина научног

стила које издвајају готово сви аутори а које се односе на мишљење а не на стил (Klikovac 2008, 122). Наиме, уместо термина „тачност“ она предлаже „прецизност“, а уместо „поступност исказа“ даје „поступност аргументације“. „Сажетост“ се не односи на краткоћу, већ указује на тежњу да се у реченицу унесе максимум информација у сврху чега се уместо глаголских користе именичка средства. Неки аутори у овом случају говоре о „компресији“ (П. Каталинић-Удовчић, наведено према: Klikovac 2008, 122). Одмереност је још једна особина научног стила, која се огледа у томе што се аутор уздржава од оштрог изношења судова у вези са материјом о којој говори, са радовима других аутора, и својим остварењима. Из наведених разлога се хипербола веома ретко јавља у научним радовима, док су еуфемизми присутни у већој мери.

В. Черњавска, слично овоме, наводи основне стилске црте или стилистичке доминанте научног стила које су израз типичних и стандардних карактеристика, опште су за сваки научни текст. Научни текст јесте израз и одраз научног стила – посебних метода когнитивних и комуникативно-говорних делатности субјекта, који у току формулисања текста решава и проблем саопштавања новог знања, доказивања валидности и истинитости тога знања. Научни стил, којим се теоријско мишљење реализује у сазнајно-логичкој форми, као главне црте има: објективност и некатегоричност, тј. одмереност и адекватност оцене, уопштеност, логичност, уверљивост, тачност, јасноћу и усмереност комуникативног фокуса на адресата, тј. дијалогичност. Ове основне црте настају као последица деловања екстралингвистичких фактора који образују стил, и који утичу на избор одређених језичких средстава, структура и јединица текста у оквиру текста као целине. Смисаона структура научног текста јесте сложени комплекс субјективно-објективних односа научно-сазнајне делатности и његовог продукта – научног знања (Черњавская 2007, 23).

Г. Гумовска такође наводи **логички след** исказа као једну од најупечатљивијих особина научног стила (Гумовская 2008, 65). Како циљ научне прозе усмерава језик науке - а он је дадокаже хипотезе, створи нове концепте, открије унутрашње законе постојања, разовја, односа између различитих феномена, итд., тако и језичка средства научних радова морају бити објективна, прецизна, неемотивна и лишена индивидуалности. Опште црте научног стила свих жанрова проистичу из задатака научног текста. Тај задатак јесте – тачно и објективно излагање научне информације. Информација се у области науке разликује од података који се излажу у другим текстовима по својој уопштености (универзалности) и постојаном значењу. Као објекат описа или разматрања, предмет исказа у научном тексту по правилу су не одређене, конкретне животне појаве,

ситуације и факта, већ општи закони. Конкретне ситуације, посебне појаве и факти могу послужити као материјал за извођење ових закономерности, за потврђивање општих правила или као илустрације.

Емоционалност ипак није потпуно, или бар не категорички, изузета из научне прозе. Постоје хипотезе, изјаве и закључци који се осналњају на неко чврсто веровање па стога захтевају употребу емоционално обојених речи. Наша емоционална реакција на чињенице и идеје може носити важну информацију јер и сама извире из унутрашњих особина ових чињеница и идеја. Наше поимање спољашњег света такође зависи од наших емоционалних реакција. Емоционалне речи нису саставни део модерног научног вокалбулара и веома се ретко користе, што је случај и са стилским средствима којима је циљ да побуде естетска осећања. Научни стил користи, ипак одређене емфатичке конструкције да нпр. логички акцентује одређени део реченице (Гумовская 2008, 72). О имплицитном присуству емоционалности и експресивности у научним радовима говоре и други аутори, сматрајући да сваки научник жели да увери научну заједницу у исправност својих идеја и мисли, а при томе је и сам дубоко уроњен у оно о чему говори. Р. Симић и Ј. Јовановић додају да снагу и лепоту научном тексту дају општи стилистички квалитети језика као што су духовити обрт, вешто обликована фраза и фигуре, и да помоћу њих аутор уноси у текст извесне хијерархијске односе – истиче у први план чињенице које према његовом становишту имају већу тежину и важне су за разумевање смисла исказа, одваја значајније податке од оних мање значајних, а помаже и читаоцу (саговорнику) да стекне увид у целину који је најисправнији управо са становишта самог аутора текста (Симић, Јовановић 2002, 120). Научни текст је, тврди Б. Тошовић, творевина појединца, групе и колектива тако да се у њему одражава и таленат, образовање, ерудиција, начин мишљења, аргументовања. У складу с тим наводи и извесну типологију научника (едукатори/едуканти, креатори, корелатори, ритмизатори, фокусатори, рефлекстори и промотори) од којих сваки има специфичан начин изражавања, а нуди и другачија типолошка одређења научника (нпр. подела на романтичаре и класичаре) (Тошовић 2002, 340-345). Ово би се могло довести у везу и са индивидуалним стилом, што отвара могућности и за истраживање научног стила појединачних (конкретних) научника.

Руски лингвиста О. Кожина сагласна је са тим да уопштеност и апстрактност научног стила не подразумева одсуство емоције и експресије. Најопштије црте научног стила (које проистичу из апстрактности и строге логичности мишљења) јесу *једнозначност, скријена емоционалност, безличност, објективност излагања, суви и строги стил*. Апстракција и уопштавање провејавају кроз сваки научни

текст, а то се пре свега огледа у томе што свака реч означава општи појам или апстрактан предмет (нпр. *хемија* уопште узев, *тела* уопште узев, а чак ће се и конкретна лексика користити да означи општи појам, нпр. *Хемичар* треба да...). Наравно, уопштеност и апстракност не искључује ипак и извесну *експресивност* и *сликовитост*. Степен експресивности и емоционалности зависиће од жанра, теме, форме и ситуације општења (комуникације), индивидуалности аутора, гране науке и других фактора. Посебно се емоционалношћу и експресијом одликују научни радови полемичког карактера (нпр. чланци дискусије), научно популарна литература, радови који се баве новим темама и проблемима, радови историографско-библиографског карактера („историја проблема“) и разни други облици који на известан начин одступају од основног начина излагања у научним радовима. Најуздржанији тон имају описни научни радови и чланци, уџбеничка литература, информативни чланци као и неки други жанрови. Експресивност научног текста разликује се од експресивности нпр. књижевног дела, јер је у научним радовима она је у функцији доказивања (док је код књижевног дела експресивност у већој мери сликовита). Изражајност научног језика постиже се пре свега тачном употребом речи и логичношћу израза (такозвана интелектуална експресивност). Употреба стилских фигура, такође зависи у извесној мери од индивидуалности самог аутора као и од области сазнања. Тако неке хуманитарне науке (историја, философија) као и неке описне природне науке (хемија, биологија, географија...) користе средства књижевне сликовитости у већем степену него такозване егзактне науке (Кожина 1983, 164-167).

Специфичне особине научног стила тичу се различитих планова и карактеристика језика као система у целости. Код различитих научника наилазимо на различите поделе ових особености у односу на посебне нивое језика. Неки пак лингвисти настоје да опишу језик науке пуким набрајањем ових специфичних особина, односно језичких средстава. На основу досадашњих истраживања и анализе, узимајући у обзир класификације одређених аутора, а за потребе овог рада издвојићемо основне нивое језика и у оквиру њих извесне особености и језичка средства која се тичу језика науке уопште, како у руском тако и у српском језику.

Међутим, поменути радови лингвиста и њихове анализе, али и наше преводилачко и наставничко исуство сведочи о чињеници да је често тешко повући јасну границу између језичких нивоа и извршити прецизну класификацију језичких средстава. Све сфере језика – лексичка, морфолошка, синтаксичка, међусобно су повезане и испреплетане, те појава једног елемента одређене сфере или језичког нивоа неминовно

утиче и на карактеристике неког другог нивоа језика (нпр, лексика на синтаксу). То је разлог због кога се поједина средства који припадају једном нивоу, (нпр. лексичком) код неких аутора помињу на другим нивоима (нпр, у области синтаксе). Неки лингвисти овај проблем решавају постављајући своја истраживања на другачијој основи, тј. не врше класификацију већ се баве навођењем и дескрипцијом језичких особености. Ови приступи датом проблему код појединих аутора разликују се не само у присуству или одсуству класификације језичких средстава, већ и у садржају језичких средстава сваког од издвојених нивоа језика, као и у насловљавању појединих језичких средстава.

Како класификација доприноси прегледности и систематичнијој, прецизнијој и потпунијој анализи језика коју намеравамо да спроведемо, издвојићемо основне нивое језика и у оквиру сваког она језичка средства која су специфична за стил научних радова. Представљене особине односиће се првенствено на подстил строго научних радова као главних репрезената научног стила и централног носиоца његових одлика, а за разлику од научно-уџбеничког или научно-популарног подстила који су позиционирани нешто даље од језгрених, типичних маркера стила научних радова, и који се као такви налазе на (ближој или даљој) периферији научног стила, а имају и неке заједничке елементе и блиски су другим функционалним стиловима (нпр. публицистичким, књижевним, па и разговорним, што је посебно случај са научно-популарним подстил).

Карактеристичне особине научног стила огледају се на три нивоа или плана језика: лексичком, морфолошком и синтаксичком, али се одражавају и на композицију, односно структуру научног рада. Језичке особености не могу се прецизно издвојити и засебно анализирати. Сваки од ова три плана (лексички, морфолошки, синтаксички) јесте попут скупа органа које чине, помажу и омогућавају да велики организам - „језик“, функционише као складна целина и врши своју примарну комуникативну функцију. Стога између ова три плана постоји јака испреплетеност и међузависност елемената („органа“) различитих нивоа, те постојање и појава њихова на једном нивоу утиче и на остала два, а сви заједно видљиви су и у структурној организацији коначног текста као целине. Свакако, онај примарни моменат који утиче на избор језичких средстава сваког нова језика јесте сврха комуникације – у овом случају употреба језика у вербализацији научних сазнања.

Основна екстралингвистичка обележја научног стила јесу прецизност, апстрактност, логичност и објективност (детаљније о овим обележјима у општененаучном изразу в. у: Васильева 1976, 11-32; Кожин и др. 1982, 92-93; Митрофанова 1985, 7-27; Троянская 1989, 32-67; Тошовић 2002, 329-338; Цвиллинг 1986, 57-64; Цвиллинг 1989, 23-40).

Она организују у систем сва лингвистичка средства која формирају овај функционални стил.

Лексичке специфичности

Прецизност као екстравајнгвистичко обележје условљава пре свега превагу терминологије у вокабулару било ког теолошког научног дела. Лексика чија се функционалност истицана обојеност може окарактерисати као научна јесте пре свега стручна, терминолошка лексика, која у укупном вокабулару научног текста учествује са оријентационо 30% (Митрофанова 1985, 28-31; Цвиллинг 1989, 85-92). У оквиру терминолошке лексике издвајамо два слоја: а) општеначуне термине, који опслужују већи број научних дисциплина (*анализ, синтез, рассмотрение, обобщение, абстрагировать, положительный и сл.*) и б) термине из уже научне области – одређене гране науке (ускостручни, номенклатурни термини). Значајно место у терминологији заузимају интернационализми (превасходно термини пореклом из грчког и латинског језика), са могућим префиксалним и суфиксалним изведенцима које садрже руске форманте (нпр. *филология, лингвистика, постпозиция, синтаксический, префиксальный, флексивно, синонимический, субстантивировать*), што, с једне стране, сведочи о тенденцији међународне стандардизације језика науке и у прошлости и данас, а с друге, представља показатељ апстрактованости средстава теолошког научног стила, њихове одељености од општеупотребног лексичког састава језика. Нагласићемо да је за теолошки стил руског језика (а ова појава присутна је донекле и у радовима из области историографије, посебно медијавистике, историје уметности, историје средњевековне књижевности) карактеристично далеко изразитије посезање за архаизмима, црквенословененизмима, речима које су маркиране као репрезентанти високог стила (исп. Зозикова 2004, 35-47; Кончаревић 2015, 218-219, 240-242), што је изазвано у руској средини веома дуго присутном традицијом излагања богословских и других интелектуалних и духовних садржаја на црквенословенском језику (стога је основни терминолошки фонд изграђен управо на црквенословенској основи), као и практиковањем диглосије (комплементарне употребе) руског и црквенословенског језика чак и у сфери општекњижевног израза све до XIX века.

Тежња према прецизности и тиме мотивисана израженост терминологичности лексике неизбежно доводи до тога да научни стил било које дисциплине, за разлику од књижевног, информативно-публицистичког, разговорног није доступан свим носиоцима језика и свима који тим језиком владају као страним, већ пре свега особама са

систематским образовањем у овој области. Због тога је за разумевање и успешно превођење научних и стручних текстова неопходно пре свега поседовање одговарајућих предметних знања, а затим и изграђеност лингвистичке и комуникативне компетенције на адекватном нивоу (детаљније в. Зильберман 1990, 65-75).

Поред општенаучне лексике и ужестручне терминологије, у научном тексту веома су честе речи које се користе као организатори излагања. Формално, оне су изражене везницима и везничким речима, прилозима, предлошко-падежним везама, уводним речима и синтагмама, безличним и неодређеноличним реченицама. Функционално, ова групација речи дели се на две поткатегорије: а) речи које уводе логички контекст, нпр. потврђују раније изнете наводе («следовательно», «таким образом», «тем самым», «в результате этого») или их негирају («однако», «но», «с другой стороны», «тем не менее», «в противоположность этому»), проширују раније дату информацију («кроме того», «в свою очередь», «в данном случае»), указују на логички след аргументације («как говорилось выше», «ниже мы отметим», «во-первых», «в-последних») и б) речи које констатују веродостојност информације изнете у исказу («думают», «считают», «полагают», «утверждают», «кажется», «возможно», «видимому») (Митрофанова 1985, 50-51; Цвиллинг 1989, 85-87).

Прецизност као задато обележје научног текста узрокује још једну специфичност везану за лексички систем, а то је тенденција ка сужавању полисемије речи (Митрофанова 1985, 36-40). Наиме, вишезначне стилски неутралне речи у научном стилу не употребљавају се у свим својим значењима која су карактеристична за њихово функционисање у општем књижевном језику, већ најчешће у једном, ређе у два значења. Тако, на пример, од четири основна значења глагола *видеть* која констатују речници савременог руског стандардног језика (1. воспринимать зрением, замечать глазами; 2. сознавать, понимать; 3. обладать чувством зрения; 4. считать кого-либо кем-либо) у научном стилу реализују се пре свега друго и, нешто ређе, прво значење, на пример: *Как мы видели в отрывке из книги В. В. Виноградова, «предложение отличается от словосочетания: предложение – предикативная единица, а словосочетание – непредикативная».*

Тежња ка уопштавању, генерализацији, апстракцији такође налази одраз у лексици научног стила: она се манифестију у преовладавању апстрактне лексике над конкретном. Нарочито су заступљени творбени модели којима се образују апстрактне именице, као што су: *-ение (-anie), -ость, -мость*, нпр. *мышление, деление, отражение, префиксальность, синонимичность, весомость, взаимозаменяемость* (исп. Васильева 1989, 68-73).

За разлику од неких других стилова, посебно књижевног и информативно-публицистичког, где се инсистира на разноликости лексике и у том циљу неретко пробегава синонимским заменама, у научном стилу релативна једнообразност и шкртост у употреби лексема, њихово вишекратно понављање, недоживљавају се као недостатак, већ као природна последица тежње ка максимално егзактности и лапидарности израза. На пример: *Суффикс – главная словообразовательная морфема русского языка*. Значения суффиксов являются чрезвычайно богатыми и разнообразными. Большое количество суффиксов образует слова, которые обозначают новые понятия по сравнению с производящим словом. Часть суффиксов не меняет лексического значения производящего слова. Или: *Существование в Боге вечной, нетварной „потенциальности“, которая не есть Сущность Божия, как не есть она и сущность мира или сущность как таковая („для себя“), но которая подразумевает определенную непредвиденность по отношению к творению, предполагает антиномическую концепцию Бога, которая обретает различные формы выражения в византийском богословии.*

Лексика научног стила, дакле, може се охарактерисати а) с позитивне стране – употребом искључиво стандардних, неутралних и терминолошких јединица; превагом апстрактних именица у односу на конкретне; употребом полисемичних речи у само једном или, ређе, два значења; знатним уделом интернационализма у терминологији; релативном истородношћу, затвореношћу лексичког састава, и б) с негативне стране – недопустивошћу употребе јединица из разговорног стила, супстандардних, као и лексема са емоционално-ескпресивном обвојеношћу (Кожин и др. 1982, 93-94).

Морфолошке специфичности

Селекција морфолошких форми у научном стилу такође је саобраћена са критеријумом апстрактности излагања. Рецимо, када је реч о употреби личних глаголских облика, највећу процентуалну заступљеност показују форме трећег лица једнине и множине, управо из разлога што је њима својствен највећи степен апстрактности, док се друго лице, као најконкретније, практично уопште не употребљава. Облик првог лица у научном стилу обично се везује за конструкције као што су инклузивни императив (*Перейдем к изложению..., Рассмотрим..., Допустим, что...*) (Кожин и др. 1982, 95) и тзв. ауторско „ми“, којим се потенцира скромност аутора и објективност казивања: *Мы остановились на этом вопросе столь подробно, потому что...*). Употребом првог лица множине у научном тексту постиже се и додатна активизација пажње читаоца успостављањем

непосредног контакта са њим, нпр.: *О синтаксических функциях союзов мы уже говорили раньше. Здесь кказанному добавим только, что и сочинительные, и подчинительные союзы передают определенные грамматические значения – сопоставление, противопоставление явлений, причинную, временную, условную зависимость явлений.*

Од глаголских времена у научном стилу доминира презент: облици овог времена заступљени су са 67-85% од укупно употребљених глаголских форми (у књижевном стилу презент, иначе, заузима свега 11%). Проценат глагола употребљених у садашњем времену у просеку је три пута већи од процента облика прошлог времена (исп. Кожин и др. 1982, 95-96; Тошовић 2002, 352). Садашње време у научним текстовима најчешће се користи у ванвременском значењу, значењу времена у најширем смислу, што се објашњава чињеницом да су предмет научне анализе пре свега константна обележја, особине и процеси. Прошло време се употребљава много мање него у књижевном стилу, а његова фреквенција доста зависи и од тога о којој се конкретно дисциплини или типу текста ради (изразитије је његово присуство у историографији, биографијама, описима феномена науке и културе у прошлости и сл.).

Глагол у филолошком научном стилу показује изразиту тенденцију ка десемантизацији. Она се манифестију најпре у чињеници да су научном стилу својствени глаголи веома широке, апстрактне семантике, као што су *иметь, иметься, существовать, наблюдаться, появляться, начинать, начинаться, кончать, кончаться, обнаруживать, проявляться, изменяться* и сл. Друго, у научном изразу присутан је низ копулативних глагола које не срећемо, или знатно мање срећемо у другим стиловима: *быть* (са доста честим карактеристичним чувањем копулајућа, суть у дефиницијама, нпр.: *Окончание есть изменяемая часть слова, указывающая на связь данного слова с другими словами. Предлоги, союзы, частицы суть неизменяемые слова, являясь, называться, считаться, стать, становиться, казаться, оставаться, характеризоваться, заключаться, обладать, отличаться, признаваться, служить, представляться, представлять (собой) и др.* Треће, доста глагола функционише као компонента глаголско-именских синтагми, у којима основно смишено тежиште прелази на именицу, док глагол означава радњу у најширем смислу, нпр.: *оказывать влияние, воздействие, производить наблюдения, подвергать анализу, оценке, испытаниям, приводить к возникновению, усилинию, ослаблению, нарушению, исчезновению.* У таквим синтагмама конкретизација се постиже проширивањем именске компоненте придавима који додатно описују процес или радњу, нпр. *приводить к возникновению → приводить к постепенному / быстрому / повсеместному возникновению, провести анализ → провести предварительный / итоговый /сопоставительный / сравнительно-исторический анализ.*

Последица ових процеса јесте и тзв. номинативно устројство научног излагања, које се огледа у високом уделу именских врста речи. Однос именица и глагола у научном тексту, како је утврђено, износи 43 : 14%. Готово половину употребљене лексике чине именице и придеви (исп. Митрофанова 1985, 59-60; Тошовић 2002, 351). Именски карактер излагања појачава наглашена употреба глаголских именица. У научним текстовима чак има више предлога него глагола. На различит саоднос врста речи у научном и књижевном функционалном стилу утиче пре свега то што се први карактерише апстрактношћу, а други конкретношћу, први је крајње терминологизиран, а други је отворен за све стилске сложеве језика. У уметничким текстовима преовладава динамизам, у научним статистичким, један одише субјективизмом, а други објективизмом.

У категорији рода приметна је израженија употреба средњег рода (29-30% од укупно употребљених облика именица, за разлику од 15-17% у књижевном стилу) (исп. Кожин и др. 1982, 97; Цвиллинг 1989, 78-81). Ово је узроковано чињеницом да је средњи род носилац највеће дозе апстрактности. Од падежа на првом месту је генитив, зато што су његово значење и синтаксичка употреба најразноврснији у падешком систему. Веома су карактеристични и генитивски низови, нпр.: *выяснение закономерностей формирования структуры и содержания учебника русского языка как иностранного*.

Чести су и именски предлози и везници, типа: *в связи с, по отношению к, в соответствии с, в результате, в течение, в ходе, по причине и др.*

Синтаксичке специфичности

Научни стил одликују углавном комплексне и вишечлане реченице. Међу сложеним реченицама доминирају атрибутске и узрочно-последичне реченице. Често се користе и реченице за прецизирање, нпр.: *Перейдем теперь к краткому рассмотрению определений фонемы в русистике. Не имея возможности представить их все, мы ограничимся только двумя, а именно: концепций московской и ленинградской фонологических школ.* Величина пасуса креће се најчешће од 3-4 до 7-8 реченица (Тошовић 2002, 354).

Веома је честа употреба пасивне конструкције, у којој субјект није изражен номинативом, него инструменталом или је изостављен, као и неодређено-личне конструкције (без субјекта, са предикатом у трећем лицу множине). На тај начин у први план се ставља сама радња, а њена зависност од вршиоца поставља се у други план или не налази никакав језички израз, нпр.: *Слово мотель заимствовано русским языком из английского. „Российская грамматика“ создана М. В. Ломоносовым. – Языки*

мира классифицируют по различным признакам. Различают частное и общее языкознание. Долгое время синтаксис определяли как правила построения связной речи (исп. Васильева 1989, 80-83).

Фреквентне су и безличне реченице са модалним речима и инфинитивом, са предикативним прилозима на -о, са безличним глаголима или с личним глаголима у значењу безличних (Кожин и др. 1982, 98; Ермоленко 1990, 5-22), нпр.: *Поскольку написанное должно одинаково восприниматься всеми читающими и пишущими, необходимо твердо установить значение знаков препинания в пределах одного национального языка.* Любопытно заметить, что в русистике не существует общепризнанного определения фонемы. - Может показаться, что общество и литература должны приветствовать любые заимствованные слова. - Не надо думать, что словарный состав языка не обновляется, поскольку он отражает все перемены в жизни общества.

У циљу наглашавања логичности излагања и лакшег праћења ауторове композиционе схеме често се користе тзв. уводне речи (Кожин и др. 1982, 99), најчешће оне са значењем редоследа навођења чињеница или указивања на степен веродостојности и извор информације, као што су: *во-первых, во-вторых, наконец; конечно, по-видимому, как утверждают; согласно концепции, по мнению автора.* На пример: *Лексика – самый важный и, пожалуй, самый трудный компонент в овладении русским языком. Причин этому немало. Во-первых, постоянные изменения в лексическом составе вследствие изменений в обществе. Во-вторых, его безграничность. По-видимому, на выбор средств семантизации лексики влияют возраст учащихся, профиль обучения, профессиональная компетентность преподавателя. Согласно концепции Фортунатова, простое предложение отождествляется со словосочетанием.*

Правила композиционог обликовања филолошког текста

Сваки научни текст је у великој мери стандардизован. Стандард служи управо економисању интелектуалних напора како примаоца информације (читаоца), тако и њеног даваоца (аутора). Стандард у великој мери олакшава рецепцију текста управо из разлога што је и сама форма излагања предвидљива, стереотипна, тако да не одвлачи пажњу са оног најважнијег, а то је поимање садржаја. У научном тексту стандардизовани су не само композициона схема и основни критеријуми излагања него и језичка средства (вокабулар, синтаксичке конструкције, творбена и морфолошка средства). Међутим, у научном тексту, за разлику од административно-пословног, има простора и за индивидуалност аутора, која је утолико изразитија уколико је аутор афирмисанији, оригиналнији и креативнији, а неретко она зависи и од теме којом се бави, методолошког

приступа, времена када је рад писан (у начелу, теолошки текстови из XIX и прве половине XX века показују мању дозу стандардизованости него савремени) (Кончаревић 2019, 717-730; Кончаревић 2021, 485-504).

При научном излагању тежи се и максималној економичности израза. Наиме, материја се излаже тако да читалац може извучити максимум прецизних информација са минималним утрошком времена или интелектуалних напора (детаљније о целовитости, кохерентности, структури и организацији научног текста в. Валгина 2003, 29-64, 133-138). Тежња ка лапидарности израза, међутим, не сме да иде на уштроб разумевања смисла. Стога је потребно навести довољно аргументата, илустративних примера и другог материјала који олакшава рецепцију текста.

Научни стил, по правилу, карактерише и емоционална неутралност, као и неутралност у погледу субјективне оцене (Тројанская 1989, 37-43). Ипак, у друштвено-хуманистичким наукама је ова тенденција мање изражена него у егзактним наукама, управо из разлога што је излагање усмерено на активизацију не само интелектуалних, него и емоционалних и волитивних потенцијала читалаца. Зато ће се у текстовима из друштвено-хуманистичких дисциплина неретко наћи на метафоричка, средства поређења, на преносну употребу речи, реторска питања, екскламације и друга средства постицања експресивности израза (исп. Кончаревич 2015, 220-224; Кончаревић 2016, 275-284).

Најзад, када је реч о стандардима у погледу композиционог обликовања, подсетићемо на чињеницу да сваки структурно-композициони део научног и стручног текста, без обзира на обим (да ли је у питању чланак, студија, монографија, семинарски рад и сл.), поседује своју аутономност и карактеристична језичка средства (нпр. постоје посебни клишији за увођење теме, за заснивање њене актуелности и релевантности, за навођење аргументације, извођење закључчака, резимирање, рекапитулирање материје и сл.) (исп. Митрофанова 1985, 17-27). У начелу, научни текст у композиционом погледу треба да садржи најмање два дела – уводни (дескриптивни, прегледни) и главни (оригинални). У првом делу заснива се потреба истраживања, формулише се његов предмет и изабрани метод, излаже се историјат питања (преглед досадашњих истраживања и интерпретација дате проблематике), заснивају хипотезе од којих се у раду полази (уколико то рад изискује), док се у главном делу спроводи само истраживање и излажу његови резултати. Сви материјали који нису од суштинске важности за разумевање проблема издвајају се у прилог (Appendix). Научни рад мора бити пропраћен и одговарајућом библиографском апаратуром.

• *Питања, задаци и вежбе:*

1. Наведите основна обележја методологије лингвистике, методике наставе или науке о књижевности и окарактеришите њихов одраз у научном стилу у области филологије.
2. Побројте диференцијалне црте филолошких у односу на научни стил других дисциплина и образложите њихову оправданост.
3. Објасните појам интертекстуалности. Наведите неки карактери-стичан пример.
4. Објасните зашто је у научном стилу филолошке литературе излагање засновано на начелима прецизности, апстрактности, логичности и објективности. Наведите аргументе који ће поткрепити ваше ставове.
5. Наведите специфичне карактеристике лексичког састава филолошког научног текста и објасните њихове узорке.
6. Докажите да је терминологизованост једна од основних стилистичких карактеристика филолошких дела. Илуструјте своје поставке на одломку из неког научног текста из лингвистике, методике наставе или науке о књижевности.
7. Објасните на основу анализе одломка из текста по избору какво место у филолошким научном делу заузима општенаучна лексика.
8. Окарактеришите научни стил у области филологије са становишта морфологије (карактеристичне форме глаголског времена, лица, фреквентност врста речи, фреквентност падежа). Поткрепите своја запажања примерима.
9. Издвојите синтаксичке специфичности филолошког научног стила. Илуструјте их примерима.
10. На тексту из филолошке дисциплине која вас највише занима, обима од 60 до 100 редова, спроведите стилистичку анализу по следећој схеми:
 - A. Анализирајте лексички састав текста, издвајајући следеће категорије речи:
 - терминолошка (ужестручна) лексика,
 - општенаучна лексика,
 - речи-организатори излагања.Оредите функције сваке од ових категорија.

Б. Саставите глосар ускостручних термина који се срећу у тексту који сте одабрали. Класификујте их према пореклу.

В. Одредите процентуалну заступљеност речи са апстрактним значењем, свако у свом фрагменту. У које филолошке дисциплине, по вашим налазима, спадају текстови са најмањим, а у које са највећим уделом апстрактне лексике? Чиме је то, по вашем мишљењу, условљено?

Г. Анализирајте лексику текста с тачке гледишта саодноса именица и глагола и установите која врста речи преовладава и зашто.

Д. Установите који падеж именица преовладава у тексту и објасните зашто. Наведите све генитивске низове.

Ђ. Установите фреквентност глаголских времена и лица у тексту и доведите своје налазе у корелацију са предметом излагања и карактером конкретне филолошке дисциплине којој припада одбрани одломак.

Е. Одредите карактер глагола коришћених у тексту. Посебно издвојите синтагме са десемантизованим глаголима и укажите на њихове функције.

Ж. Нађите у тексту пасивне, неодређеноличне и безличне конструкције, укажите на средства којима су изражене и установите да ли су карактеристичне за дати текст и дату област филолошке науке.

З. Установите који тип сложених реченица је најзаступљенији у тексту и зашто.

И. Покажите на основу лингвистичко-комуникативних средстава да ли је у тексту изражена индивидуалност аутора, или је он писан неутрално. Колико је ауторов израз економичан, да ли је емоционално и експресивно маркиран? Колико је присутна интертекстуалност, на који се начин реализује и колико је оправдана? Аргументујте своје налазе.

ДЕО ДРУГИ

ОБЛИКОВАЊЕ НАУЧНОГ ДЕЛА У ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИЈЕ

ИНФОРМАЦИОНО-БИБЛИОГРАФСКА АПАРАТУРА ФИЛОЛОШКОГ НАУЧНОГ ДЕЛА

Појам изнанај. Библиографска апаратура научног дела представља укупност унутартекстуалних и вантекстуалних библиографских података о документима који се цитирају (или помињу) у научном делу или су на било који други начин коришћени приликом његове припреме. Библиографска позивања и спискови представљају обавезан саставни део апаратуре оријентације сваког научног дела, независно од његовог обима и намене (нпр. да ли је у питању монографија, чланак, дисертација, енциклопедија, универзитетски уџбеник и др.). Они омогућавају успостављање везе новог научног рада са претходним делима из дате области, проверавање веродостојности података, исправно поимање научне новине датог рада и вредности добијених резултата.

Библиографска информација о документима који се цитирају или помињу у научном делу мора бити комплетна и уобличена тако да пружа неопходне и довольне податке за идентификовање сваког конкретног документа и његово налажење при библиографском претраживању (о значају библиографских информација детаљније в. Астахова 1997, 23-32; Мильчин, Чельцовава 2005, 549-553; Вранеш 2013, 11-21).

Начин и поредак компонената библиографског описа су стандардизовани (исп. Демидова 1991, 99-117; Мильчин, Чельцовава 2005, 554-606; Вранеш 2013, 28-38), али се разликују не само у разним националним културама, него и у оквиру исте културе различити часописи могу постаљати своје стандарде за навођење библиографских јединица (у прилогу на kraју уџбеника дајемо стандард прихвачен у

часопису „Славистика“, издање Славистичког друштва Србије). Овде ћемо најпре увести основни библиографски опис, најшире прихваћен у руској средини („Библиографическое описание документов. Общие требования и правила составления“, ГОСТ.1-84) (Джиго, Калинин 1998, 9-74), да бисмо потом уводили и новије стандарде (Джиго, Калинин 2012, 33-51). Разлог за овакав приступ јесте не смо методичка поступност, него и чињеница да и у самој руској средини најновији стандард, уведен 1. јула 2019. године на основу Указа Федералне агенције за техничку регулативу и метрологију од 3. децембра 2018. године (нормативни документ ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления» (интегрални текст овог документа дат је у прилогу на крају уџбеника), није присутан у свим руским издањима, него фигурира као један од алтернативних. Уз то, велики број књига, часописа, дисертација, рукописа описан је по старијим библиографским стандардима, а библиографско описивање за потребе самосталног истраживачког рада, као што је случај са мастер студијама славистике, усваја се не само продуктивно, него и рецептивно.

Поштовање библиографских стандарда један је од битних елемената владања језиком струке, оно доприноси процени квалитета обликовања сваког научног и академског рада. Библиографске описе при коришћењу руског језика у филологији наводићете уз своје научне радове – штампана излагања на научним склоповима, прилоге у међународним часописима, али и семинарске, завршне, дипломске радове и пројекте на основним, мастер и докторским студијама (библиографски спискови литературе, цитирања и библиографске референце уз текст). Библиографски стандарди за мастер радове и дисертације у руској средини наводе се у документу исп. Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023 (в. списак литературе на крају ове књиге).

Структура библиографског описа. Библиографски опис састоји се од неколико елемената, који се увек наводе одређеним редоследом: 1. заглавље описа (подаци о аутору, ауторима или организацији која има статус колективног аутора); 2. наслов дела; 3. подаци о издању; 4. подаци о месту издања, издавачу, години издања; 5. квантитативни подаци (број страница, илустративних прилога и сл.); 6. факултативни подаци.

Подаци о аутору, ауторима или организацији која има статус колективног аутора наводе се у номинативу; иницијали се стављају после презимена аутора; назив организације ставља се у званичном, интегралном облику, на пример:

- Щукин, А. Н.
- Государственный Институт русского языка им. А. С. Пушкина
- Центр коммуникативных исследований Воронежского Государственного Университета

Уколико књига има два индивидуална аутора, наводе се презимена оба аутора, а испред презимена коаутора ставља се зарез, на пример:

- **Кравецкий, А. Г., Плетнева, А. А.**

У случају постојања три аутора, наводи се презиме првог аутора са додатком «и др.» (и другие), а ако је неопходно, наводе се презимена свих аутора са зарезом, на пример:

- **Костомаров, В. Г. и др.**
- **Костомаров, В. Г., Григорьева, Л. Н., Хруслов, Г. В.**

Уколико се уз име аутора жели навести и његово звање и/или академска титула, они се даје иза свих компонената имена одељен зарезом:

- **Маслова, В. А., профессор, д-р фил. наук**
- **Рожкова, Г. А., кандидат фил. наук**

Наслов дела наводи се у интегралном облику, без знакова навода. Свака компонента назлога (уколико дело има поднаслове) одваја се знаком **две тачке** (:) и пише почетним великим словом. Од имена аутора, наведених обавезно масним словима (полуфетом, болдом) назлов, који се штампа нормалом, одвојен је тачком:

- **Шукин, А. Н.** Методика обучения русскому языку как иностранному
- **Маслова, В. А.** Введение в лингвокультурологию
- **Институт русского языка им. А. С. Пушкина.** Русский язык: пороговый уровень
- **Кравецкий, А. Г., Плетнева, А. А.** История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.)

У случају да се ради о колективу аутора (четири и више), најпре се наводи назлов, а затим, после које црте, презимена прва три аутора са иницијалима и назнаком („и др.“), или се само наводи уредник:

- Церковнославянский язык / Ремнева М. Л., Савельев В. С., Филичев И. И. и др.
- Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Ред. кол.: Е. М. Верещагин (гл. ред.) и др.

Ако су у назлову дела присутни датуми, или подаци о месту одржавања научног скупа, они се наводе или после основног текста, са зарезом, или у округлим заградама, без зареза, у зависности од решења назловне стране:

- Дискуссии о церковнославянском языке (1917-1943)
- Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание: Материалы I Международной научной конференции (Москва, 28-30 сент. 2004 г.)

Подаци који конкретизују и појашњавају основни наслов, а који су штампани на насловној страни, наводе се после две тачке, без навода и великим почетним словом:

- Активные процессы в современном русском синтаксисе: Словосочетание
- Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий
- Церковнославянский язык: Преломление традиций в современной культуре: Сб. науч. тр.

Ако се описује вишетомно издање, у заглављу се, након знака две тачке, великим словом наводи и податак о томе у колико је томова изашло дато издање:

- **Даль, В. И.** Пословицы русского народа. Т. I-II. Москва; Художественная литература, 1984.
- **Милюков, П. Н.** Очерки по истории русской культуры: В 3 т.

При описивању конкретног тома вишетомног дела после општег наслова дела наводи се број тома и његов наслов, уколико је назначен:

- **Топоров, В. Н.** Святость и святыне в русской духовной культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси
- **Селищев, А. М.** Труды по русскому языку. Т. I: Социолингвистика

Пре одредница «Сост.», «Под ред.», «Отв. ред.», карактеристичних за колективне монографије и зборнике, ставља се коса црта, а у поретку навођења компонената личног имена састављача, уредника и сл. иницијали се стављају пре презимена:

- Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации / Отв. ред. Т. Шевкунов
- Христианство: Энциклопедия: В 3-х т. / Ред. А. А. Аверинцев

Подаци о издању служе диференцирању конкретног од неких других издања истог дела, на пример:

- 3-е изд., испр. и доп.
- 11-е изд., стереотип.
- Репринтное воспроизведение издания 1897 г.

Пре навођења ових података ставља се тачка и црта:

- Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. – 2-е изд., стереотип.

Подаци о месту издања, издавачу и години издања такође су обавезне компоненте библиографског описа. Наводе се овим редом, с тим што се између места и издавача стављају две тачке, а година издања одељује се зарезом:

- М.: Русский язык, 2004.
- С-Пб.: Златоуст, 2016.

- Воронеж: Истоки, 2008.
- Минск: Наследие, 1998.

Сузидавачи се наводе са двотачком између њих, на пример:

- М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008.
- М.: Флинта: Наука, 2006.

Подаци о приређивачима, уредницима здања и/или преводиоцима (уколико књига није извorno написана на руском језику) такође су обавезне компоненте библиографског описа, што ћемо илустровати следећим примерима:

- **Вандриес, Ж.** Язык: Лингвистическое введение в историю [Перевод с французского/ Ж. Вандриес; Примеч. П. С. Кузнецова; Ред. и предисл. Р. О. Шор]. – 2. изд, стер. - М.: УРСС, 2001. - 407 с.
- **Блумфилд, Л.** Язык. [Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат; Под ред. и с предисл. М. М. Гухман]. - Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный колледж им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1999. - 606 с.

Квантивативни подаци (број страница, илустративних прилога и сл.) дају се на kraју описа, одељени цртом:

- **Шанский, Н. М.** Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. – 240 с.
- **Бирих, А. К.** Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. - 926 с.

Факултативни подаци садрже информације нпр. о библиографским списковима, регистрима, терминолошким речницима и другој релевантној апаратури дела, нпр.:

- Библиогр.: С. 308-336 (1150 назв.)
- Имен. указ.: с. 204-208.
- Глоссарий: с. 842-850.

Додатне информације могу се тицати и организације која стоји иза штампања књиге, серије и подсерије у којој је објављена, и у том случају оне се стављају у округле заграде:

(Институт русского языка им. А. С. Пушкина. Отдел теории учебника)

(Редакция: «Словари русского языка»)

(Серия: Б-ка преподавателя русского языка как иностранного)

За књиге преузете са интернета обавезна компонента библиографског описа јесте и интернет адреса на којој се налазе:

- Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. I Введение. // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / перевод с англ. А. Д. Шмелева. Под ред. Т. В. Булычиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. <<http://philologos.narod.ru/ling/wierr2.htm>>
- Ю. С. Степанов, Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа „Языки русской культуры”, 1997. <<http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>>

СХЕМА БИБЛИОГРАФСКОГ ОПИСА КЊИГЕ

- **Презиме, иницијали аутора или ауторског колектива.**
Наслов: Поднаслов и подаци везани за наслов / Подаци о аутору. – Издање. – Место издања: Издавачка кућа, година издања. – Број страна. – Напомене.

Примери за рекапитулацију:

- **Петрова, Л. А., Щекина, И. А.** Итальянский язык для начинающих: Учебник. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ACT, 2001. – 228 с.
- **Шукин, А. Н.** Интенсивные методы обучения иностранным языкам: Учебное пособие. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Русский язык, 2005. – 336 с.
- **Стернин, И. А., Прохоров, Ю. Е.** Русские: коммуникативное поведение. – Изд. 4-е, перераб, и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 238 с.
- **Христианство:** Энциклопедический словарь: В 3-х т.: т. 3: С-Я / Ред. кол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 783 с.
- **История лингвистических учений.** Древний мир/ Под ред. А. В. Десницкой и С. Д. Кацнельсон.-Л.: Наука, 1980. – 259 с.
- **Гумбольдт, В. фон.** Избранные труды по языкоznанию/ пер. с нем. под ред. и с предисловием Г. В. Рамишвили. - М.: Прогресс, 1984. – 388 с.

Схема библиографског описа дисертације (у рукопису)

- **Презиме, иницијали аутора.** Наслов: подаци везани за тип дисертације. – Место, година. – Број страна.

Подаци везани за тип дисертације могу се наводити у интегралној форми (*Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, *Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*), али се најчешће примењује скраћени опис (*Дис. ... канд. филол. наук*, *Дис. ... д-ра филол. наук*).

Примери за рекапитулацију:

- **Романова, Г. В.** Использование библеизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 2003. – 223 с.
- **Абрамов, С. Р.** Сакральный и поэтический текст как предмет филологической герменевтики: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – СПб., 2006. – 515 с.
- **Воробьевая, Н. А.** Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 188 с.
- **Дубровина, С. Ю.** Христианская лексика в диалектах русского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2006. – 489 с.

• Питања, задаци и вежбе:

1. Понудите сажету дефиницију библиографског описа. Нагласите у чему је значај његовог познавања за служење руским језиком у области филологије.

2. Набројте основне елементе библиографског описа. Који од њих су обавезни, а који факултативни?

3. Како се наводе подаци о аутору књиге (којом врстом слога, којим редоследом компонената имена?) Како се поступа уколико књига има два или три, а како четири и више аутора? Наведите примере, користећи литературу из библиотечког фонда који вам је на располагању (библиотека факултета, катедре, Универзитетска библиотека) или из електронског каталога.

4. Како наводимо наслов књиге? А поднаслов? Којим интерпункцијским знаком се одељују ове две компоненте? Како поступамо уколико књига у свом наслову има датуме, а како у случају да је реч о зборнику са научног скупа са назнаком места и времена одржавања? Наведите одговарајуће примере.

5. Како наводимо наслов уколико је реч о вишетомном делу: а) у целини, б) сваког тома понаособ? Наведите илustrативне примере.

6. Када се ставља коса црта приликом описа научног дела?

Наведите пример, водећи рачуна о редоследу компонената имена аутора.

7. Како наводимо назив издавача, место и годину издања? Који интерпункцијски знаци се користе том приликом?

8. Наведите пример за библиографски опис поновљеног издања. Шта мислите, која врста научне литературе доживљава највећи број издања?

9. Наведите пример за библиографски опис рукописне дисертације.

10. Које руске издаваче филолошке литературе знате? Сећате ли се неких њихових, за вас најзанимљивијих, назова?

11. Уредите по смислу компоненте библиографског описа, водећи рачуна о врсти слова и употреби интерпункцијских знакова:

а) Национально-культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев; Прохоров Ю. Е.; 1999; Москва; Русский язык; Изд. 2-е, стереотип.; 325 с.

б) Русский язык; 1993; Словарь-справочник лингвистических терминов; Москва; Учебное пособие; 224 с.; Розенталь Д. Э.; 3-е изд.

в) Паламарюк В., Давыдова Е.; 317 с.; Москва; Богословский славяно-русско-английский словарь; Изд-во Московского Патриархата; Изд. 3-е, испр. и доп.; 2001.

г) Изд-во Московского Государственного Университета; 1988; Москва; Литературный язык Древней Руси: Некоторые особенности грамматической нормы; 198 с. Ремнева М. Л.

д) Митрофанова О. Д.; 1985; Изд. 2-е, перераб. и доп.; Москва; Научный стиль речи: проблемы обучения; Русский язык; 230 с.

е) Диссертация ... кандидата филологических наук. - 240 с. Проповедь митрополита Филарета (Дроздова) в русской литературе: проблемы жанра и стиля: - Москва, 2008. Сибирёва, М. В.

ж) Смирнова, В. В. - Москва, 2006. Дис. ... канд. филол. наук. - 254 с. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров:

з) - С.-Петербург: Алетейя, 1996. [Перевод с древнегреческого и латинского]/ [Общ. ред. О. М. Фрейденберг]. - 362 с. (Антология текстов); Античные теории языка и стиля:

СХЕМА БИБЛИОГРАФСКОГ ОПИСА ЧЛАНКА

- Презиме, иницијали аутора или ауторског колектива. Наслов: Поднаслов и подаци везани за наслов // Назив часописа. – Година издања. – Број часописа. – Странице.

Примери:

- **Сове, Б. И.** Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. – 1970. – № 5. – С. 25-69.
- **Стернин, И. А.** Улыбка в русском общении // Русский язык за рубежом. – 1992. - № 2. – С. 54-58.

Запамтите: назив часописа даје се без знакова навода; не указује се на место излажења часописа; испред назива часописа стављају се две косе црте (//); реч „страница“ наводи се скраћено и великим словом (С.).

Уколико је чланак преузет из зборника или књиге, после имена аутора и наслова стављају се две косе црте (//), а затим се указује на наслов зборника или књиге са пратећим подацима (састављач / уредник, место издања, издавачка кућа, година издања). На kraју се наводе странице на којима је објављен текст који је предмет библиографског описа:

- **Прохватилова О. А.** О ритмо-мелодической организации православной молитвы и проповеди // Мир Православия: Сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – С. 112–119.
- **Крысин Л. П.** Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Язык Церкви: Сб. науч. ст.: Гл. ред. И. В. Бугаева. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1996. — С. 135-138.

• Питања, задаци и вежбе:

1. Наведите основне разлике између библиографског стандарда описа посебне публикације (књиге), с једне, и чланка, с друге стране.

2. Опишите у складу са стандардом следеће чланке (релевантни подаци дати су на сумично):

а) Кирилло-Мефодиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века; Вопросы языкоznания; Мечковская, Н. Б.; С. 3-17; № 2; 2000.

б) Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 54.; 1995; Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование; Уфимцева, Н. В.; С. 55-62.

в) Балашов Н.; Континент; № 98; 1998; Язык богослужения: Из истории церковной дискуссии в России; С. 247-279.

г) Русский язык за рубежом; Ролевая структура деятельности преподавателя русского языка как иностранного; Молчановский, В. В.; С. 19-24; № 4; 1993.

д) Церковное послание как жанр современной религиозной коммуникации; Ярмульская И. Ю.; Нижний Новгород; 2007; Церковь и проблемы современной коммуникации; С. 191-200; Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции; 5-7 февраля 2007; Нижегородская Духовная семинария.

3. Направите библиографски опис свих чланака из једног броја неког руског филолошког часописа или тематског зборника и издвојите материјале који би вам били корисни за семинарски или мастер рад.

4. Из библиографског прегледа литературе коришћене за један зборник радова из области лингвистичке комуникологије, посвећен комуникационој култури словенских народа (Коммуникативное поведение славянских народов. Вып. 19. / Ред. И. А. Стернин, П. Пипер. Воронеж: Истоки, 2004), одаберите неколико наслова које бисте волели да прочитате. Објасните начела по којима је израђен њихов библиографски опис:

Грайс, Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва: Наука, 1992.

Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры. / «Труды по знаковым системам VI. Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 308». Тарту, 1973, с.227-243.

Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Национально-специфическое в межкультурной коммуникации / Текст как явление культуры, 1989, с.71-102.

Стернин, И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2000.

Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989, S. 279 – 282.

Шляхов, В. Языковая революция и жаргон. // Вестник МАПРЯЛ. № 32. - М., 2001. - С. 43-48.

БИБЛИОГРАФСКЕ РЕФЕРЕНЦЕ

Библиографским референцама називамо податке о документу који се цитира, разматра или помиње у одређеном научном раду. Свака библиографска референца укључује оне податке који се користе при библиографском опису књиге или чланка (допуштено је, међутим, изостављање назива издавача уколико се позива на монографију), с тим што је јединабитна измена у томешто се указује искључиво на оне странице

документа на које се аутор датог рада позива са становишта потреба свога истраживања. У даљем излагању изложићемо карактеристике навођења библиографских референци у руском научном стилу (детаљније исп. Демидова 1991, 118-132; Мильчин, Чельцов 2005, 146-157).

Према функцији и месту на коме се налазе у апаратури научног рада, библиографске референце могу бити: 1. унутртекстуалне, 2. подножне и 3. посттекстуалне.

Унутртекстуалне референце називају се још и **библиографском парентезом**, која као уметнута скраћеница у тексту упућује на потпуни библиографски податак о делу које се цитира или на које се позива (које се парафразира), наведен на крају рада. Библиографска парентеза састоји се од отворене заграде – обле () или квадратне [], презимена аутора, године објављивања рада који се цитира и ознаке странице на којој се налази цитат преузет у раду (нпр. Стернин 2001, 34-38 или Стернин 2001: 34-38). Овакав начин позивања на литературу веома је функционалан и данас се користи далеко чешће него позивање на подножне напомене (фусноте), особито у фундаменталној и примењеној лингвистици. Навешћемо неколико примера:

- Следует также отметить работы профессора В. П. Даниленко, в которых он затрагивает те же проблемы и использует при этом термин «лингвистическое религиеведение». По его мнению, «лингвистическое религиеведение – первый раздел лингвистического культуроведения. Каждая из лингвокультурологических дисциплин находится на стыке между лингвистикой и культуроведением. Лингвистическое религиеведение, в частности, занимает промежуточное положение между языкознанием и религиеведением. Оно исследует проблемы, связанные с мифологическими представлениями о происхождении языка и его магической функции» (Даниленко 2003: 43-44).
- По мнению М. В. Панова, отношение к норме изменилось: теперь, говоря словами этого автора, «норма – это выбор» [Панов 1998, 23].
- Нельзя не сказать и о работах по лингвокультурологии В. А. Масловой, которая также говорит о проблеме «язык и религия» как об одном из перспективных направлений лингвокультурологии (Маслова 1997: 23-35).
- Если в 60-е годы авторы социолингвистического исследования констатировали «окончательную секуляризацию в большей части таких слов как «догма», «реликви», «моции», «исповедь» и т.п.», то теперь многие слова этой тематической группы,

освоенные литературной и публицистической традицией, подверглись различным семантическим трансформациям, перешли в разряд беллетризмов, вошли в публицистические клише: храм науки, алтарь победы, иконостас орденов, политическое евангелие, апостолы мировой революции [Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) 1996: 71-73].

Означавање страница није неопходно уколико се има у виду дело на које се позивамо у целини, на пример:

- Здесь же следует обратить внимание на такую языковедческую проблему, как гипотезы происхождения языка. Среди языковедов популярны такие гипотезы происхождения языка, как теория звукоподражания, междометная (из эмоциональных криков – междометий), жестов, общественного договора, трудовых выкриков, трудовая, а также божественного происхождения языка. Нет необходимости описывать все эти теории. Этот вопрос является составной частью таких языковедческих курсов, как «введение в языкознание», «общее языкознание». На эту тему написано достаточно много работ (Античные теории языка и стиля 1996; Блумфилд 1999; Будагов 1958; Вандриес 2001; Вишняцкий 2002, N2: с.48-63; Вундт 1891; Газов 1965; Гердер 1977; Головин 1977: 224 – 231; Горелов, Слонов 1986, Т. 45, № 6: 558; Григорий Нисский (св.) 1995; Звегинцев, Ч. 1, № 1: 56 – 69; Гумбольдт 1984; Донских 1984; Донских 1988; Жинкин 1998; Иванов 2002 и др.).

Библиографски подаци који се односе на неколико докумената, а наводе се унутар једне напомене, како уочавамо из претходног примера, одвајају се интерпункцијским знаком тачка са зарезом.

Комплетне библиографске податке у случају коришћења парентезе наводимо само на крају рада, при чему се најпре даје сама парентеза онако како је означена у раду:

- Даниленко 2003: **Даниленко, В. П.** Общее языкознание. Курс лекций. 2-е изд. — Иркутск: Изд-во Иркутского государственного ун-та, 2003.—240 с.
- Горелов, Слонов 1986: **Горелов, И. Н., Слонов, Н. Н.** Происхождение языка: гипотезы и новые подходы к проблеме// Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – М., 1986. – Т. 45. - № 6. – С. 558.
- Античные теории языка и стиля 1996: **Античные теории языка и стиля:** (Антология текстов): [Перевод с древнегреческого и латинского]/ [Общ. ред. О. М. Фрейденберг]. - С.-Петербург: Алетейя, 1996. - 362 с.

Поднојсне напомене (фусноте) стављају се у дну стране, у простору визуелно истакнутом цртом, и означавају се арапским цифрама или, ређе, звездицама (*, **, ***) – ово потоње уколико је поднојских напомена у тексту мало. Штампају се мањом писмовном величином у односу на основни текст, на пример:

- В ране публиковавшихся работах нами уже была представлена краткая история теолингвистики как раздела «внешнего языкоznания»¹, определено ее место в кругу других «лингвистик»², обозначены основные направления, которыми она занимается³, описаны ее семантико-прагматические проблемы⁴, собрана русская и польская терминология теолингвистики⁵, описаны единицы теолингвистики⁶, а также отношения теолингвистики и грамматики⁷, теолингвистики и аксиологии⁸.
- Достаточно актуальной проблемой, без решения которой нельзя говорить о выделении теолингвистики в отдельный раздел языкоznания, является проблема терминологии

¹ Гадомский А.К. Теолингвистика: история вопроса// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филология», - Т. 18 (57). № 1. - Симферополь: ТНУ, 2005. - С. 16-26.

² Гадомский А.К. К проблеме определения теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филологические науки», Т. 17(56), № 1. - Симферополь: ТНУ, 2004.- С. 63-69; Gadomski A., 2005, *Lingwistyczne rozwiązańe problemu „język a religia” jako jeden ze sposobów współdziałania kultury wysokiej i niskiej, [w:] Relacje między kulturą wysoką a popularną w literaturze, języku i edukacji, (red.)* B. Myrdzik, M. Karwatowska, Lublin, s.85-95.

³ Гадомский А.К. Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записи Луганського національного педагогічного. Університету. - Вип.7. Серія: Філологічні науки: Збірка наукових праць [Норми та парадокси свідомості й мислення, іх відображення в мовній картині світу] - Луганськ: Альма-матер, 2006. - С.24-41.

⁴ Гадомский А.К. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету. - № 12 (80). - 2004. - С. 33 - 38.

⁵ Гадомский А.К. Русско-польская терминология теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филология», - Т.19 (58) № 1. - Симферополь: ТНУ. - С. 147-157.

⁶ Гадомский А.К. К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология: Сборник научных работ. - Выпуск 11. Часть 1. «Языкоznание». - Горловка: изд-во ГГПИЯ, 2006. - С. 11-20; Gadomski A., 2007, *O кодовом подходе в изучении религиозного языка, „Prace Filologiczne”, t. LIII, s. Warszawa, s. 199-206.*

⁷ Гадомский А. К. Теолингвистика и грамматика // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филология», Т. 19(58), № 4. - Симферополь: ТНУ, 2006. - С. 15 - 25.

⁸ Gadomski A., H. Gadomska, 2005, *Language as a medium for values and an attitude-shaping factor in the modern times, [w:] Ethical and Spiritual Values and Sources of European integration. Moral Education and Civil Society.5th March 2005, the Palace of Culture and Science in Warsaw, Poland, Warsaw, s. 155-165.*

теолингвистики. В реде публикаций нами уже затрагивалась названная проблема.⁹

Посттекстуалне напомене такође се означавају арапским цифрама у поретку континуитета (ако је у питању обимнији чланак или монографија, нумерација иде најчешће по поглављима) или, ређе, звездицама.

У поновљеним библиографским позивањима могуће је скраћивање назива извора заменом последњих речи дужих наслова знаком *три тачке* (...):

- Крылова, И. А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. - СПб., 2005, С. 9-15.
- Крылова, И. А. Современная православная проповедь... – С. 9-15.
- Церковь и проблемы современной коммуникации: Сборник статей / Отв. ред. А. Мякинин. – Нижний Новгород, 2007. – С. 43.
- Церковь и проблемы... – С. 76.

Уколико се на један рад позивамо два или неколико пута узастопце, у поновљеној напомени наводе се речи „Там же“, „Указ. соч.“ (*указанное сочинение*), „Цит. соч.“ (*цитируемое сочинение*) – ово потоње само при цитирању у ужем смислу, али се редовно упућује на одговарајуће странице:

- Звегинцев, В. А. История арабского языкоznания. Краткий очерк. - М.: МГУ, 1958. – С. 12-15.
- Там же. – С. 12-15.
- Вишняцкий, Л. Б. Происхождение языка: (Взгляд археолога) // Вопросы языкоznания. - 2002. - N2. - С. 48-63.
- Указ. соч. – С. 48-63.

При позивању на више докумената објављених у једном издању, после првог навођења уместо интегралних библиографских података о издању о коме је реч наводи се скраћеница „Там же“:

- Бугаева И. В. К вопросу о методологических и теоретических средствах изучения религиозной коммуникации // Церковь и

⁹ Гадомский А.К. Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту. Вип.7. Сер. фіол.науки: Зб наук. праць [Норми та парадокси свідомості й мічлення, іх відображення в мовній картині світу] - Луганськ: Альма-матер, 2006. - С.24-41; Гадомский А.К. Теолингвистика как учебная дисциплина // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи. Международная научно-практическая конференция. 24-26.05.2006 – Симферополь: Универсум, 2006. – С. 51-58; Гадомский А.К.Русско-польская терминология теолингвистики. – Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Т.19 (58) № 1 Филология. – Симферополь: ТНУ, 2006. – С. 147-157.

- проблемы современной коммуникации: Сборник статей / Отв. ред. А. Мякинин. – Нижний Новгород, 2007. – С. 39.
- Ярмульская И. Ю. Церковное послание как жанр современной религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации: Сборник статей / Отв. ред. А. Мякинин. – Нижний Новгород, 2007. – С. 191.

При позивању на изворе могуће је и скраћивање речи и синтагми, најчешће код назива серијских издања, али и у другим документима:

- РЯЗР
- ВЯ
- Уч. зап. МГУ
- Собр. соч.
- Избр. соч.
- Избр. тр.
- Тез. докл. на науч.-теорет. конф.
- Докл. на науч.-практ. конф.

За фреквентне елементе библиографског описа примењују се и унификоване скраћенице типа:

- и др. (и другие)
- и т. д. (и так далее)
- комм. (комментарии)
- сост. (составитель/ составители)
- отв. ред. (ответственный редактор)
- пер. (переводчик; перевод)
- под общей ред. (под общей редакцией)
- прим. (примечания)
- ред. (редактор/ редакторы)
- ред. кол. (редакционная коллегия)

• **Питања, задаци и вежбе:**

1. Објасните шта је библиографска референца и која је њена функција у научном делу.

2. Које врсте библиографских референци разликујемо по месту у односу на основни текст? На основу материјала из руске филолошке периодике наведите пример за сваку од њих.

3. Обликујте неколико подножних напомена за ваше семинарске радове. Којим ћете их знаковима означавати и зашто?

4. Пронађите у радовима које тренутно користите примере за библиографске парентезе.

БИБЛИОГРАФСКИ РЕГИСТАР

На крају сваког научног дела, укључујући и семинарске, завршне радове и дисертације, независно од обима рада, даје се списак литературе. Библиографски регистар обликује се по прецизно установљеним нормама(за руско подручје преглед ових норми са коментарима в. у: Мильчин, Чельцова 2005, 607-639, за мастер радове и докторске дисертације в. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023), а назива се, у зависности од карактера и намене:

- Литература
- Библиография
- Список литературы
- Библиографический список
- Использованная литература
- Рекомендуемая литература
- Список цитированной (использованной, рекомендуемой и т. п.) литературы
- Библиографический список цитированных (использованных, рекомендованных и т. п.) источников (документов)
- Литературные источники
- Архивные материалы, и др.

Спискови литературе обликују се по азбучном, хронолошком, азбучно-хронолошком, нумерационом и систематском принципу.

Азбучни регистри најчешће се примењују, најједноставнији су за употребу, а подразумевају излагање библиографских јединица према азбучном редоследу имена аутора или, у случају тематских зборника и колективних монографија, према азбучном редоследу наслова, на пример:

- Кондрашов 1979: **Кондрашов, Н.А.** История лингвистических учений. - М.: Просвещение, 1979. - 224 с.
- Маслова 1997: **Маслова, В.А.** Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие - М.: Наследие, 1997. - 208 с.
- Мечковская 1998: **Мечковская, Н.Б.** Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. - М.: Агентство «ФАИР», 1998. - 352 с.
- Мифы народов мира 1987-1988: **Мифы народов мира:** Энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия. Т. I, 1987. - 72 с.; Т. II, 1988. - 720 с.
- О языке богослужения 2010: **О языке богослужения// «RELIGIONS.RU»** <http://religions.unian.net/ukr/detail/4296> по состоянию на 22.04.2010.

Хронолошко обликовање библиографских спискова подразумева разврставање докумената по хронологији њиховог објављивања или по датумима када су настали:

(Фрагмент)

- Русское и финское коммуникативное поведение. – Колл. монография /ред. И. А. Стернин. - Воронеж: «Истоки», 2000. -194 с.
- Китайское и русское коммуникативное поведение. – Колл. монография /ред. И. А. Стернин. - Воронеж: «Истоки», 2002. -216 с.
- Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Колл. монография /ред. И. А. Стернин. - Воронеж: «Истоки», 2003. -238 с.
- Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Колл. монография /ред. И. А. Стернин, П. Пипер. - Воронеж: «Истоки», 2004. -168 с.

При алфабетско-хронолошком навођењу комбинују се оба начела:

(Фрагмент)

- Лемяскина, Н. А. Коммуникативное поведение младшего школьника. - Воронеж: «Истоки», 2000. - 195 с.
- Стернин, И. А., Шилихина, К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: «Истоки», 2001. - 135 с.
- Саломатина, М. С. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж: «Истоки», 2004. - 194 с.
- Чернышова Е. Б., Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж, «Истоки». 2007. – 210 с.

Нумерираоно навођење је веома прегледно и максимално економично у погледу простора у основном тексту, на пример:

(Фрагмент основног текста)

- «Языкознание (языковедение, лингвистика) – наука о естественном человеческом языке и обо всех языках мира как индивидуальных его представителях» [23, С. 618]. «Традиционно языкознание подразделяется на внешнее (Вильгельм фон Гумбольдт) и внутреннее (Ф. де Соссюр) ...» [20, с. 279]. «Учитывая тот факт, что языком занимаются также и другие науки (логика, философия, психология и др.), языкознание часто определяется как наука, для которой язык является главным предметом исследования. Следует

обратить внимание на тот факт, что в исследованиях языка невозможно провести четкую границу между аспектами языковедческими и аспектами неязыковедческими. Особенно это трудно сделать в настоящее время, которое характеризуется тенденцией к интеграции наук» [20, с. 279]. На переломе второго и третьего тысячелетий, языкознание несколько изменило объект своего исследования: от «языка в себе» лингвистика постепенно переходит к изучению языка в более широком контексте. А идеи Вильгельма фон Гумбольдта не только дополняют идеи Фердинанда де Соссюра, но и являются своеобразной базой, платформой, основанием для развития новых направлений в лингвистической науке. Это социолингвистика и психолингвистика, антропологическая лингвистика и этнолингвистика, этнопсихолингвистика и социопсихолингвистика и т. д. [12, с.7].

Систематско навођење библиографских списка омогућава увид у тематску (предметну) структуру јединица литературе:

A. Фонетика религиозного языка

1. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи: Монография. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999.- 364 с.

B. Лексика религиозного языка

2. Антушева Е. К этимологии христианской лексики: Диссертация на соискание ученой степени magister atrium по русскому языку. - Тарту, 2005. – 131 с..

3. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-реигиозную лексику: Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003 – 156 с.

4. Дубровина С.Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка: Дисс. ... доктора. филол. наук. – Тамбов, 2006. – 489 с.

5. Иванова Н.М. Религиозная лексика в лирике Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 162 с.

6. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (По данным толковых словарей русского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. - 171 с.

7. Моллаева А.А. Лексико-семантическое своеобразие православной проповеди XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. – 249 с.

8. Славутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.- 253 с.
9. Толстова Г.А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: Дисс. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2007 461 с.
10. Шейгасанова Г.М. Понятийно-тематические и морфологические особенности лексики кумыкского языка в религиозно мифологических текстах: Дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006 – 142 с.

Фразеология религиозного языка

11. Ваниева О.А. Фразеологические единицы библейского происхождения с концептами «душа.дух» и «сердце» в качестве опорного слова в русском, английском и осетинском языках: Сопоставительное исследование на материале Нового завета Библии: Дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2005. – 230 с.
12. Воробьева Н.А. Русская сакральная идиоматика: лингвокултурологический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 188 с.

Заимствования, библеизмы в религиозном языке

13. Болигер Е.И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 231 с.
14. Кислякова Е.Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (На материале текстов художественной литературы): Дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2004. - 215 с.
15. Кислякова Е.Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (На материале текстов художественной литературы): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 215 с.
16. Логунова Е. В. Поэтика русского исторического повествования 20-х годов XVII века : Топика и библеизмы: Топика и библеизмы: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 170 с.
17. Назарова Е.И. Сопоставление использования библеизмов в в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 178 с.
18. Оноприенко С. Библеизмы современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1997: Дис. ... канд. филол. наук. – 189 с.
19. Романова Г.В. Использование библеизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. - 223 с.

20. Семенова Е.С. Библеизм как средство речевого воздействия: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 148 с.
21. Туркова-Зарайская М.О. Особенности понимания библеизмов современными носителями языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 202 с.
22. Хрячкова Л.А. Отбор и использование библеизмов в художественном наследии М.А. Булгакова: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 286 с.
23. Яцкевич К.В. библеизмы в чешском литературном языке: На фоне русского и немецкого: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2003. – 239 с.

Грамматика религиозного языка

A. Морфология религиозного языка

24. Шейгасанова Г.М. Понятийно-тематические и морфологические особенности лексики кумыкского языка в религиозно-мифологических текстах: Диссертация ... кандидата филологических наук. - Махачкала, 2006.- 142 с.

B. Синтаксис религиозного языка

25. Савина М. М. Синтаксис проповедей русских священников XVIII-XIX веков : диссертация ... кандидата филологических наук. – Рязань, 2008. – 200 с.

• Питања, задаци и вежбе:

1. Прегледајте један број неког руског научног часописа (на пример: «Вопросы языкоznания», «Славяноведение», «Вестник МГУ. Серия литературы и языка») и испишите наслове под којима су наведени библиографски регистри уз сваки чланак. Колико су ти наслови адекватни намени сваке конкретне библиографије?
2. Како бисте насловили библиографски регистар у: (а) уџбенику, (б) приручнику за самосталан рад студента, (в) прегледном чланку, (г) оригиналном научном чланку, (д) семинарском раду, (ђ) мастер раду или докторској тези? Наведите аргументе у прилог свога опредељења.
3. Анализирајте типове библиографских регистара у једном годишту неког филолошког гласила. Од чега је зависило опредељење аутора за коришћење одређених типова регистара?
4. Ком типу припада следећи регистар?

(Фрагмент)

Религиозный язык

1. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Диссертация ... доктора филологических наук. – М., 2010. – 454 с.

Религиозный дискурс

2. Пиевская И.М. Системные отношения религиозного дискурса: На материале английского и русского переводов «Книги Псалмов»: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 171 с.

3. Сайко О.А. Эмоциональный концепт «JOY» и способы его объективации в художественном и религиозном дискурсах : на материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 173 с.

4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения: Диссертация ... доктора филологических наук, Волгоград, 2007. – 465 с.

Картина мира

5. Слаутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка : Диссертация ... кандидата филологических наук. - Екатеринбург, 2006.- 253 с.

6. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 175 с.

5. Уредите следећи библиографски опис (а) по азбучном, (б) по азбучно-хронолошком редоследу:

Коньчак И. Формирование терминологии, связанной с исламом в русском языке. На основе четырех русских переводов: Дис. ... канд. филол. наук. – Торунь, 2000. - 175 с.

Беляев Л. А., Чернецов А. В. Русские церковные древности (археология христианских древностей средневековой Руси): учебно-методическое пособие к курсу. – М., 1996. – С. 19.

Халлави М. Х. С. Лексические арабские заимствования в современном русском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1986.- 24 с.

Ярмульская И. Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Волгоград, 2006. – С. 24 с.

Климович Н.В. К вопросу об определении библеизма в лингвистике// Языкоzнание.- Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006. - С. 202-210.

Азаров А. А. Русско-английский словарь религиозной лексики. - М.: РУССО, 2002. – 768 с.

Журавлев С. А. Религиозная лексика и прагматика словаря / С.А.Журавлев // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань: Издательство Казанского Университета, 2004.– С.290-299.

Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: Автографат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 2003. - 24 с.

Антушева Е. К этимологии христианской лексики: Диссертация на соискание ученой степени magister atrium по русскому языку. - Тарту, 2005. – 30 с.

Королева И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2002. - 24 с.

Березович Е. Л. Библейская лексика в топонимии русского севера // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 5. – С. 77-87.

Петухова М.Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: Автографат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 2003.

6. Саставите најпре систематски, а затим азбучни списак библиографских јединица на руском језику које ће вам послужити за писање рада (а) из лингвистике, (б) из лингвокултурологије, (в) из методике наставе руског језика као страног, (г) из науке о књижевности).

7. У којим су часописима објављене следеће библиографске јединице:

- Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка. //ВЯ. – 1995. -№ 1. – С. 37-67.
- Попова, З. Д. Коммуникативное поведение и национальная культура // Вестник ВорГУ. - Серия 1. Гуманитарные науки. – 1996. - № 2. - С. 45 – 64.
- Митягина В. А. Унификация в коммуникативном поведении: феномен вежливости // Известия ВолГПУ. 2005. - № 3 (12). - С. 39-45.

- Ларина Т. В. Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения // ФН. 2007. – № 2. – С- 71-81.

ЦИТИРАЊЕ. ОПШТА ПРАВИЛА НАВОЂЕЊА ЦИТАТА

Под *цитатом* се подразумева прецизан, дослован извод из неког текста. У научном тексту цитат се користи ради заснивања и потврђивања поставки које износи аутор.

Цитирање не би смело бити примењивано ни пречесто, ни сувише ретко, јер и један и други манир негативно утиче на квалитет научног рада. Пречесто цитирање, наиме, пружа утисак несамосталности аутора, а раду придаје карактер компилације, док сувише ретко цитирање снижава научну вредност садржаја рада, показује одсуство везе датог са претходним релевантним истраживањима.

Најважнији стандарди за успешно цитирање су следећи (детаљније в.: Демидова 1991, 142-148; Мильчин, Чельцов 2005, 129-146; за мастер радове и докторске дисертације в. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023):

Цитирани текст даје се у наводницима, прецизно, у оном граматичком облику у ком је присутан у извору на који се позивамо, уз очување ауторске ортографије.

Уколико се цитат даје у преводу, неопходно је навести – уз сам цитат или у подножној напомени – ко је аутор превода: ако је преводилац аутор књиге или члánка у коме се цитат налази, обично се стављају иницијали аутора или напомена *перевод авт.*

Испуштање речи, синтагми, реченица, пасуса при цитирању је допустиво, али само уколико не утиче на смисао наведеног текста, и обавезно се означава са три тачке, често смештене у квадратне - [...] или угласте заграде - <...>, на пример:

- В. А. Маслова пишет о том, что «еще известный английский этнограф Дж. Фрэзер отмечал, что вся культура вышла из храма. Христианская культура нашла свое отражение в языке – в отдельных словах, фразеологических единицах, пословицах, поговорках, ибо влияние Библии на языки христианских народов трудно переоценить <...>. И эти связи должны стать предметом специального исследования, при котором язык привлекается для объяснения культурных феноменов» [Маслова 1997, с. 23-24].
- Ж. П. ван Ноппен считает, что должна существовать не только теологическая наука - теография, но и лингвистическая

наука - теолингвистика, охватывающая «круг интересов, которые имеют такую же длительную и богатую историю, как и развитие человеческого языка с его средствами концептуализации и выражения. Это сфера понимания Бога человеком <...>; в первую же очередь, этот термин имеет отношение к заинтересованности человека языком, корни которой уходят в столетия и которая должна была вызвать в Церкви многочисленные дискуссии на тему религиозного языка <...>. Вначале эта дискуссия не выходила за четко очерченные границы круга теологов и философов» [Noppen 1981: 1](перевод – А.Г.).

Приликом цитирања текста Светог Писма могуће је користити превод на савремени руски језик, чemu се често прибегава у филолошким радовима, док се у делима руских теолога чешће цитира црквенословенски текст, руском или, ређе, црквенословенском графијом. Цитат се или умеће у наводнике, или штампа курзивом (италиком):

- Согласно второй точке зрения, разноязычие рода человеческого – это Божья кара за гордыню: люди вознамерились воздвигнуть башню до небес и город, чтобы прославиться («и сделаем себе имя прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли»). Наказанием за дерзость стало смешение языков и расцеление народов: «И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город» [Бытие 11, с. 6-8] [Мечковская 1998: 265].
- Он и есть та Премудрость, которая говорит: *Тогда я... была радостью всякий день, веселилась пред лицом Его во все время* (Притч. 8:30) (Алфеев 1998: 201)
- *Видите, какову любовь дал нам Отец, да чада Божии наречемся и будем* (1 Иоан, 3, 1), взыывает св. Иоанн Богослов (Керн 1938: 21).

Цитирање црквенословенског текста веома је често присутно и уколико је реч о документима канонског права, богослужбеним текстовима и сл.:

- Правило 6-е святых Апостолов предписывает: «Епископ, или пресвитер, или диакон, да не примелет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина» (Цыпин 2001: 26).
- Эпифон есть припев предходящий, своего рода запев. Пример: стих «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием

Твоим» при воскресных тропарях «Ангельский собор удивися» (Гарднер 1997: 45).

У радовима из области руске филологије при позивању на текстове из ранијих епоха поштује се језичко стање из оригинала, на пример:

- «Самого Христа Иисуса в Иисуса превратили. Даже аминь на амин переменили, того не ведая, что и *малое бо се слово велику ересь содевает*», пишет Кабанов-Ксенос (Милюков 1999: 72).
- В предисловии к произведению «Езда в остров любви» (1730) Тредияковский пишет: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (...), что я оную не славянским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многое его наши читатели не разумеют. А сия книга есть сладкия любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми» (Живов 1986: 125).
- В трактате „О пользе книг церковных“ Ломоносова мы находим такую мысль: «Старателым и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков... Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене, и к упадку преклоняют» (Живов 1986: 135).

При цитирању је неопходно придржавати се одређених правописних правила. Тако, цитат на почетку реченице (после тачке којом се завршава претходна реченица) мора отпочињати великим словом, чак и уколико прва реч у извору почиње малим словом. Цитат укључен у ауторску реченицу отпочиње малим словом:

- Отношение к предметам, по В. Гумбольдту, целиком обусловлено языком: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 2000: 80].
- К внутренним элементам языка, составляющим предмет изучения внутренней лингвистики, относится система языка, подчиняющаяся собственному порядку. Для изучения

этой системы, по мнению Ф. де Соссюра, «нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык» [Соссюр 1933: 45].

• **Питања, задаци и вежбе:**

1. Објасните појам цитата, његову функцију у научном делу и значај цитирања. Понудите што убедљивију аргументацију.
2. Наведите зашто се цитат мора наводити тачно према извору и зашто се уз њега у виду напомене даје библиографска референца.
3. Шта, по вашем мишљењу, значи коректно парапразирати одређени исказ?
4. На који начин упућујемо на скраћивања у тексту цитата у односу на извор из кога је преузет?
5. Пронађите неки цитат из Светог Писма у чланку или књизи из области филологије. На ком језику је наведен – руском или црквенословенском? Како је означен – наводницима или италиком?

СКРАЋИВАЊЕ У НАУЧНОМ ТЕКСТУ

Скраћено бележење у научном тексту примењује се ради смањивања обима текста, иза чега стоји настојање да се, колико је год то могуће, на минималном простору понуди максимум информација. Скраћенице морају бити разумљиве, једнозначне, у сразмери по заступљености са општим обимом текста, а састављају се у складу са општеприхваћеним правилима која важе за руски језик (детаљније в. Демидова 1991, 150-154; Мильчин, Чельцов 2005, 85-99).

При скраћеном бележењу речи углавном се користе три типа скраћивања:

- бележење само иницијалног слова у речи (*год – г., век – в.*),
- скраћено бележење основе речи, без флексије (наставка) и суфиксa, тзв. суспензија (*филологический - фил., научный - науч., учебный – учеб.*),
- изостављање средине речи, на чијем месту се ставља црта, тзв. контракција (*университет – ун-t, доктор – д-p*).

Скраћивање се редовно везује за сугласник, никада не за самогласник (изузев уколико он није почетно слово у речи), за слово й или ъ, ћ.

Најчешће описанеприхваћене скраћенице

а) после набрања:

т. е. – то есть
и т. д. – и так далее
и т. п. – и тому подобное
и др. – и другие
и пр. – и прочие

б) при позивању на друге изворе:

см. – смотри
ср. – сравни
напр. – например

в) при означавању времена:

в. – век // *вв.* - века
г. – год // *гг.* – годы
н. ст. – новый стиль // *ст. ст.* – старый стиль
н. э. – нашей эры // *до н. э.* – до нашей эры
P. X. – Рождество Христово // *до P. X.* – до Рождества Христова

г) остале фреквентне скраћенице:

с. – страница // *сс.* - страницы
т. – том // *тт.* – тома (мн.)
изд. – издание // *изданный* // *издан* // *издательство*
репр. воспроизв. изд. – репринтное воспроизведение издания
изд. 2-е, стереотип. – издание 2-е, стереотипное
комм. – комментарий // *комментарии*
с комм. – с комментариями
пер. - перевод
прим. – примечание // *примечания*
с прим. - с примечаниями
акад. – академик // *академия* // *академический*
чл.-корр. – член-корреспондент
проф. – профессор
доц. – доцент

Скраћивање речи и синтагми у библиографском опису

У библиографским описима веома често се примењује скраћивање речи. Оно је недопустиво само у основном и паралелном наслову. Основна правила скраћивања су следећа (детаљније в. Демидова 1991, 154-157; Ђиго, Калинин 1998, 138-153; Мильчин, Чельцов 2005, 551-553, 560):

- именице, придеви, глаголи и партиципи скраћују се истоветно у свим граматичким облицима, независно од рода, броја, падежа и времена:

- код придева се при скраћивању одбацују суфикс, нпр. *центральный – центр., официальный – офиц., литературный – лит., исторический – истор., иностранный – иностр.*
- ако суфикс претходи й или вокал, при скраћивању се чува сугласничко слово које стоји иза њега: *крайний – крайн., ученый – учен.*
- ако суфикску претходи ь, он се не чува у скраћеници: *польский – пол.. итальянский – итал.*
- када се скраћивање врши у основи са удовојеним сугласником, чува се само један сугласник: *классический – клас., параллельный – парал.*
- скраћенице које су прихваћене за именице аутоматски се примењују и на придеве и партиципе од истог корена: *изд. – издание, издательство, изданный, издан, издано.*

• **Питања, задаци и вежбе:**

1. Објасните шта је скраћивање и са којим циљем се примењује у научном делу.

2. Који се типови скраћивања примењују у руском научном тексту? Наведите неколико примера за сваки од њих.

3. Разрешите скраћенице: алф., арх., асист., б-ка, введ., включ., вост., вып., гуманит., дис., докл., журн., зав., зап., изд-во, ил., им., ин-т, информ., испр., исслед., ист., каф., коммент., культ., лит., мл., моногр., муз., н.-и., нац., объясн., отд., пед., пер., под рук., прил., пробл., программир., проф., ред., редкол., реф., см., соавт., собр., сообщ., сост., соч., ст., тр., тыс., экз., энцикл., яз.

4. Скратите речи и синтагме: автореферат, алфавитный, аннотация, библиография, библиотека, высшее учебное заведение, глава, диссертация, издание, издательство, иллюстрация, институт, квартал, количество, методический, методологический, общество, рецензия на статью, реферативный журнал, симпозиум, столбец, страница, университет.

5. Напишите пуне и скраћене називе месеци у години, напр.: январ – янв.

6. Напишите пуне и скраћене називе придева образованих од назива филолошких дисциплина, напр.: лексикогр. – лексикография, сравн. языкоzn. – сравнительное языкознание, словообр. совр. рус. яз. – словообразование современного русского языка.

7. Дешифрујте скраћенице: РАН, ИРЯ им. В. В. Виноградова, ИМЛИ, ИИИОН, РАО, НИИ Общей и пед. психологии, чл-корр. АПН РФ, Мин-во просвещения РФ, РУДН, МГОУ, Гос. б-ка РФ, МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, преподавание РКИ.

8. Дешифрујте скраћенице старозаветних библијских књига са њиховим пуним називом на руском језику: Быт., Втор., Пс., Эккл., Плач., Дан., Авв., Зах. А на које изворе се односе скраћенице: Мф., Мк., Лк., Ин., Деян., 1 кор., Эф., 2 фес., Тит., Флм, 2 Пет, 3 Ин., Иуд., Откр.?

9. Дешифрујте скраћенице познатих научних часописа са пуним називом на руском језику: ВЯ, ВЛ, ЛО, НМ, ФН, ИЯШ, РЯШ, Изв. МГУ, Изв. АПН, ВВШ, Вестник ВолГУ.

АПАРАТУРА ОРИЈЕНТАЦИЈЕ НАУЧНЕ КЊИГЕ ИЗ ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИЈЕ

АНОТАЦИЈА

Саставни део апаратуре оријентације књиге представља **анотација**. Она даје сажету карактеристику књиге са становишта најопштије представе о њеном садржају и намени. Анотације могу бити обликоване као стриктно информативне, када дају податке само о тематици дела, али могу имати и карактер препоруке, када се указује на намену књиге (за коју узрасну, професионалну и др. категорију читалаца је издавач препоручује) О стандардима за обликовање анотације у руском језику детаљније в. Демидова 1991, 33-37; Джиго, Калинин 1998, 75-110; Мильчин, Чельцова 2005, 319-320; Барышникова, Клепач, Красс 2006, 153-187; за анотације у мастер радовима и докторским дисертацијама исп. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023)..

Консултовање анотације је први корак у сакупљању и класификовању научне информације. Умење коришћења анотације зато је неопходан предуслов ефикасног научног и стручног рада.

Структурно, анотација се обавезно састоји од два дела:

- библиографског описа
- текста анотације у ужем смислу.

Текст анотације најчешће садржи следеће компоненте:

- тип и намена дела (монографија, дисертација, уџбеник, енциклопедија, зборник и др.)

- циљеви и задачи дела
- основни подаци о аутору
- предмет, тема и структура дела
- основне поставке и закључци аутора
- карактеризација помоћних и илустративних материјала, додатака, прилога, регистара, библиографије и сл.

Анотација треба да буде конципирана тако да укаже у чему је новина и значај датог у односу на друга дела сродне тематике и намене.

Просечан обим анотације је 500, а у изузетним случајевима 800-1000 знакова.

Примери анотација:

- **Бирих, А. К.** Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СпбГУ, Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Словарь представляет собой первое полное историко-этимологическое описание в словарном виде русской фразеологии. В словарь вошли как собственно фразеологизмы, так и пословицы, перифразы, крылатые слова, номенклатурные словосочетания, претерпевшие фразеологизацию.

В предлагаемом 3-м издании словаря приводятся историко-этимологические толкования около 6000 фразеологизмов. После каждого толкования даются отсылки к соответствующим источникам, помещенным в библиографическом списке в конце словаря. Данный список содержит около 1600 источников, изданных в XIX – XX вв. Раскрывая исходный образ каждого устойчивого выражения, авторы связывают их с различными реалиями русского быта, фактами истории, древними народными верованиями, обычаями и обрядами. Фразеологизмы располагаются по алфавиту опорных слов. Для облегчения поиска нужного фразеологизма к словарю прилагается алфавитный указатель фразеологизмов по первому компоненту с отсылкой на гнездовое слово.

Словарь предназначен широкому кругу читателей – преподавателям и студентам гуманитарных вузов, журналистам, лингвистам, этнографам, а также всем любителям русской образной речи.

- **Щукин, А. Н.** Лингводидактический энциклопедический словарь : более 2000 единиц / А. Н. Щукин. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 764 с.; 150 фот.

Словарь посвећен лингводидактике – теории и практике преподавания русског и иностраних језика. Вклучава толкования терминов и понятија, связаних с методиком преподавания језика.

Словарь состоит из четырех разделов: терминологического (представлено более 2000 терминов и понятий лингводидактики и смежных дисциплин); биографического (дано около 400 биографических статей, посвященных деятелям гуманитарных наук); справочного (содержит информацию о научных и образовательных учреждениях, издающих организации) и библиографического (включает перечень публикаций). Для облегчения пользования словарем в конце помещены терминологический указатель и алфавитный именной указатель.

Предназначен преподавателям и студентам гуманитарных вузов, лингвистам, литературоведам, а также всем, кто стремится повысить свое образование в области разных языков и культур.

- Плетнева, А. А., Крацевкий А. Г. Церковнославянский язык: Учеб. изд. – 5-ое изд., стереот. – М.: М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2012. – 272 с.: ил.

Учебное руководство по церковнославянскому языку учит читать и понимать тексты, используемые в православном богослужении, знакомит с историей отечественной культуры. Знание церковнославянского языка дает возможность по-иному осмыслить многие явления русского языка. Книга является наземенным пособием для тех, кто хочет самостоятельно изучить церковнославянский язык. Она будет интересна и полезна также самому широкому кругу читателей.

- **Сазонова Н.И.** У истоков раскола Русской Церкви в XVII веке: исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654-1666 гг.) (на материалах Требника и Часослова). – Томск: Наследие, 2008. - 299 с.

В монографии рассматривается церковная реформа патриарха Никона, последствием которой стал церковный раскол. Основное внимание уделено исправлению богослужебного текста, проведенному при патриархе Никоне: рассматривается текстологическая картина исправления двух богослужебных книг, Требника и Часослова, текстологические особенности дониконовских и никоновских текстов, а также роль и место исправления богослужебного текста в ряду причин, приведших к церковному расколу.

Книга адресована историкам, археографам, религиоведам и всем, интересующимся историей Русской православной церкви и церковной реформы патриарха Никона.

- **Язык и религия:** тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Т. В. Йцкович. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2021. – 132 с.

В сборник вошли тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «Язык и религия». Авторами освещается широкий круг актуального

научного направления: с учетом междисциплинарных связей выделены теологические аспекты филологических, философских, психологических исследований; охарактеризовано проблемное поле теологической филологии; предложена интерпретация особенностей религиозной картины мира в текстах художественной литературы и СМИ; удалено внимание теологическим аспектам лексикографии; описаны ценности религиозной культуры в восприятии современного человека; рассмотрены вопросы религиозной идентичности.

Издание адресовано специалистам-филологам, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений.

Језички и говорни стандарди (клишеи) који се примењују у анотацијама

- ***В книге*** / в монографии / в коллективной монографии / в первой, во второй, в третьей главе / в первом, во втором, в третьем разделе
- ***анализируется*** (какая) проблема / проблема (чего) / круг проблем / теория / развитие / структура / деятельность (чего); ***анализируются*** основные проблемы (чего)/ такие проблемы, как / характерные особенности (чего)/ главные тенденции (чего)/ основные закономерности (чего)/ результаты (чего)/ принципы (чего)
- ***дается*** (какая) теория / теория (чего)/ полный анализ (чего)/ теоретическая основа (чего)/ истолкование / теоретическое объяснение / научное освещение (чего)/ подробное описание (чего)/ огромный материал (для чего)/ краткий / обстоятельный / хронологический / критический обзор (чего); ***даются*** результаты (чего) / теоретические основы (чего) / примеры (чего) / некоторые рекомендации
- ***излагается*** история возникновения / формирования / зарождения / развития / создания (чего)/ (какая) теория / теория (чего)/; ***излагаются*** (какие) проблемы / проблемы (чего)/ основные положения (чего)/ основные правила (чего)/ основные идеи (чего о чем, по вопросу о чем)/ взгляды (кого на что)/ современные достижения (чего, в области чего)
- ***исследуется*** (какой) вопрос/ вопрос (чего)/ влияние (чего на что), взаимодействие (чего с чем)/ применение (чего в чем); ***исследуются*** процессы (чего)/ явления (чего)/ исторические корни (чего) ***излагается*** история возникновения
- ***обосновывается*** (какая) теория / необходимость (чего)/ тезис (о чем); ***обосновываются*** способы / методы (чего)

- **обобщается** опыт (кого, чего); **обобщаются** выводы (кого о чем)/ полученные результаты (чего)/ частные случаи (чего)
- **описывается** ряд фактов / описываются основные закономерности (чего)/ специфические особенности (чего)/ основные виды (чего)
- **освещается** широкий круг проблем/ вопрос (чего); **освещаются** такие проблемы, как цели/ задачи/ формы/ методы (чего)
- **показывается** творческий характер (чего)/ основная идея (чего)/ важная роль (чего в чем)/ огромное значение (чего)/ влияние (чего на что)/ сущность (чего); **показываются** возможности (чего)/ результаты (чего)
- **подвергается** критике теория (чего)/ рассмотрение (чего)/ изучение (чего)/ подвергается анализу (что); подвергаются критике характерные (для кого) представления (о чем)
- **приводится** обширный (статистический) материал (о чем)/ исследование (чего); **приводятся** сведения (о чем)/, данные (о чем)/ примеры (чего)/ доказательства (чего)/ результаты (чего)
- **раскрывается** сущность (чего)/ суть (чего); **раскрываются** основные положения (чего)
- **рассматривается** вопрос (чего)/ зависимость (чего от чего)/ значение (чего)/ принцип (чего); **рассматриваются** основные тенденции (чего)/ направления (чего)/ свойства (чего)/ факторы, способствующие (чему)
- **сопоставляются** полученные данные (о чем)/ результаты (чего с чем)/ различные точки зрения/ понятия (чего)
- **характеризуется** состояние (чего)/ ряд проблем (чего); **характеризуются** предмет, место и задачи (чего), свойства (чего)/ возможности (чего)/ результаты (чего)
- **говорится** о том, что...
- **речь идет** о том, что...
- монография/ книга/ работа **посвящена** (чему); произведение **посвящено** (чему)
- **автор** анализирует/дает/излагает/исследует/обосновывает / освещает / обобщает / подвергает / показывает / приводит / раскрывает/ сопоставляет / характеризует; **авторы** анализируют / дают...

- **автор** доказывает справедливость (чего)/ касается следующих проблем/ классифицирует факты (чего)/ критикует (какие) взгляды (кого)/ опровергает (какую) теорию/ проводит различие (между чем)/ останавливается на таких проблемах, как/ отмечает, что.../ подчеркивает, что.../ показывает, что.../ ставит вопрос о том, что...
- **в заключение** кратко разбирается (что)/ автор говорит (о чем)/ автор приходит к выводу (о чем)
- **завершает** работу/главу раздел (о чем)/ работа **завершается** рассмотрением (чего)

Обрасци најчешћих стандардних модела обликовања анотација

- В книге исследуется (что)
 - Показан (что)
 - Большое место в работе занимает рассмотрение (чего)
 - Приводится обширный статистический материал (о чем)
- В монографии анализируется (что)
 - Главное внимание обращается (на что)
 - Проводится четкое различие (между чем)
- В книге подробно освещаются (что)
 - Характеризуется (что)
 - Рассматривается ключевая проблема (чего)
 - Завершает книгу раздел (о чем)
- В диссертации освещаются некоторые аспекты (чего)
 - Кратко излагается история (чего)
 - Рассматривается значение (чего)
 - Вскрывается суть (чего)

- **Питања, задаци и вежбе:**

1. Објасните у чему се састоји значај анотације. Да ли сте стекли навику да у контакту са новом књигом најпре погледате анотацију? Шта вам у анотацији највише привуче пажњу?

2. Који су основни облици анотације? У чему је разлика између њих?

3. Које структурне делове анотације познајете?

4. Текст анотације може садржати више врста података. Који су, на основу вашег искуства, најчешћи? За које можете рећи да су факултативни, а за које да су обавезни?

5. Наведите стандарде за обим анотације и реците чиме су они условљени.

6. Прочитајте неколико анотација за књиге из области филологије. За сваку од њих одредите ком типу анотација припада, издвојите њене структурне елементе, запазите које податке она пружа. Колико вас је свака од ових анотација заинтересовала за књигу коју приказује и чиме?

7. Саставите неколико реченица са изразима: анализируются основные проблемы (чего), дается истолкование (чего), излагается история возникновения (чего), исследуются материалы и документы (по чему), исследуется влияние (чего на что), обосновывается необходимость (чего), описываются специфические особенности (чего), освещается широкий круг проблем, связанных (с чем), показывается огромное значение (чего), раскрывается сущность (чего), рассматриваются свойства (чего).

8. Употребите следеће речи и изразе у стандардним конструкцијама за састављање анотације: история возникновения лингвистических теорий; учение о словосочетании в трудах В. В. Виноградова; природа обучения иностранному языку как ознакомления с новой культурой; изучение трудов представителей Казанской лингвистической школы; текст как ключевой элемент структуры учебника; опровержение гипотезы Чернохвостова о происхождении глаголического шрифта; понимание значения и сути категориальных значений.

9. Уметните компоненте које недостају у следећим анотацијама. Потрудите се да понудите више алтернативних решења:

- Учение о слове и о предложении - _____ многолетнего исследовательского _____ академика В. В. Виноградова. В его _____ филологическом наследии _____ «Русский язык. Грамматическое учение о слове» _____ особое место. В книге _____ слово как систему форм и значений. В систему частей речи он _____ модальные слова и категорию состояния. Монография адресована _____.
- Книга Е. И. Пассова _____ коммуникативной методики. Автор _____ проблемы возрастной педагогики. В книге _____ и вопросы методики преподавания _____ для разных возрастных контингентов учащихся. _____ преподавателям, студентам _____ и всем, кто интересуется проблемами _____.

- Пособие _____ систематическое _____ грамматики церковнославянского языка, тексты и словарь. Особое _____ истории старославянского языка и _____ письменности. Подробно _____ морфологическая и синтаксическая система церковнославянского языка, _____ закономерности структуры и функционирования их элементов. Книга _____, кто _____ с грамматикой церковнославянского языка, _____ тексты богослужебных книг.

10. Саставите (на руском језику) анотацију неког српског научног или уџбеничког издања и препоручите га руским студентима филолошких факултета.

САЖЕТАК И РЕЗИМЕ НАУЧНОГ РАДА ИЗ ЧАСОПИСА И ЗБОРНИКА

Сваки рад који се објављује у часопису или тематском зборнику мора бити пропраћен **сажетком (апстрактом)** и **резимеом**. Најчешће се уз сажетак наводе и **кључне речи**.

Сажетак (апстракт) пише се на језику на коме је написан и рад. У њему се језгрово представља проблем, циљ, методологија и резултати научног истраживања. Он се најчешће налази испод назива рада, са ознаком **сажетак (апстракт)** или без ње. Препоручује се да сажетак има од 100 до 250 речи (о правила обликовања сажетка у руском научном стилу детаљније в. Барышникова, Клепач, Крас 2006, 157-162; Ковалева, Ильина 2016, 173-177; за мастер радове и докторске дисертације в. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023).

Кључне речи су термини или изрази којима се иказује на целокупну проблематику истраживања. Број кључних речи (укључујући и синтагме) не може бити већи од десет. Препоручљиво је обрађивати их са ослонцем на стручне терминолошке речнике. У интересу је аутора да учсталост кључних речи (с обзиром на могућност лакшег електронског претраживања) буде што већа (детаљније о методологији одабира кључних речи за научни рад в. Аврамов 2011, 35-40). Кључне речи се наводе после сажетка, са обавезном ознаком **Кључне речи**.

• ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ АДРЕСАТА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ

Аннотация: Статья посвящена описанию коммуникативных и прагматических функций обращения и анализу лексико-грамматических особенностей номинации адресата в религиозной сфере.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, церковнославянский язык, звательный падеж, вокатив

• РОЛЬ БИБЛЕИЗМОВ В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И. А. БУНИНА

Аннотация: В статье рассматриваются структурно-семантические виды библеизмов и их роль в поздней публицистике И. А. Бунина.

Ключевые слова: Бунин, публицистика, библеизмы.

• ПРОБЛЕМА НАРОЧИТОГО ИМЕНОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОЛИНГВИСТИКИ

Аннотация: В статье анализируется эзегетический прием сакральной этимологизации ономастической лексики. Проблема мотивированного именования рассматривается в русле отечественной сакролингвистики (С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев), в широком историко-культурном контексте, на материале славяно-греческой и древнеармянской гимнографии.

Ключевые слова: антономасия, перифраз, теологическая этимология, теолингвистика

• РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ: ИЗБРАННЫЕ ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация: Различия в составе и в функционировании религиозной лексики в разных языках проявляются в процессе передачи этой лексики в переводе, требующей зачастую применения особых переводческих техник. В статье демонстрируются разные переводческие приемы, нашедшие применение в ходе передачи религиозной лексики в переводах текстов русской художественной литературы на польский язык.

Ключевые слова: двуязычный словарь, лексика, лексикография, перевод, польский язык, русский язык.

- **ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В УКРАИНСКОЙ ТЕОЛИНГВИСТИКЕ ХХ–ХХІ СТ.**

Аннотация: Настоящая статья представляет собой обзор исследований украинской религиозной лексики. В работе предпринимается попытка описания и анализа терминологии, используемой для обозначения данной части словарного состава языка; описаны этапы ее становления и основные направления исследований, а также представлены классификации и анализ отдельных лексических (тематических) групп (полей). Несмотря на то, что украинская теолингвистика до сих пор не выделена в отдельный раздел украинского языкознания, но исследования в этой области ведутся, как минимум, начиная с 30-х годов XX столетия. Поэтому, употребляя этот термин, мы имеем в виду теолингвистические исследования, которые проводились и проводятся на материале украинского языка, как в Украине, так и за рубежом.

Ключевые слова: украинская теолингвистика, диссертации, украинская религиозная лексика, этапы становления, направления исследований, классификации религиозной лексики, группы, поля.

- **ПРИНЦИП СИММЕТРИИ В РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ**

Аннотация: В статье раскрывается ведущий принцип речевой организации современной православной проповеди,дается описание лексических, синтаксических и интонационных средств создания симметрии в речевом строе пастырского слова.

Ключевые слова: православная проповедь, принцип симметрии, зеркальная симметрия, простая симметрия, речевая организация, лексические повторы, интонационные средства, синтагма.

Резиме не би требало да прелази 10% дужине текста, а обично се обликује на једном од светских језика (русском, енглеском, немачком, француском). За издања која се штампају у Србији и на српском језичком подручју уопште важи правило да, уколико је рад написан на страном језику, резиме мора бити обликован на српском језику. У неким часописима

и зборницима потребно је доставити два резимеа уз рад, на различитим језицима. Навешћемо неколико примера резимеа на руском језику:

- **ГИМНОГРАФИЯ НА СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКА, СТИЛИСТИКА, ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ**

В статье рассматривается опыт Сербской Православной Церкви в литургическом творчестве на современном сербском литературном языке, причем особое внимание уделяется службам, написанным в XXI веке в процессе канонизации новоявленных угодников Божиих. На примере трех служб – Святителю Петру II Цетињскому, Преподобной Стефаниде Скадарской и Битольской и Преподобному Иустину Новому Сербскому – автор показывает преимущества современного языка над традиционным богослужебным языком (церковнославянским). Пронизанность духа гимнографов духом Угодников Божиих, оставивших за собой письменное наследие, нередко предопределяет пронизанность гимнографического текста наследием святых: цитирование или аллюзии на их тексты, включение характерной для них лексики, особенно авторских неологизмов, являются стилеобразующими характеристиками современных служб, причем голос Угодника сливается с «голосом» Церкви и ее учения, а служба является продолжением процесса Божественного Откровения.

Ключевые слова: гимнография на национальных языках, новые сербские службы, лексические заимствования, стилевые приметы гимнографических произведений, «чужое слово» в службе святому.

- **РУССКИЕ И СЕРБСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ
АГИОГРАФИЧЕСКИМ И ЭОРТОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕДАНИЕМ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Резюме. В предлагаемой работе рассматриваются этимологические и семантические связи фразеологических единиц в русском и сербском языках с агиологическим и эортологическим преданием Православной Церкви, которые в имеющихся исследованиях и фразеографических описаниях были незамечены или недостаточно подчеркнуты. Анализируются фразеологизмы, мотивированные житийными сюжетами, почитанием христианских праздников, текстами литургических песнопений, словом, фразеологизмы, исконное значение которых раскрывается только с учетом агиологии, литургики, эортологии, истории Церкви. Данный подход имеет и прикладные аспекты, в первую очередь в фразеографии и в методике обучения фразеологии.

Ключевые слова: теолингвистика, русская и сербская фразеология, семантика и этимология фразеологических единиц, отражение агиологического и эортологического Предания в языке.

У уџбеничкој литератури и монографијама доста често се резимира садржај сваког одељка (детаљније в. Мильчин, Чельцова 2005, 485-489). Показаћемо то на једном примеру:

Выводы к первому разделу

Анализ разделов современного языкоznания, в первую очередь славянского (преимущественно русского и польского, отчасти украинского, сербского), а также английского и немецкого позволил нам перечислить основные разделы «внешней лингвистики» и обратить внимание на «официальное отсутствие» в славянском языкоznании такого раздела внешней лингвистики, который бы занимался проблемой «язык и религия».

Хотя в действительности эта проблема в языкоznании разрабатывается постоянно, о чем свидетельствуют работы английских, немецких, польских, русских, сербских, украинских лингвистов XIX – XXI веков. В настоящее время в работах лингвистов этих стран данный раздел языкоznания получил название «лингвистическое религиоведение», «теологическое языкоznание», «теолингвистика». Мы отдаём предпочтение термину «теолингвистика», поскольку считаем его наиболее лингвистическим, языковедческим, вписывающимся как нельзя лучше в терминологию для называния разделов внешней лингвистики.

Впервые этот термин употребил в 1976 году профессор факультета английской филологии Университета Либре в Брюсселе Ж. П. ван Ноппен. В то время его значение еще не имело ничего общего с дефинициями, сформулированными позднее. В его же современном значении он начал функционировать в работах Ж. П. ван Ноппена начиная с 1981 года. Со временем этот термин нашел свое место в немецком, польском, российском, украинском, сербском, словацком языкоznании. Нам удалось не только проследить основные этапы развития современной теолингвистики, но и найти ее корни в истории мирового языкоznания: языкоznания древней Индии, арабского и европейского языкоznания. С этой целью была проанализирована история языкоznания с V века до нашей эры до наших дней. Основанием для такого вывода является тот факт, что многие известные первые грамматики были грамматиками религиозных текстов. Другими словами эти грамматики - грамматиками «религиозного языка», были не чем иным, как «теограмматиками» - лингвистическими трудами, написанными с целью решения теологических проблем, хотя такого термина в современном языкоznании нет. А языкоznание, решая-

ющее проблемы в этой области, было, скорее, «теоязыкоznанием», «теолингвистикой». Что определялось его задачами и целями. Со временем многие теограмматики секуляризировались, заняли свое место в одном ряду со светскими, начали служить светским потребностям и стали восприниматься как обычные, светские грамматики. Более того, значение слова грамматика претерпело некоторые изменения и утратило теологические коннотации и теологические компоненты значения в сознании носителей языка. О чем свидетельствуют толковые словари современных языков. Развитие светского языкоznания и десакрализация общества со временем привели к тому, что языкоznание приобрело светский характер. Его связь с тео- отошла на второй план.

Современная теолингвистика как раздел внешней лингвистики имеет свои цели, задачи, предмет и объект исследования, использует методы исследования языкоznания и наук о Боге и развивается в различных направлениях.

Основные направления теолингвистики, цели и задачи, объект и предмет исследования и другие характеристики теолингвистики во многом определены тем, что она является разделом языкоznания.

Предметом исследования теолингвистики является религиозный язык в широком и узком понимании этого термина.

Объектом исследования теолингвистики могут служить явления, связанные с Богом, которые были отражены в языке.

Целью теолингвистики является изучение и исследование такого рода явлений, а также применение результатов этих исследований на практике.

В числе задач теолингвистики могут быть названы следующие основные задачи:

- 1) выбор материала из соответствующих источников;
- 2) анализ полученного материала;
- 3) дифференциация полученного материала;
- 4) интеграция полученного материала;
- 5) систематизация полученного материала;
- 6) применение полученных результатов на практике и ряд других.

Теолингвистика как раздел языкоznания связана, прежде всего, с различными разделами языкоznания и с различными науками, с которыми связано языкоznание (этнография, социология, антропология, семиотика, теория коммуникации, герменевтика, текстология, экзегетика и другие) и разнообразными науками о Боге (теология, религиоведение, научный атеизм, география и экология религии, история и философия религии, психология религии, социология религии, феноменология религии, этнология религии), а также рядом других светских и религиоведческих наук.

Методы исследования, которыми оперирует теолингвистика - это, прежде всего, методы языкоznания и методы наук о Боге. Поэтому эти методы могут быть как эмпирическими, так и метафизическими, поскольку в изучении религиозного языка как материальной оболочки религиозного мышления сочетаются два подхода:

- 1) с концентрацией внимания на его материальном аспекте;
- 2) с переносом акцента на идеальную сторону языка.

Теолингвистика как раздел языкоznания подразделяется на общую и частную теолингвистику, теоретическую и прикладную, синхронную и диахронную.

В работе уделяется также серьезное внимание терминологии теолингвистики, без которой не имело бы смысла говорить о теолингвистике. Были выработаны критерии выбора и собрано (не создано заново) более 250 терминов. Это позволило доказать, что теолингвистика оперирует собственной терминологией, и составить на материале русской и польской теолингвистики русско-польский алфавитный и тематический словарь терминологии теолингвистики с указанием выходных данных научных работ, в которых эта терминология уже употреблялась.

Вся терминологиятеолингвистики, по нашему мнению, может быть разделена на три основные группы:

- 1) теолингвистика и ее разделы;
- 2) религиозный язык и его функции;
- 3) нелингвистические и лингвистические подходы к изучению религиозного языка.

Были также составлены алфавитный и тематический список литературы теолингвистики. Систематизация библиографии теолингвистики проводилась с учетом перечисленных выше групп терминологии. Анализ библиографии теолингвистики позволил проследить и систематизировать основные направления исследований, которые проводятся в этой области.

Собранный теоретический материал, факт составления двуязычного русско-польского словаря терминологии и библиографии теолингвистики могут служить подтверждением верности нашего предположения о том, что теолингвистика – это раздел языкоznания, который не ограничивается рамками конкретного языка или конкретной религии, конфессии.

Работа, проделанная с целью написания настоящего раздела, полученные результаты и сделанные выводы определили направления наших дальнейших исследований в этой области.

(Преузето из монографије: Гадомскиј, А. К. Теолингвистичкие исследование в славянском языкоznании. Симферополь, ООО «Форма», 2017: 48-54)

Језички и говорни клишеи који се користе при обликовању сажетка и резимеа, као што уочавамо, идентични су онима који налазе примену у анотацији, рецензији и приказу научног дела.

• *Питања, задаци и вежбе:*

1. Објасните у чему се састоји значај сажетка, кључних речи и резимеа. Да ли сте се већ опредељивали хоћете ли читати неки рад на основу ових његових елемената?

2. Уз помоћ руског претраживача rambler.ru пронађите радове са кључним речима двуязычная лексикография, теория перевода, коннотативная лексика, фразеологические сращения, лингвострановедческие словари, В. Г. Костомаров (пажња: кључне речи морају се укуцавати на руском језику, руским ћириличним писмом).

3. Напишите на руском језику сажетак и резиме неког вашег семинарског или самосталног истраживачког рада.

4. Попуните пријаву за научни скуп, обраћајући посебну пажњу на сажетак као саставни део формулара.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

Институт славянской культуры

Кафедра общей и славянской филологии

Международная научная конференция

«ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ»

ДАТА ПРОВЕДЕНИЯ

20-21 октября 2022

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас принять участие в работе Международной научной конференции «Язык и религия».

На конференции планируется обсудить **следующие вопросы:**

- Религиозная языковая картина мира.
- Вербализация религиозного сознания.

- Вербальные и невербальные маркеры религиозного сознания.
- Религиозный дискурс.
- Религиозные концепты.
- Жанры религиозной сферы.
- Сакральная ономастика.
- Языки богослужения.
- Русский язык ислама, буддизма, иудаизма.
- Особенности и проблемы религиозных СМИ.

Порядок приема и отбора материалов

Для участия в конференции нужно подать заявку по форме, указанной в приложении,

до **1 октября 2022 года** (включительно) на электронный адрес **conference-isk@mail.ru** (название прикрепленного файла просим оформить по модели ФИО-заявка: например, ИвановСП-заявка).

Оргкомитет конференции оставляет за собой право отклонения материалов, не соответствующих тематике конференции. После рассмотрения присланных заявок не позднее **15 октября 2022** оргкомитет конференции в информационном письме № 2 сообщит о включении заявленной Вами темы в программу конференции. В информационном письме № 2 будут изложены требования к оформлению статей. Издание сборника научных статей планируется после конференции с присвоением ему ISBN и регистрацией в системе РИНЦ. Публикация сборника за счет оргкомитета.

Рабочий язык конференции: русский.

Возможно дистанционное участие в конференции. Всем участникам будет выслана pdf-версия сборника по электронной почте.

Все участники конференции получат сертификаты.

Проезд, питание и проживание – за счет командирующей стороны или самих участников конференции. Надеемся, что эпидемиологическая ситуация будет благоприятной.

Официальное приглашение будет выслано после включения доклада в программу конференции.

Будем рады видеть вас на нашей конференции.

Оргкомитет конференции

Приложение 1

АНКЕТА-ЗАЯВКА
участника Международной научной конференции
«Язык и религия»
(20-21 октября 2022 г., Москва, РГУ им А.Н. Косыгина, Институт
славянской культуры)

Фамилия, имя, отчество	
Название доклада	
Аннотация доклада (около 200 слов)	
Место работы (полное название учреждения, структурного подразделения и должности)	
Ученая степень, ученое звание	
Электронный адрес	
Почтовый домашний адрес	
Телефоны, факс	
Форма участия	очная / заочная
Необходимость в бронировании гостиницы (общежития)	да / нет
Требуется ли виза	да / нет
Предпочтительная форма получения приглашения	почтовый адрес / e-mail
Иные пожелания	

5. Преведите по избору неки од следећих примера сажетака и резимеа обликованих на српском језику:

•
RAD NA INOVIRANJU CRKVENOSLOVENSKE NORME
U RUSIJI TOKOM XIX I XX Veka

Апстракт: У раду се прати и са становишта савремене нормативистике и теорије превођења валоризује ревизија богослужбених књига и предузимање нормативистичких захвата у црквенословенском језику у Русији током XIX и XX века.

Кључне речи: црквенословенски језик, ревизија богослужбених књига, иновирање језичког стандарда, литургијска обнова.

•

**ТЕОЛИНГВИСТИКА: ТЕОРИЈСКО-МЕТОДОЛОШКЕ ОСНОВЕ, РЕЗУЛТАТИ,
ПЕРСПЕКТИВЕ**

Апстракт: У раду се нуди преглед историјског развоја теолингвистике, заснивањен појмовно-категоријални апарат и образлажу њена фундаментална и апликативна подручја.

Кључне речи: Теорија и методологија лингвистике, религијска комуникација, сакрални дискурс, теолингвистика.

•

**О ЈЕЗИЧКОЈ ПОЛИТИЦИ ЦРКВЕ У КОНТЕКСТУ ЛИТУРГИЈСКЕ ОБНОВЕ
(РУСКА ИСКУСТВА ИЗ ХХ И С ПОЧЕТКА ХХІ ВЕКА)**

Апстракт: У раду се са социолингвистичког становишта разматрају мере језичке политике и језичког планирања спровођене организовано и институционално у оквирима Руске православне цркве током ХХ и на самом почетку ХХІ века као одговор на оправдане иницијативе покрета за литургијску обнову.

Кључне речи: Социолингвистика, језичка политика, језичко планирање, богослужбени језик, литургијска обнова, новоцрквенословенски језик, Руска православна црква.

•

КОМУНИКАТИВНА УЛОГА ПИСМА

Резиме. Рад представља даљу разраду питања двостране природе писма, чији развој подједнако зависи од два основна и равноправно важна чиниоца – језичке основе и културне историје, који типолошки одговарају семиотичком одређењу језика као јединства гласа и значења. Тој двостраној природи писма структурно одговарају и две комуникативне димензије писма – вертикална и хоризонтална. Ближе упознавање с њиховом природом и наменом потврдило је да писмо не постоји ради саме комуникације него зарад колективног памћења.

Кључне речи: графичка комуникација, визуелни говор, писмо у ширем и ужем смислу речи, вертикална и хоризонтална комуникација писма.

•

ЦРКВА У АСОЦИЈАТИВНОМ СИСТЕМУ СРПСКОГ ЈЕЗИКА

Резиме. На основу материјала *Асоцијативног речника српскога језика* извршена је анализа асоцијативног поља црква у српском језику. Одређено је психолингвистичко значење и упоређено је са лексикографским значењем представљеним у *Речнику српскохрватскога књижевног језика* Матице српске. Утврђено је постојање разлика у броју

и редоследу значења. Поређењем добијених података са материјалом *Обратног асоцијативног речника српскога језика* утврђено је да лексема црква има, осим раније утврђених значења, и изражену асоцијативну повезаност са нацијом, која се није манифестовала у другим изворима.

Кључне речи: црква, психолингвистичко значење, лексикографско значење, вербалне асоцијације, српски језик

НОМИНАЦИЈЕ БОГА У МОЛИТВАМА НА ЈЕЗЕРУ СВ. НИКОЛАЈА ВЕЛИМИРОВИЋА

Резиме. Тежиште у раду је на приказу различитих структурно-семантичких номинационих модела којима се именује Бог у *Молитвама на језеру*. Николај Велимировић ствара поетски раскошне слике Бога, као учесника у овој специфичној размени (комуникацији), веома креативним поступцима и одабиром језичких и стилских средстава углавном билијског порекла, али и стварањем аутентичног израза.

Кључне речи: Николај Велимировић, молитве, номинација Бога.

О ГОВОРНОМ ДОГАЂАЈУ У СВЕТЛУ ТЕОЛИНГВИСТИКЕ

Резиме. Предмет овог рада су опште одлике сакралног говорног догађаја (говорник, адресат, време, место и друге околности које конституишу говорни догађај, али се не остварују увек на исти начин). У уводном делу рада дају се опште напомене о различitim схватањима предмета теолингвистике, а у исходу разматрања закључује се да је за верујуће лингвисте сакрални говорни догађај прототип сваког другог говорног догађаја (или би требало то да буде), ако се живот верујућег бића види као учествовање у непрекидном општењу са Богом ради сталног (само)усклађивања живота појединих чланова Цркве, и Цркве у целини, са Оним, који је свему и свакоме и почетак и свршетак.

Кључне речи: говорни догађај, сакрално, теолингвистика, поглед на свет, језичка слика света.

ГРАФИЈСКО-ОРТОГРАФСКА ОБЕЛЕЖЈА САКРАЛНОГ ФУНКЦИОНАЛНОСТИЛСКОГ КОМПЛЕКСА У СРПСКОМ И РУСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме. Рад представља покушај комплексног и систематског интердисциплинарног разматрања специфичности графијско-

ортографског обликовања текстова који припадају сакралном функционалностилском комплексу, уз сагледавање њихових екстради и нтраплингвистичких узрока, као и инвентаризацију и критичку валоризацију на материјалу сакралног стандарда и општејезичке норме српског и руског језика.

Кључне речи: сакрални функционалностилски компекс, графијски систем, ортографски систем, нормативистика, социолингвистика, теолингвистика, српски језик, руски језик.

•

НАУЧНИ СТИЛ РУСКОГ ЈЕЗИКА У ОБЛАСТИ ТЕОЛОГИЈЕ: ЛИНГВИСТИЧКИ И ЛИНГВОДИДАКТИЧКИ АСПЕКТИ

Резиме. Рад представља покушај комплексног сагледавања екстраплингвистичких и интраплингвистичких обележја научног стила руског језика у области теологије са посебним указивањем на његова дистинктивна својства у односу на стил других дисциплина. Посебно се анализирају обележја условљена специфичношћу методологије богословља и карактера богословског познања у односу на логичко-епистемолошку природу знања у другим областима науке (емоционално-експресивна маркираносттеолошког израза, изражена интертекстуалност, одн. полифонија текста). Спроведена је инвентаризација најмаркантијих лексичких, морфолошких и синтаксичких средстава која конституишу теолошки израз руског језика, као и средстава композиционог обликовања теолошког текста. Предочене су и апликативне димензије разраде ове проблематике, пре свега у русистичкој лингводидактици – таксономија циљева и задатака и разрада начела селекције и презентације садржаја наставе руског као језика струке у теолошком образовном профилу.

Кључне речи: Лингвостилистика, руски језик, научни стил у области теологије, настава језика струке у теолошком образовном профилу.

РЕГИСТРИ У ФИЛОЛОШКОМ НАУЧНОМ ДЕЛУ

Научна књига по правилу садржи и разне типове регистара који омогућавају лакше налажење информација (о овој компоненти структуре научног дела детаљније в. Мильчин, Чельцова 2005, 387-414, 607-639; о нормативима обликовања регистара у мастер радовима и докторским дисертацијама в. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023).

Предметни регистар садржи списак основних тема (са евентуалним подтемама) о којима се говори у делу. Странице наведене

поред сваке натукнице омогућавају повезивање разних фрагмената књиге - поглавља, одељака, пасуса - у којима се говори о датој теми:

- Ритм 62-77, 80, 85-87, 89, 91
Ритмика 42, 101, 118
Ритмика речи 23, 55, 57-58, 76, 92
Ритмико-интонационный навык 9, 19, 23, 33, 42, 46, 57-61, 63, 65, 71, 99
Ритмомелодика 7, 115, 116, 121
Ритор 44, 45, 49, 51-53, 55, 57
Риторика 56, 181, 211-214
Родственные языки 62, 63, 67, 109-110

Именски регистар даје увид у позивање на разне личности на страницама књиге:

- Верещагин, Е. М. 64, 65, 169, 181, 193, 215, 319, 371
Виноградов, В. В. 138, 390, 422
Воробьев, В. В. 27, 57, 83
Востоков, А. Х. 87-88, 91
Всеволодова, М. В. 53, 55
Выготский, Л. С. 43, 53, 78
Вундт, В. 44, 65
Гак, В. Г. 169, 198, 314
Гальперин, П. Я. 71, 189

Регистар цитата из Светог Писма такође је веома често присутан на страницама теолошких научних дела:

- Книга Бытия

16:7	200
18:10	36
24:29	200
Псалтирь	
23	30
33:16	103
60:7	36

Најзад, често налазимо и *регистре илустрација* и других нетекстуалних елемената књиге:

- Сикстинская капелла

Роспись люнеты, предки Христа:

Авия 110-111

Иехония и Салафиил 108-109

Роспись свода 48-50

Всемирный потоп 53

Грехопадение и Изгнание из Рая 55

Грехопадение, деталь 68

Дельфийская Сивилла 80-81

Жервоприношение Ноя 54

У регистре у ширем смислу убрајамо и *објашњења мање познатих термина*, које аутор обично даје у виду кумулативног речника на крају књиге. Овај тип регистра посебно је присутан у уџбеничкој литератури и делима за која аутор претпоставља да их неће читати искључиво стручњаци, него и шира заинтересована културна и научна јавност:

- **Столпник** (гр. [греч] **στυλίτης**, лат. *stylita*), святые преподобные, избравшие для себя особый подвиг – стояние на столпе как способ удаления от мира и сосредоточения на постоянной молитве. Хотя неопределенное упоминание об отшельнике, избравшем себе данный подвиг, имеется уже в словах Ефрема Сирина (ум. 373 г.), эпоха столпников начинается лишь в V в., когда к столпничеству обращается св. Симеон Столпник. Св. Симеон (ок. 390-459) сначала подвизался как монах, затем как отшельник в Северной Сирии, а в 423 г. взошел на столп, где проводил время в непрестанной молитве. Столп поначалу был невысоким, но затем достраивался, пока не достиг приблизительно 20 метров в высоту. Св. Симеон пользовался исключительным авторитетом в христианском мире, к нему стекались толпы верующих за советом и наставлением, писали письма императоры, почитание его как святого распространилось еще при его жизни, особенно в сирийских общинах. В V-X вв. пример св. Симеона имел многих последователей, в том числе преп. Даниила (V в.), преп. Иоанна и преп. Симеона Столпника Младшего (VI в.), преп. Алипия (VII в.) и др. Образки с изображением столпников, которые приносили с собой паломники, возвращаясь после посещения этих подвижников (которые, видимо, могли благословлять эти образки), сыграли суще-

ственную роль в развитии иконопочитания. Подвиг столпничества был известен и на Руси, на столпе спасались, например, преп. Никита столпник переяславский (ум. 1186 г.), преп. Савва Вишерский (ум. 1461 г.).

- **Страстотерпец**, наименование христианских мучеников. В принципе это наименование может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим страдание (страдь, гр. [греч] **πάθος**, [греч] **πάθημα**, лат. passio) во имя Христово. Преимущественно же это наименование относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев – в силу их злобы, коварства, заговора. Соответственно, в данном случае подчеркивается особый характер их подвига – беззлобие и непротивление врагам. Так, в частности, нередко именуются свв. мученики Борис и Глеб, св. Димитрий Царевич.
- **Чудотворец** (гр. [греч] **θαυματουργός**), эпитет ряда святых, особо прославившихся даром чудотворения, заступников, к которым прибегают в надежде на чудотворное исцеление и т.д. Чудотворцы не являются особым разрядом святых, поскольку в принципе все святые обладают даром чудотворения, а засвидетельствованные чудеса являются основным условием **канонизации** (см.). В разных святах и месяцесловах наименование чудотворца приписывается разным святым. Среди почитаемых русской церковью чудотворцев можно отметить святителя Мир Ликийских Николая, московских святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, преподобного Антония Римлянина, Сергия и Германа Валаамских, Серафима Саровского и др.

• **Питања, задаци и вежбе:**

1. Објасните функцију регистрара у научном делу и изложите њихову поделу.

2. Ком типу регистрара припадају следећи фрагменти?

•

Послание к Филимону

2:7 33

6 297

Послание к Филиппийцам

2:12 10

4:7 369, 371

- - Паронимы 88, 93, 97
 - Пассивная лектика 43, 87, 113
 - Пассивный граматический минимум 56-57, 71
 - Пауза 82, 94, 103
 - Паузированные упражнения 5, 9-10, 16
 - Перевод 21, 23-25, 37, 36
 - Перевод дословный 27, 29, 31-33
- - Кодухов, В. И. 40, 135, 175-176
 - Кожин, А. Н. 39, 376
 - Колесов, В. В. 184-185, 192
 - Костомаров, В. Г. 126, 178
 - Кузнецов, П. С. 173, 191-192, 207

3. Анализирајте регистре у некој књизи из области филологије коју ћете користити за писање мастер рада. Који од тих регистара ће вам при раду на одабраној теми бити најзначајнији и зашто?

4. Понудите кратка објашњења на руском језику термина *ономастика, лексика реалија, паремиологија, фразеолошка синтагма, неологизам, историзам, архаизам, дијахронија* намењена читаоцима који нису довољно упознати са филологијом. Најбоља објашњења уобличите у мали регистар.

САДРЖАЈ У ФИЛОЛОШКОМ НАУЧНОМ ДЕЛУ

Неизоставна компонента сваке научне књиге, тематског зборника или часописа свакако је и *садржај*. Он омогућава читаоцу брзо и лако стицање представе о садржају и структури дела које је пред њим, сналажење у његовој композицији (поглавља у монографији, конкретни текстови у зборнику или часопису), а значајна функција му је и мотовациона – на основу довољно информативног и прегледног садржаја он ће се заинтересовати за коришћење тога издања.

Садржај се може различито обликовати, у зависности од пуноће обухвата тематике књиге, зборника или часописа која њиме жели да се постигне (о обликовању садржаја научне књиге детаљније исп. Мильчин, Чельцова 2005, 347-379; о обликовању садржаја мастер радова и докторских дисертација в. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023). У свеобухватном садржају наводе се без изузетка сви структурно-рубрикациони елементи одређеног издања, док се у краћим варијантама садржаја дају само основни елементи. У научним издањима препоручљиви су шири прегледи садржаја, док се они краћи могу применити једино уколико је књига снабдевена детаљним предметним регистрима.

• Питања, задаци и вежбе:

1. Објасните функцију садржаја у научном делу и изложи њихову поделу.

2. Упознајте се са садржајем књиге Н. И. Сазонове *У истоков раскола Русской Церкви в XVII веке: исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654-1666 гг.) (на материалах Требника и Часослова)*. – Томск: Наследие, 2008. - 299 с. **Ком типу садржаја он припада? Можете ли на основу њега пружити краћу информацију о овом делу?**

Оглављение

Введение
Глава 1. Церковная реформа патриарха Никона и русское общество XVII в.
1.1. Новые явления в русской культуре XVII в. и внутреннее положение Русской Церкви.....
1.2. Деятельность «ревнителей благочестия» и пути выхода из церковного кризиса
1.3. Начало реформы патриарха Никона
1.4. Текстология исправления Требника и Часослова
1.4.1. Текстология исправления Требника
1.4.2. Текстология исправления Часослова.....
1.5. Богослужебные изменения и полемика вокруг реформы.....
Глава 2. Богослужебный текст в религиозной жизни России XVII в.....
2.1. Функции богослужения в религиозной жизни XVII в.
2.2.Богослужение как семиотическая система
2.2.1. Структура богослужения XVII в.....
2.2.2. Выражение и содержание в богослужебном тексте

2.3. Богослужебный текст и человек: характер и направления взаимодействия.....
Глава 3. Никоновская «справа» и фундаментальные религиозные представления.....
3.1. «За единый «аз»»: острота восприятия Священной истории.....
3.2. Представления о Боге и никоновская реформа.....
3.3. Бог в сакральном диалоге
3.3.1. <i>Далекий и близкий</i>
3.3.2. <i>Суд и милость</i>
Глава 4. Человек в сакральном диалоге
4.1. Характер предстояния Богу и исправление Требника и Часослова....
4.1.1. <i>«Я» и «мы» в богослужебном тексте</i>
4.1.2. <i>Исправление богослужебных книг и эволюция форм предстояния человека Богу</i>
4.2. Никоновская реформа и эволюция позиции человека в сакральном диалоге
4.2.1. <i>«Чувство ранга» и его эволюция</i>
4.2.2. <i>Характер покаяния и его изменение</i>
Заключение

3. Упознајте се са садржајем два мастер рада на руском језику обликована у складу са нормативима прихваћеним у руској академској средини:

Содржание

Введение	3
Глава I. Теоретические основы исследования	5
1.1. Понятие дискурса и его развитие в лингвистике.....	5
1.2. Политический дискурс и его особенности	8
1.3. Имидж политического деятеля как компонент политического дискурса	13
1.4. Лексическая система русского и сербского языка	17
1.5. Понятие метафоры	19
1.6. Метафора в политическом дискурсе	21
1.7. Понятие «метафорической модели»	25
Глава II. Лексические средства создания положительного имиджа политика в политическом дискурсе	27
2.1. Базовые составляющие образа политика и их номинация	27
2.2. Лексика, номинирующая психические качества личности политика	29
2.3. Номинации биологических качеств политического деятеля	43
2.4. Метафорические способы создания положительного имиджа политика в печатных СМИ	47
2.4.1. Субстантивные метафоры	47
2.4.2. Адъективные метафоры	59
2.4.3. Глагольные метафоры	60
Глава III. Стереотипы образа идеального политика в СМИ и в сознании избирателя	64
3.1. Стереотипы в политическом дискурсе	64
3.2. Стереотипный образ идеального политика в современном обществе	66
3.3. Стереотипы, использующиеся при создании положительного имиджа политика в политическом дискурсе	72
3.4. Зависимость между стереотипами и полом, возрастом респондентов	79
Заключение	83
Список литературы	89

•

Содержание

Введение	3
Глава 1. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
1.1. Теоретические основы и принципы исследования антронимии в отечественном языкоznании
1.2. К проблеме классификации поэтонимов.....
1.3. Лингвокультурный потенциал имен собственных.. в художественном тексте.....
Глава 2. АНТРОПОНИМИЯ ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ЯМА»
2.1. Антрапонимическое пространство повести Куприна «Яма»
2.2. Псевдонимы и прозвища как разряд антрапонимов и их функции в номинации личности в художественной прозе Куприна.....
2.3. Апеллятивные номинации и другие периферийные маркеры персонажа в художественном дискурсе Куприна
Глава III. ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОЗЕ КУПРИНА.....
3.1. Полифункциональная заданность антрапонимической лексики в повести Куприна «Яма»
3.2.....
Индивидуальное онимоупотребление в идиостиле Куприна.....
Заключение
Литература

НАСЛОВ, ПРЕДГОВОР И УВОД У ФИЛОЛОШКОМ НАУЧНОМ ДЕЛУ

Наслов дела садржи име и презиме аутора, име и презиме научног уредника издања, наслов и евентуално поднаслов, место, издавачку кућу и годину издања, ако издање није прво – и податак о редном броју и типу издања (проширењо, допуњено, репринт), евентуално назив едиције у којој се дело штампа (о руским стандардима обликовања насловне стране детаљније в. Мильчин, Чельцова 2005, 287-327).

У неким издањима књига (обично речника) и зборника насловна страна уобличава се на два или чак три језика (исп. Мильчин, Чельцова 2005, 305-306).

За дисертације у руској средини постоји унификована схема насловне стране (исп. Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023). Ево једног примера:

•

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

Лексические средства создания положительного имиджа политика в
русских и сербских печатных СМИ

Магистерская диссертация
Направление 45.04.01 – Филология
Текст и коммуникация

Допущено к защите в ГЭК ___.20__

Зав. кафедрой _____ профессор, д.ф.н., Чарыкова О.Н.

Обучающийся _____ Лапыгина М.В.

Руководитель _____ профессор, д.ф.н., Чарыкова О.Н.

Воронеж 2017

Предговор је необавезни, али пожељни елемент апаратуре оријентације научног дела. Његова функција је изазивање интересовања код читаоца за тему и садржај књиге, његова интелектуална и евентуално емоционално-доживљајна припрема за читање и за успешно служење књигом (исп. Мильчин, Чельцова 2005, 480-486). У садржај предговора најчешће улазе:

- значај теме којом се бави аутор и актуелност његовог садржаја,
- одлике садржаја и форме дела, као и његове структуре,
- принципи одабира материјала,
- указивање на новине које то дело уноси у литературу, науку, праксу,
- истицање највећих вредности дела,
- савети на који начин треба користити издање.

Шаблона у обликовању предговора, међутим, не би требало да буде. Свакој књизи приступа се на начин који је њој најадекватнији.

Пожељно је да предговор буде што упечатљивији по стилу и изнетим идејама. Он никако не треба да понавља анотацију или резиме.

Аутор предговора може бити не само аутор дела (тзв. ауторски предговор), него и признати стручњак са стране, рецензент, уредник, представник издавачке куће. Уколико издавач жели да књига додатно добије на тежини, за писање предговора ангажује неког истакнутог ствараоца из области којом се дело бави.

У књизи се предговор најчешће издаваја насловима *Предисловие, К читателю*, или пак *Предисловие автора, Предисловие редактора, Предисловие к первому (второму, русскому, сербскому) изданию, От автора, От издательства, От редакции*. Ако по наслову не може да се одреди ко је аутор предговора, пожељно је после текста ставити одређење: *Автор; Редактор; Переводчик*, или навести презиме аутора. Навешћемо два примера ауторског предговора – један из пера истакнутог медиевисте В. М. Живова, а други из пера лингвисте А. К. Гадомског:

Предисловие

Почитание святых – это неотъемлемая часть православной духовности. Собор святых окружает верующего в его земной жизни от крещения, когда из этого собора ему дается небесный покровитель, и до погребения, когда церковь молится об упокоении и соединении усопшего с этим собором. Характер почитания святых определяется прежде всего преданием: мы научаемся жить со святыми и общаться с ними так, как жили и общались наши отцы и деды. Духовная ценность этого общения зависит от веры и чистоты сердца, и усилия ума могут служить здесь лишь частным подспорьем. Пути усвоения предания складывались веками – от поколения

к поколению, от ведения и знания предков, запечатленных в их словах и в созданных ими иконах, к нашему постижению, углубляющемуся по мере нашего пребывания в стенах храма. В нынешнее время, однако, преемственность поколений была нарушена длительной эпохой гонений, “естественное” знание перестало быть общедоступным и потому возникла необходимость его “искусственного” восполнения. Многое здесь делается: открываются новые церкви, и сонм святых, стоящих на пути к алтарю, заботливо встречает пришедшего в храм; изданы многочисленные жития святых, древние патерики, творения отцов Церкви, сочинения новых духовных авторов. Духовный путеводитель по храму получил читатель в “Иконостасе” о. Павла Флоренского. Часто, однако, эти обращенные к нам слова могли бы стать более внятными для нас, если бы простейшие понятия, которые были общеизвестными, когда столетие тому назад эти книги печатались или писались, были объяснены и раскрыты в их исторической перспективе. Предлагаемый словарик и ставит перед собой эту ограниченную задачу.

Первоначально этот словарь был написан как приложение для предполагавшегося издания трудов по русской агиографии Г. П. Федотова: “Святых древней Руси”, “Святого Филиппа митрополита Московского”, ряда статей. Публикация не состоялась, но сочинения Г.П.Федотова вышли в свет в разных изданиях и сейчас общедоступны. История русской святости, столь важная для нашего читателя, изложена в них со знанием дела, хотя трактовка отдельных фактов и может быть спорной; во всяком случае, в основной своей части эти книги не устарели. Почитание святых в древней Руси обладает определенными особенностями, представлять их себе важно, поскольку они формировали отечественную духовную традицию, особенно ценную для нас; об этих особенностях пишет, в частности, Федотов, равно как и ряд других авторов. Для их понимания нужно уяснить ту разветвленную традицию, частью которой является русская духовность. Почти тысячелетняя история христианства, предшествовавшая крещению Руси, создала достаточное сложное представление о святости, выразившееся как в богословских построениях, так и в освященных традицией культовых формах – обрядах, обычаях, иконографии. Предлагаемый словарь поможет читателю получить элементарные сведения по этим вопросам, раскрыть для себя тот контекст – византийский и общехристианский, – в котором заняла свое место русская традиция почитания святых. Словарная статья содержит, как правило, указание на новозаветные источники разбираемого явления и описание его истории в раннехристианскую эпоху; сообщаются сведения о развитии описываемого явления в последующие периоды – преимущественно в Византии, но также и в западном христианском мире;

если в истории русской культуры анализируемый феномен получил специфическое развитие, это развитие особо отмечается и описывается. Литература, посвященная рассматриваемым в словаре вопросам, чрезвычайно обширна, библиографические сведения превратили бы настоящее издание из элементарного пособия в специализированный справочник. Поэтому (кроме обычных указаний на тексты Св. Писания) в случае необходимости даются лишь сокращенные ссылки на стандартное издание святоотеческой литературы; принятые сокращения: *PG, I-CLXI – Patrologiae cursus completus. Series graeca. Vol. I-CLXI. Accurante J.P.Migne. Paris, 1857-1866. PL, I-CCXXI – Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. I-CCXXI. Accurante J.P.Migne. Paris, 1865-1891.*

B. M. Живов

(Преузето из речника: Святость. Краткий словарь агиографический терминов. Сајт <https://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov>)

Предисловие

Термин «теолингвистика» в современном его значении начал функционировать в науке с 1981 года.¹⁰ В настоящее время он зафиксирован в «The Cambridge Encyclopedia of Language», ее немецком аналоге «Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache» и ряде других источников.¹¹

В Польше возможность его употребления была обсуждена и одобрена на заседании Комиссии Религиозного Языка при Совете по Польскому Языку Польской Академии Наук¹².

Начиная с 2004 года, он начал функционировать в украинской русистике¹³, обратили на него внимание российские языковеды.¹⁴

¹⁰ Noppen J-P. van (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr. 8). VUB, Brussels 1981, s. 1.

¹¹ Crystal D., *Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache*, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhricht, Campus, Frankfurt a.M.-New York 1995, s. 412; D. Crystal, *The Cambridge Encyclopedia of Language*, Cambridge University Press, Cambridge-New York-Melbourne 1987, s. 412; Hermann C-P., B. Groschel, U. H. Wassner, *Sprache & Sprechen. Fachsystematik der Allgemeinen Sprachwissenschaft und Sprachensystematik. Mit ausführlichen Terminologie- und Namenregistern*, Harrassowitz, Wiesbaden 1997, s. 53.

¹² Kucharska-Dreiss E., 2004, *Teolinguistyka – próba popularyzacji terminu, [w:] Język religijny dawniej i dziś*, red. S. Mikołajczak, T Węsławski, Poznań, s. 23-30.

¹³ Гадомский А. К к проблеме определения теолингвистики. - Учен. зап. ТНУ. - Т. 17(56). - № 1: Филологические науки. - Симферополь: ТНУ, 2004.- С. 63-69; Гадомский А. К О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии.// Культура народов Причерноморья. - № 49. - Т.1 – 2004. – С. 164-167.

¹⁴ Чевела О.В. Использование методов теологической герменевтики при интерпретации сакрального текста // Материалы V научно-практической конференции „Богословие

В последние годы теолингвистикой как разделом языкоznания заинтересовались сербские языковеды¹⁵.

В ранее публиковавшихся работах нами уже была представлена краткая история теолингвистики как раздела «внешнего языкоznания»¹⁶, определено ее место в кругу других «лингвистик»¹⁷, обозначены основные направления, которыми она занимается¹⁸, описаны ее семантико-прагматические проблемы¹⁹, собрана русская и польская терминология теолингвистики²⁰, описаны единицы теолингвистики²¹, а также отношения теолингвистики и грамматики²², теолингвистики и аксиологии²³.

и гуманитарные науки: традиции и новая парадигма”, 7 – 8.11. 2005 . - „Православный Собеседник” - Выпуск 1(11). - ч. 1, Казань, 2006. - С. 178; Бугаева И.В. Ментальная категория протективности в речи верующих//Материалы XXXV Международной филологической конференции 13-18 марта 2006 г. Вып.13: Русский язык и ментальность. В 3-х ч. Ч. I. - . СПб, 2006. - С.23 – 28.

¹⁵ Кончаревић К. Поглед у теолингвистику. Београд: Јасен, 2015; Кончаревић К. Језик и религија: појмовник теолингвистици. Београд: Јасен, 2017.

¹⁶ Гадомский А.К. Теолингвистика: история вопроса// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филология», - Т. 18 (57). № 1. - Симферополь: ТНУ, 2005. - С. 16-26.

¹⁷ Гадомский А.К. К проблеме определения теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филологические науки», Т. 17(56), № 1. - Симферополь: ТНУ, 2004. - С. 63-69; Gadomski A., 2005, *Lingwistyczne rozwiązańe problemu „język a religia” jako jeden ze sposobów współdziałań kultury wysokiej i niskiej, [w:] Relacje między kulturą wysoką a popularną w literaturze, języku i edukacji, (red.)* B. Myrdzik, M. Karwatowska, Lublin, s.85-95.

¹⁸ Гадомский А.К. Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записки Луганського національного педагогічного Університету. - Вип.7. Серія: Філологічні науки: Збірка наукових праць [Норми та парадокси свідомості й мислення, їх відображення в мовній картині світу] - Луганськ: Альма-матер, 2006. - С.24-41.

¹⁹ Гадомский А.К. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету. - № 12 (80). - 2004. - С. 33 - 38.

²⁰ Гадомский А.К. Русско-польская терминология теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им.

В.И. Вернадского. - Серия «Филология», - Т.19 (58) № 1. - Симферополь: ТНУ. - С. 147-157.

²¹ Гадомский А.К. К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология: Сборник научных работ. - Выпуск 11. Часть 1. «Языкоznание». - Горловка: изд-во ГГПИЯ, 2006. - С. 11-20; Gadomski A., 2007, *O кодовом подходе в изучении религиозного языка, „Prace Filologiczne”, t. LIII, s. Warszawa, s. 199-206.*

²² Гадомский А. К. Теолингвистика и грамматика // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филология», Т. 19(58), № 4. - Симферополь: ТНУ, 2006. - С. 15 - 25.

²³ Gadomski A., H. Gadomska, 2005, *Language as a medium for values and an attitude-shaping factor in the modern times, [w:] Ethical and Spiritual Values and Sources of European integration. Moral Education and Civil Society*.5th March 2005, the Palace of Culture and Science in Warsaw, Poland, Warsaw, s. 155-165.

Достаточно актуальной проблемой, без решения которой нельзя говорить о выделении теолингвистики в отдельный раздел языкоznания, является проблема терминологии теолингвистики. В ряде публикаций нами уже затрагивалась названная проблема.²⁴ Поэтому в настоящей статье пойдет речь о составлении словаря терминологии теолингвистики. Естественно, в связи с этим возникает ряд вопросов.

- 1. Какой терминологией следует пользоваться?*
- 2. Как ранее решались проблемы терминологии теолингвистики?*
- 3. Имеет ли смысл «изобретать» новую терминологию теолингвистики?*
- 4. Что можно считать источником терминологии теолингвистики?*
- 5. Каким образом следует располагать терминологию в словаре – в алфавитном или тематическом.*

Подобно тому, как каждый раздел науки зарождается и развивается до определенного момента в границах других наук, таким же образом зарождается и развивается терминология.

Мы посчитали, что в этой ситуации необходимо руководствоваться следующими принципами.

1. Нет смысла «изобретать» новую терминологию и, по возможности, следует использовать уже существующую лингвистическую терминологию и терминологию наук, тесно связанных с теолингвистикой. Если возникает проблема выбора одного из конкурирующих и равноценных терминов, а термин уже существует и распространен, предпочтение следует отдать тому, который распространен.

2. С учетом международного характера терминологии, ее источником могут служить энциклопедии, справочники, терминологические и лингвистические словари, труды лингвистов, теологов, философов и других ученых, разрабатывающих данную проблему в том или ином аспекте, написанные на разных языках. В данной ситуации сопоставляются русская и польская терминология.

Поэтому наш словарь представляет собой попытку объединения уже существующей терминологии, преимущественно русской и польской, которая может считаться терминологией теолингвистики. Терминология, которой может оперировать и уже оперирует теолингвистика, была

²⁴ Гадомский А.К. Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту. Вип.7. Сер. фіол.науки: Зб наук. праць [Норми та парадокси свідомості й мислення, іх відображення в мовній картині світу] - Луганськ: Альма-матер, 2006. - С.24-41; Гадомский А.К. Теолингвистика как учебная дисциплина // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи. Международная научно-практическая конференция. 24-26.05.2006 – Симферополь: Универсум, 2006. – С. 51-58; Гадомский А.К.Русско-польская терминология теолингвистики. – Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Т.19 (58) № 1 Филология. – Симферополь: ТНУ, 2006. – С. 147-157.

собрана и систематизирована с учетом перечисленных выше принципов.

В основном в словарь помещались термины, существование которых, подтверждено «документально» - то есть, те, которые уже зафиксированы в научной литературе. Что подтверждено ссылками на соответствующие источники, в которых эта терминология употребляется. Часть слов вошла в словарь без русских или польских аналогов. Это значит, что на данном этапе исследования названные термины нами не были обнаружены.

Настоящий словарь включает более 200 единиц, большинство из которых имеют аналоги на русском и польском и частично на других языках.

На мысль создания «библиографического словаря» натолкнул нас «Библиографический словарь общего и польского языкоznания» польского лингвиста J. Wawrzyńczyka.²⁵

Наш словарь состоит из двух частей: алфавитной и тематической (идеографической).

Алфавитная часть словаря позволяет легко находить интересующие термины.

Тематическая часть словаря состоит из следующих разделов.

Тематический словарь состоит из следующих рубрик.

1. Теолингвистика. Общие положения
2. Религиозный язык
3. Подходы к изучению религиозного языка
 - 3.1. Жанровый подход к изучению религиозного языка
 - 3.1.1. Заповедь
 - 3.1.2. Исповедь
 - 3.1.3. Календарь церковный
 - 3.1.4. Молитва
 - 3.1.5. Объявление парофаильное
 - 3.1.6. Обмирание
 - 3.1.7. Откровение
 - 3.1.8. Песнопение, гимн
 - 3.1.9. Послание духовное
 - 3.1.10. Притча
 - 3.1.11. Проповедь
 - 3.1.12. Пророчество
 - 3.1.13. Свидетельство
 - 3.2. Стилистический подход к изучению религиозного языка

²⁵ Wawrzyńczyk J., 2000, Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego, Warszawa.

3.3. Кодовый подход к изучению религиозного языка

3.3.1. Фонетика религиозного языка

3.3.2. Алфавит, графика, орфография религиозного языка

3.3.3. Лексикология религиозного языка

3.3.3.1. Лексика и семантика религиозного языка

3.3.3.2. Фразеология религиозного языка

3.3.3.3. Заимствования из религиозного языка, этимология

3.3.3.4. Религиозная лексикография

3.3.3.5. Ономастика религиозного языка, агиография

3.3.3.6. Терминология религиозного языка

3.3.4. Словообразование религиозного языка

3.3.5. Грамматика религиозного языка

3.3.6. Религиозный текст

4. Коммуникативный поход к изучению религиозного языка

5. Дискурсивный подход к изучению религиозного языка

6. Аксиологический подход к изучению религиозного языка

Разделение словаря на рубрики само по себе уже дает представление о содержании теолингвистики, ее основных разделах и позволяет обнаруживать «пропуски», недостающие фрагменты, которые в перспективе могут быть заполнены. В обеих частях словаря словарные статьи начинаются с ключевого слова.

Значительную часть словаря составляет список литературы теолингвистики, включающий работы, изданные на английском, немецком, польском, русском языках. В списке есть также источники на чешском, украинском, сербском и болгарском языках.

Словарь может быть полезен специалистам-филологам, студентам филологических специальностей вузов и всем, кого интересует проблема «язык и религия».

Док предговор није у саставу основног дела књиге, **увод** јесте његов иницијални елемент, где аутор почиње да упознаје читаоца са темом којом ће се бавити. Аутор увода може бити искључиво аутор целине дела. Наслов под којим се он штампа је најчешће *Введение, Вступление, Вступительная статья*.

За дисертационе радове у руском високом школству постоје нормативи о томе које компоненте увод треба да садржи и редослед њиховог излагања (в. документ Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022 с дополнениями от 13.06.2023). Ево карактеристичних примера:

Введение

В современном мире средства массовой информации оказывают большое воздействие на сознание людей. С помощью печатных СМИ формируется тот или иной образ политического деятеля. Важнейшим условием завоевания большого числа сторонников является создание положительного имиджа политика, что предполагает использование определённых языковых средств. Значительное число современных российских лингвополитических исследований представляют описание речевого портрета политика на определенном этапе его деятельности (лидер партии, губернатор, мэр, президент). Однако лингвистические средства создания положительного образа политического деятеля в печатных СМИ пока не получили достаточного научного осмыслиения, а сопоставительный анализ средств создания положительного образа политика в российских и сербских СМИ не проводился, что определяет актуальность данной работы.

Объектом анализа являются лексические средства создания положительного имиджа политика, представленные в русских и сербских печатных СМИ.

В качестве **предмета** исследования выступают лексико-грамматические и семантические характеристики лексических средств создания положительной оценки и выражения стереотипных представлений о хорошем политику, действующие на сознание адресата и позволяющие сформировать положительный имидж политического деятеля.

Цель исследования: 1) выявить и сопоставить семантические и морфологические характеристики лексических единиц, используемых для создания положительного имиджа политика в русском и сербском политическом газетном дискурсе; 2) на основе полученных данных и анкетирования выявить и сопоставить социальные стереотипы образа идеального политического деятеля в сознании русского и сербского избирателя.

Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить базовые составляющие имиджа политика;
- выявить и проанализировать основные языковые средства, используемые для создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ;
- определить наиболее активно использующиеся лексические единицы;

- выявить и проанализировать основные метафорические единицы, используемые для создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ;
- определить наиболее активно использующиеся метафорические единицы;
- методом анкетирования выявить лексику, используемую для выражения стереотипного образа идеального политика в современном русском и сербском обществе;
- сопоставить полученные данные, выявив сходства и различия.

Материалом для исследования послужили контексты, извлекаемые из печатных СМИ за 2012-2017гг.

Источниками исследования были русские газеты «Известия», «Ведомости», «Аргументы и факты», «МОЁ», «Комсомольская правда», журнал «Новое время» и интернет-газеты «Дни.ру» и «Взгляд» и сербские газеты «Политика», «Правда», «Danas», «Спутник» за 2012-2017 год.

Методы исследования: работа выполнена с помощью традиционного для русистики описательного метода, основанного на непосредственном наблюдении над языковым материалом. Также использовались: метод контекстного анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод анкетирования, методика количественных подсчетов, сопоставительный метод.

Введение

•

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что антропонимия художественного текста имеет огромное значение в понимании исторического, социального и культурного содержания отдельного произведения или всего творческого наследия автора. Антропонимы выполняют не только номинативную функцию, но и определяют отдельные черты характера или внешности персонажа. Кроме того, они являются средством раскрытия и детального понимания художественного образа. Не менее важную роль в произведении играют апеллятивы, служащие для обобщения персонажей по какому-либо признаку.

Имена персонажей интересуют как лингвистов, так и литературоведов, поскольку через понимание роли имени в художественном тексте можно проникнуть в замыслы писателя, его идеи и одновременно эмоционально воздействовать на читателя. Неслучайно в ономастической науке изучение имен собственных в художественных произведениях выделилось в специальный раздел – поэтическую ономастику.

В современных лингвистических работах постоянно поднимается вопрос о необходимости и целесообразности системного изучения онимической лексики художественного текста, анализ которой приводит к пониманию замысла произведения и индивидуальных особенностей слога писателя. Нам, в этой связи, представляется актуальным обращение к исследованию антропонимической системы произведения А.И. Куприна «Яма».

Актуальность данного исследования заключается в том, что, во-первых, вопрос о функциях имён собственных в художественном тексте является не до конца изученным. Во-вторых, исследование антропонимов в произведении помогает выявить мировосприятие отдельного писателя, установить особенности его словотворчества и словоупотребления. В-третьих, об актуальности данной темы свидетельствует неослабевающий на протяжении многих веков интерес учёных к именам собственным в художественных текстах. Кроме того, актуальность исследования определяется общей потребностью в изучении антропонимов, как одной из образующих систем художественного ономастикона, помогающего целям постижения глубинного смысла текста, воплотившего в себе философские, нравственные, теологические искания целой эпохи.

Объектом исследования ономастов становились различные художественные произведения разных эпох, но мы остановили свой выбор на повести А. И. Куприна «Яма», которая была негативно воспринята критиками ХХ века. Однако, освященная писателем, тема любви – одна из вечных и волнующих тем мировой литературы. Ее интерпретировали разные авторы в разное время. Одни настаивали на том, что любовь – это возвышенное чувство, даром которого надеваются лишь отдельные счастливцы, другие рассматривали любовь под углом страдания и испытания, третьи описывали взаимную и безответную любовь, любовь платоническую, а были и те, которые исследовали сущность «порочной любви». Повесть А. И. Куприна посвящена интерпретации истоков «продажной любви». Автор впервые и для своих современников, и для самого себя заговорил о низком, пошлом и запрещенном. К этой теме Куприн подошел как художник-гуманист, глубоко сочувствующий униженным и оскорбленным, стремящийся в ожесточенной душе найти светлое, человеческое начало.

Объектом изучения в настоящей работе являются имена собственные, функционирующие в повести А.И. Куприна «Яма». *Предметом* изучения стал комплекс языковых и внеязыковых факторов и явлений, обусловивший характер функционирования онимов в художественном произведении.

Целью выпускной квалификационной работы является интерпретация структурных и лексико-семантических особенностей антронимов в повести А.И. Куприна «Яма», определение их роли в создании художественных образов.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Каталогизировать номинации персонажей повести Куприна «Яма»;
2. Систематизировать назывные единицы по их типологической природе;
3. Интерпретировать структурный статус антронимов;
4. Предложить семантическую интерпретацию антронимических единиц анализируемого текста;
5. Определить роль имен собственных в создании художественных образов, соотнести антронимические номинации с образами носителей имен и системой образов повести А. И. Куприна «Яма».

Новизна выпускной квалификационной работы заключается в том, что в ней впервые исследуется ранее не привлекавший внимания языковедов ономастический материал повести А. И. Куприна «Яма». Кроме того, в рамках научного исследования дается комплексное описание всех разрядов антронимов, встречающихся в повести «Яма», в качественно-количественном освещении.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что изучение функционирования антронимов в художественном тексте позволяет сделать выводы о закономерностях формирования антронимической системы как одного из главных источников характеристики персонажей, а также выражения авторской позиции и замысла. Эти выводы дают возможность внести определенный вклад в изучение актуальных вопросов русской литературной ономастики.

Источником исследования является повесть А. И. Куприна «Яма», которую автор начал писать в 1908 году. «Яма» - наиболее спорное произведение Куприна. После первой публикации в 1909 году произведение вызвало самые разнообразные и противоречивые критические отзывы. И ныне ещё не сложилось определённое и устойчивое мнение об этой самой крупной по объему книге Куприна. Куприн первым среди русских писателей раскрывает в повести тему продажной любви. В центре повествования история жизни публичного заведения и его обитателей.

Эта книга о жизни девушек лёгкого поведения вызвала скорее осуждение, чем сочувствие или понимание. Автора обвиняли

в безнравственности и чрезмерном натурализме. Именно поэтому произведение Куприна считалось скандалальным, немыслимым и одновременно успешным.

Материалом выпускной квалификационной работы послужила антропонимическая лексика повести А. И. Куприна «Яма» (общее количество - 178, количество употреблений онимов в данной работе не подсчитывалось). Издание, по которому была произведена выборка фактического материала: Яма / Александр Куприн. – М.: Эксмо, 2014. – 416с.

Специфика изучаемого антропонимического материала и его анализа обусловила использование в нашей работе определенных *ономастических методов и приёмов исследования*.

Имена собственные занимают особое положение в языке, что привело к специализации методов анализа этого пласта лексики. Среди наиболее распространённых приёмов можно выделить описательный (дескриптивный), исторический, сравнительно – сопоставительный, лингвопсихологический, семиотический, статистический, стилистический, ареальный, и прочие.

Опишем методы, которые были привлечены для изучения нашего материала.

При анализе фактического материала был использован *описательный метод*. Его использование предполагает соблюдение ряда требований: чёткое представление об избранном предмете изучения (в нашем случае – о функциях антропонимов в художественном тексте), систематизации, последовательности описания, группировки или классификации, характеристики материала (качественной или количественной) в соответствии с поставленной задачей исследования. Начальным этапом «описания» материала является его собирание, каталогизация, разумная систематизация, позволяющая видеть разные его части (виды, типы), самые общие отношения между ними, а также наиболее существенные их качества [Бондалетов 1983, 37-42].

Поскольку источником нашего исследования является художественный текст, мы вправе были применить *стилистический метод*.

Ономатологов – стилиста привлекает широкий круг проблем: функции собственных имен в художественном произведении (номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая), специфика литературной ономастики, зависимость состава имён и их функций от литературного направления (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, символизм и проч.), особенности отбора и употребления имён в прозе, поэзии, драматургии (в комедии, трагедии, драме, водевиле), виды литературных антропонимов,

топонимов и т.п.; их роль в построении художественного произведения, способы и приемы видоизменения реальных собственных имен для достижения экспрессивно – стилистической и художественной выразительности, роль собственного имени в типизированном отражении действительности, собственное имя как средство создания сатиры и юмора, а также множество других видов мотивированного употребления всех без исключения разрядов собственных имён [Бондалетов 1983, 63-65].

Использование *статистического* метода основано на том, что у объекта изучения, помимо его качественной стороны, имеется сторона количественная. В настоящее время количественные (математические, квантитативные, статистические) методы получили широкое применение во всех областях науки, в том числе и в языкоznании. Применима лингвостатистика и в ономастике. Ее содержание здесь разнообразно – от простейших подсчетов количества имён и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого ономастического разряда и закономерностей его развития [Бондалетов 1983, 72].

Описанные выше методы позволяют нам объективнее исследовать имеющийся фактический материал.

В работе была использована следующая *терминология*:

Антропоним – вид онима. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей) в т.ч. ЛИ, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криptonим, кличка [Подольская 1988, 30].

Антропонимика - раздел ономастики, изучающий антропонимы, закономерности их возникновения, развития функционирования [Подольская 1988, 33].

Антропонимия – совокупность антропонимов [Подольская 1988, 37].

Апеллятив - имя нарицательное в противоположность имени собственному [Подольская 1988, 30].

Имя собственное – то же, что оним [Подольская 1988, 122].

Личное имя – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с другими [Подольская 1988, 37].

Номинация – название, именование, присвоение имени, процесс именования [Подольская 1988, 87].

Оним – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации [Подольская 1988, 95].

Ономастика – раздел языкоznания, изучающий любые собственные имена [Подольская 1988, 97].

Онимия – совокупность онимов [Подольская 1988, 96].

Отчество – это именование, произведенное от имени отца [Подольская 1988, 102].

Прозвище – вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [Подольская 1988, 115].

Псевдоним - вид антропонима. Вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него [Подольская 1988, 118].

Семантика имени – экстралингвистическое значение имени, включающее фактор известности имени, информацию, которую оно несет, его специфические ономастические функции, стилистическую и эстетическую значимость (в речи) и др. компоненты [Подольская 1988, 93].

Фамилия – наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека, к определённой семье [Подольская 1988, 140].

Функционирование – употребление, использование имен собственных в речевых ситуациях, письменных текстах, различное для разных классов имен и для разного времени [Подольская 1988, 145].

Функция (имени) – исполнение своей роли, своего назначения именем собственным в речи [Подольская 1988, 145].

• *Питања, задаци и вежбе:*

1. Обликујте насловну страну свог мастер рада по руском стандарду.

2. Објасните у чему се састоје основне функције предговора.

3. Издвојите типове предговора према критеријуму ауторства.

4. Образложите најбитније стилистичке квалитете предговора.

5. Прочитајте предговор једном делу из области филологије.

Шта сте на основу предговора сазнали о теми књиге и о начину на који је обрађена? Да ли сте се заинтересовали да је прочитате? Колико вам се овај предговор чини успешим? Које његове квалитетете бисте посебно издвојили?

6. Прочитајте и увод у исто дело. Која је његова функција? Колико је он успешно препрезентује?

7. Преведите на руски језик предговор уз лексикографско издање. При раду користите предговоре и инструктивне текстове уз руске преводне речнике.

• ОБЈАШЊЕЊА ВЕЗАНА ЗА КОРИШЋЕЊЕ РЕЧНИКА

§ 1. Речи у основним (руско-српском и српско-русском) и додатним деловима речника (регистрима) поређане су по азбучном реду, па је за успешно коришћење речника неопходно познавати руску и српску азбуку.

§ 2. Насловне одреднице штампане су масним словима.

§ 3. Именице су дате у номинативном облику, придеви се наводе у облику за мушки род, глаголи у инфинитиву, с тим што се видски парови наводе паралелно у оквиру истог речничког чланка и визуелно издавају стављањем у угласте заграде. Када се рекција руског глагола разликује од рекције одговарајућег српског глагола, помоћу упитно-односне заменице истакнуте курсивом и смештене у заграду указује се на облик допуне руског и српског глагола, а дају се и одговарајући илустративни примери, нпр: **молиться** (кому, о чем, за кого) молити се (коге, за шта, за кога) **молиться Богу** молити се Богу **молиться о здравии и спасении** молити се за здравље и спасење **молиться о упокоении души** молити се за покој душе **молиться за близких** молити се за најближе. Прилози настали од придева обрађују се као посебне одреднице ако имају велику употребљивост или се не могу лако препознати. Мање фреквентни или лако препознатљиви прилози овога типа не дају се у посебној одредници, па проверу њиховог значења треба тражити у придевској одредници. Предлози су обрађени искључиво у оквирима речничких чланака посвећених променљивим речима, тако да се добије информација о синтаксичкој функцији и значењу целе предлошко-падешке конструкције. У оквиру ових одредница протумачен је велики број синтагми, те се ту могу добити и бројна обавештења о појединачним значењима речи.

§ 4. Одреднице, облици у загради и све руске речи у илустративним примерима су акцентовани.

§ 5. У случајевима постојања двојаке ортографске норме, алтернативни начини писања лексема (дублети) наводе се у самој одредници, нпр: **диаконис(с)а**.

Варијантни облици ономастичке лексике одвајају се запетама: **Бинний, Винний; Иеред, Иаред**.

У регистру скраћеница варијанте се одељују косом цртом или наводе у заградама, уз систем упућивања, нпр: **арх./ архим.** архимандрит; **ПТ** Постная Триодь (и **ПТр**).

§ 6. Семантизација одабраних лексема углавном се ограничава на онај опсег значења који је карактеристичан за теолошко-црквени дискурс. Општеупотребна значења предочавају се у случајевима када се

претпоставља да њихово навођење може бити релевантно за стицање комуникативне и преводилачке компетенције у овој сфери.

§ 7. При тумачењу културолошки маркираних лексема (нееквивалентне лексике, историзама, архаизама, лексике са конотацијом), као и лексема тежих за разумевање или слабије познатих, додатно објашњење даје се у угластој загради курсивом, увек на српском језику, нпр:

беспоповщина – беспоповштина [*старообредничка фракција која не признаје свете тајне, свештенослужитеље, обреде*]

епархијалное собрание – епархијско сабрање [*највиши орган власти у епархији, уз чије садејство архијереј управља њоме (у РПЦ)*]

небо – 1. небо; 2. [покровкојисеносиизнадглавесвештенослужитеља за време литије] покров; 3. в. **кворијум** // **погледати са неба** – призреть с небес; **узнети се на небо** – возностись на небо

§ 8. Фразеологизми, устаљени изрази, афоризми дају се на крају речничког чланка, после семантизације лексеме.

§ 9. Речник садржи знатан број комплексних чланака у којима се дају изрази, устаљене конструкције и аформизми битни у унутарцрквеном комуницирању и често присутни у текстовима из сфере теологије и православне духовности. Такође се у њима, самим одабиром лексикографског материјала, указује и на најрелевантније сличности и разлике између српског и руског језика.

(Преузето из речника: К. Кончаревић, М. Радовановић, Руско-српски и српско-руски теолошки речник = Русско-сербский и сербско-русский богословский словарь. 2., допуњено и проширено издање Београд: Јасен, 2021 [2022]).

РЕЦЕНЗИЈА ФИЛОЛОШКОГ НАУЧНОГ ДЕЛА

Рецензија научног дела је критички осврт на његове структурно-композиционе, садржинске, теоријско-методолошке одлике и конкретан допринос науци. Она се ствара по типском плану (исп. Петрович 1970; Демидова 1991, 55-62; Бахтурина 2002, 71-82; Мильчин, Чельцова 2005, 320-321, Ђиго, Калинин 1998, 132-137), чије су компоненте следеће: а) предмет анализе, б) актуелност теме, в) кратки садржај, г) општа оцена, д) недостаци, превиди и ђ) закључак. Многи елементи рецензије применљиви су и на друге сличне жанрове, између остalog и на усмене еспозе кандидата и дискусије на одбрани дипломских и постдипломских (магистарских, докторских) радова, затим на излагања на промоцијама књига и др.

Језички и говорни стандарди (клишеи) који се примењују у рецензијама

а) предмет анализе:

- именује се врста рада: *дипломный проект, автореферат, статья, кандидатская диссертация, магистерская диссертация, докторская диссертация*, и др.
- даље се о раду говори посредно: «*в работе автора*», «*в рецензируемой работе*», «*в предмете анализа*», и сл.

б) актуелност теме:

- Работа *посвящена актуальной теме* (чего?), *содействует углублению наших знаний* в этой области...
- Автор *посвятил свою работу общей задаче* (чего?) дальнейшего повышения эффективности преподавания русского языка в школе
- *Актуальность темы непосредственно следует из названия работы* и не требует дополнительных доказательств / *не вызывает сомнений / вполне очевидна...*

в) кратки садржај:

- Набрајају се сви структурно-композициони елементи (*введение, главы, разделы, заключение, приложения: иллюстрации, рисунки, схемы, таблицы, источники, архивные материалы, библиография*) и даје њихов кратак садржај, на пример:
- Во Введении *обосновывается актуальность* и формулируется проблема исследования; *определяются* его объект, предмет, цель и задачи; *характеризуются* базовые категории понятийного аппарата и основной методологический принцип исследования; *представляются* информационная база диссертации, ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность; *предлагаются* гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту; *описываются* апробация и структура работы.
- Глава 1 *открывается параграфами* (1.1. и 1.2.), в которых *рассматриваются* принципы контрастивного изучения близкородственных языков. *Далее* (1.3.) *дается характеристика* русско-сербского билингвизма. *В последнем параграфе* первой главы (1.4.) *подробно*

анализируется, в частности, основные труды по методологии сопоставительной лексикологии.

- Во второй главе („Церковнославянский язык в эпоху Никоновской справы“) подробно, на *оригинальном фактическом материале* (древние богослужебные книги, письменные певческие памятники) *рассматриваются основные черты* богослужебных порядков до середины XVII в. В частности, внимание уделяется таким вопросам, как нотация певческих книг, эволюция языка, русское литургическое творчество.
- Глава 4 „Поиск метода в лингводидактике“ *состоит из* двух параграфов. В *содержании параграфа 4.1. находят отражение* положения сознательного метода, выдвинутые в трудах Б. В. Беляева и других авторов. В параграфе 4.2. *раскрываются особенности* прямого метода.
- В Заключении *подведены итоги проделанной работы*. В ходе исследования *подтвердилось предположение*, что обсуждение вопросов теории учебника русского языка как иностранного началось задолго до проведения конференции в Варне. Вместе с тем, *анализ источников показывает*, что внимание уделялось и таким частным вопросам практики создания учебников, как типология текстов, их отбор и адаптация, проблемы конструирования упражнений и заданий и др.

г) општа оцена:

- Посебним формулама ставља се до знања да је приказивање садржаја завршено и да следи валоризација (процена) рада: „*оценивая работу в целом*“, „*охватывая всю работу*“, „*суммируя результаты отдельных глав*“, „*таким образом, рассматриваемая работа...*“ и сл.
- Работа *заслуживает положительной / высокой / отличной оценки*
- Автор *проявил умение разбираться* в новых вопросах, *систематизировал* материал и *обобщил* его...
- Безусловной *заслугой автора является* новый *методологический подход, предложенная классификация* и некоторые *уточнения существующих понятий...*
- Диссертант, безусловно, *углубляет наше представление* об исследуемом явлении, *вскрывает* новые его *черты и делает заметный шаг к* полному разрешению проблемы...

- Работа *заслуживает одобрения*, автор *нашупал новый подход* к древней проблеме, смело *дал новую*, хотя и весьма спорную *трактовку вопроса*...
- Работа, бесспорно, *открывает новую главу, новое направление*, возникшее на стыке трех, казалось бы, далеких наук...
- Развитая в работе теория указывает, что автор *вписал новую страницу* в нашу науку...

д) недостати, превиди:

- *К недочетам работы следует отнести допущенные автором длинноты в изложении* уже опубликованного или тривиального материала и *недостаточную ясность* в изложении нового материала...
- Методически *работа построена нерационально*, следовало бы *поменять* третью и пятую главы *местами*, несколько *сократить* введение и *снабдить работу указателями*...
- *Отсутствие полного обзора и анализ предшествующих работ затрудняет оценку работы* и проведение демаркационной линии между компилятивной частью и оригинальной...
- *Замеченные недостатки*, однако, *не влияют* на конечные результаты работы...
- *Отмеченные недочеты* работы *не снижают ее высокого уровня*, их скорее можно считать пожеланиями к дальнейшей работе автора...

ћ) закључак:

- Работа может быть *оценена положительно*, а ее автор *заслуживает искомой степени*...
- Работа *заслуживает высокой оценки*...
- Работа, *внесшая весомый вклад* в теорию и практику, *удовлетворяет всем требованиям*...

• *Питања, задаци и вежбе:*

1. Саставите реченице са графички издвојеним типичним изразима који се примењују у рецензији.
2. Прочитајте неколико кратких рецензија значајног дела Нине Борисовне Мечковске „Јзык и религия“ и обратите пажњу на карактеристике њиховог језичког израза.

- Взаимовлияние языка и социума является проблемой, неотделимой от самого феномена языка, ведь язык как средство коммуникации используется людьми, а людям свойственно обладать рядом самых разнообразных признаков, начиная от биологических типа пола и возраста и кончая такими конструктами как социальный статус, профессиональная, культурная (да и вообще групповая) принадлежность. Религия из тех измерений, с которыми соотносится каждый социализированный индивид, будь он христианином, буддистом, викканом или атеистом; другим таким измерением является язык. Как именно соотносятся и сосуществуют эти две знаковые системы, какое оказывают друг на друга влияние и как определяют человека, в них погружённого, - все это входит в сферу интересов социолингвистики. Диапазон вопросов здесь может быть обширным, в данном пособии автор преимущественно сосредотачивается на следующих трех: 1. Связь конкретных коммуникативных практик и отдельных черт религиозного (фидеистического) сознания; 2. Роль языка как основного средства кодификации положений религии; 3. Зависимость исторического развития языков, в частности, языков Писания от отношения этих религий к языковым преобразованиям (по сути, степени языкового консерватизма этих религий). Таким образом, из книги можно например узнать: 1. почему люди верят в то, что, произнося определенные слова в определенных обстоятельствах, можно воздействовать не только на других людей, но и на силы природы, божеств, души и вообще на потусторонний план; какова роль речи в совершении магических операций и в мифотворчестве; 2. как язык закрепляет и канонизирует религиозные практики и догмы 3. и как потом становится заложником им же воплощенных идеологем. Автор по понятным причинам главным образом концентрируется на трех религиях Писания: иудаизме, христианстве (в трех обобщённых вариациях) и исламе. Для членов этой монотеистической семьи формальное закрепление в священных текстах, их интерпретация, иерархизация и канонизация - не просто важная отличительная особенность, но черта, прочно и на века связавшая их с теми языками, ресурсами которых они пользуются. В связи с этим автор пользуется случаем дать краткое описание основных лингвистических вех,

которыми были отмечены исторические пути данных религий, объясняет особенности их коммуникативных установок. Если вы всегда хотели знать, но боялись спросить, почему первыми в истории национальных языков всегда переводились катехизисы и Библии, по каким книгам ведется служба в русской православной церкви и почему до сих пор на церковнославянском, как исламу удалось избежать веков кодификации Корана, а иудеям - оживить вышедший из злободневного обихода иврит, то вы обратились по адресу. Очень подробно разбирается православие и его влияние на славянские языки (докторская диссертация Мечковской посвящена восточноевропейским грамматикам VI-VII вв.). Приятным бонусом идут небогатые, но интересные сведения о восточно-азиатских религиях, колдовстве, табуизации, метафоризации и магии имени, истории фольклорных жанров и философии языка. Мне только было маловато материала о не монотеистических религиях. Упомянуто конфуцианство с исправлением имен, платоновский "Кратил", грамматика Панини и другие триггеры, погрузившие меня в сладкую ностальгию по курсу общего языкознания. Поскольку это учебное пособие, сложностей с пониманием не стоит опасаться никому, вне зависимости от наличия этого самого курса за плечами. Книга содержательна, но проста, не обладающим лингвистическим образованием читать ее будет несложно. Думаю, лингвисты-не-русисты почерпнут для себя любопытные сведения по истории религий и влиянии православия на славянскую филологию, а религиоведы обогатятся неплохим набором азов семантики и теории коммуникации.

- Наткнулся на этот курс лекций совершенно случайно и был счастлив такому обретению, поскольку в институте по пятницам проходит факультатив «Язычество. Мифология. Фольклор», в котором мы изучаем традиции, обряды и верования других народов и обычай не только земли русской, но и традиции народностей своей Малой Родины – республики Мордовия. Это выражение логично было бы употребить, в случае если бы я родился в Мордовии, а жил бы где-нибудь в Питере или Москве. Мысль, к которой я веду, заключается в том, что данная книга мне попалась очень своевременно, и прочитала её с превеликим удовольствием и течение семестра буду к ней периодически возвращаться. Далее поделюсь

впечатлениями и мыслями по этому поводу. Книга повествует о том, что самым первым мировоззрением человеческим было именно мифологическое, когда миф не воспринимался как плод фантазии или как сказочное повествование. В мифах Человек находил ответы на все вопросы без ответа, всё объяснялось мифологией, своего рода откровением небес было то, что сказкой ныне является. На самом деле связь религии и языка она тесна и крепки связующие нити между этими двумя областями знания, даже элемент фольклора имеет место быть. Приятно было с помощью этого учебного пособия расширить своё религиозное сознание и получить понятие не только о христианстве, исламе и буддизме, но и о конфуцианстве и зороастризме и знать что произведение Ницше написанное в форме Откровения (Обращение бога народу через пророка) были правдой, есть версия что Заратустра был реальным лицом. Понравился язык изложения материала, его печать в тексте, простенько, но со вкусом оформленена, обложка в стиле всех пособий, которые наверняка можно найти где-нибудь в библиотеке. Будет хорошим подспорьем при изучении истории религии, философии и во введении в общую филологию как связь лингвистики с другими науками. В качестве итога: Книга понравилась, чтение оказалось весьма полезным в некоторых вопросах, узнал для себя кое-что новое о межконфессиональном общении. Думаю, что и для вас книга окажется интересной, достойна ознакомления, опять-таки в качестве повышения образованности. Всем Добра и приятного прочтения!

- Читаю и завидую. Это учебное пособие, необыкновенно ... поэтически написанное для гуманитариев. Чего стоят разделы »Река-древнейший образ речи», «магия, святость и красота слова» или «как начинают колдовать(психологические механизмы фасцинации- очарования, завораживания словом)...<http://psihomed.com/fastsinatsiya/> Поэтическое знание- тоже элемент Завораживания Словом(фасцинации). Завораживает раздел “Создатели письма: боги, герои, святые” или “Лучшее время для колдовства” в главе об “Истории фольклорных жанров и фидеистическом общении”. (ФИДЕИЗМ — [“Магическая функция языка, основанная на вере в сверхъестественные свойства слова”]) Но-не только очарование словом, но и Знание о Силе Слова втолковывается тем, кто перестал верить, что “вначале

было Слово..." Гл. IV подробнейшим образом знакомит нас с "религиозными книгами "мировых религий. И если мы хотим узнать, например, где найти -прости, О, Господи, нас, сирых!- прямую речь Бога-Отца, то это - Откровения из Ветхого Завета, а именно: Завет Божий с Ноем(Бытие,9,1-17),Завет с Авраамом(Быт.15), обращение к Иакову(быт.32,29), Десять заповедей и Законы, данные Моисею на горе Синай. Согласно Новому Завету, Словом Бога, посланным людям, является Сын Божий Иисус Христос ..." в этом есть тайна Слова Божия и тайна Иисуса Христа , раскрываемая евангелистом Иоанном: "имя Ему: Слово Божие"(Откр.19,13)... Узнаем мы, в чем сила Корана..." вес его текст целиком-это прямая речь Аллаха, обращенная к пророку Муххамаду и через пророка к людям... Понятно, что степень сакральности ПРЯМОГО СЛОВА БОГА выше, чем святость..."постороннего "повествования о Боге или святость пересказа слов Бога пророком".... Согласно Корану, иудеи и христиане верят в того же Бога, что и мусульмане, а Бог уже посыпал евреям-Моисея и Тору, христианам-Иисуса и Нагорную проповедь. Но те и другие нарушили Завет. Тогда бог послал им своего лучшего пророка-Мухаммада и через него передал Завет в наиболее завершенном и полном виде. И это был Коран... Но если и Тора, и Евангелия, и Коран-страшно сказать!- Слово Бога, то зачем так нетерпимо относиться друг к другу, ратуя за "первенство" Слова по отношению к отдельным народам и нациям? И здесь совершенно необходима гл.76, говорящая о "Мистическом выходе за пределы слова"- - ... "мрак, который выше ума". И, наверное, успокоят гуманистарии слова Хайдеггера (к старому спору физиков и лириков): -Не люди "говорят языком", а язык "говорит людям и людьми".... (Преузето сајта: <https://www.livelib.ru/review/538944-yazyk-i-religiya-posobie-dlya-studentov-gumanitarnyh-vuzov-n-b-mechkovskaya>)

- 3. Напишите краћу рецензију филолошког дела које сте недавно прочитали и које је на вас оставило снажан утисак.**
- 4. Презентирајте основне карактеристике семинарског рада или реферата на коме сте недавно радили.**
- 5. Изнесите краћу оцену семинарског рада или реферата вашег колеге.**
- 6. Преведите по слободном избору рецензију неке научне књиге из области филологије на српски језик.**

ПРИКАЗ ФИЛОЛОШКОГ НАУЧНОГ ДЕЛА

Приказ научног дела треба да задовољи критеријуме објективности, пуноће обухвата (говори се о свим суштинским компонентама дела), логичности композиције и јасноће језичко-стилског израза (о стандардима за обликовање приказа на руском језику в. Петрович 1970; Демидова 1991, 26-31).

Композиционо, приказ најчешће садржи уводни део, главни део и закључак.

У **уводном делу** обично се наводе основни подаци о аутору – његов научни степен, институција у којој је запослен, област његовог интересовања, позивање на друге радове тога аутора, кратко представљање теме рада, заснивање њеног избора, указивање на шта аутор обраћа главну пажњу, циљ и садржај серије у којој је књига објављена, евентуални приоритет аутора у истраживању одређене проблематике:

- Книга доктора филологических наук, профессора Боронежского университета Иосифа Абрамовича Стернина, посвящена...

Основное направление научной деятельности автора – изучение национального коммуникативного поведения

Автор анализирует большое количество документов, монографий, изданных в России в начале XX века, материалы российской прессы...

Учитывая большоезначение вопроса о национальной ментальности для проведения компетентного анализа коммуникативного поведения носителей языка, автор раскрывает...

Основное внимание в книге уделяется...

Тема разработана на основе анализа...

Книга открывает издание периодических сборников, подготавливаемых Центром коммуникативных исследований БГУ. Основная цель их – представить научной и церковной общественности материалы...

Книга является первым в сербской литературе по коммуникативистике исследованием, в котором...

У **главном делу** наводе се најбитније научне поставке дела са указивањем на нове податке које оно уноси у постојећи фонд научних спознаја. У структурно-сadrжинском погледу могуће га је обликовати на више начина: (а) конспективно, у складу са композицијом књиге по њеним основним целинама (поглављима, а некада и целинама нижег реда, или без експлицитног указивања на њих); (б) аналитички

(независно од композиције књиге), са обухватом најбитнијих проблема; (в) фрагментарно (анализирају се само неки, одабрани аспекти дела – обично код приказивања обимних књига). Примењују се језички и говорни стандардни (клишиен) који су наведени у одељку „Обликовање анотације“.

У **закључку** се наводе генерализације, сумирање резултата истраживања, својевstan резиме („Автор приходит к выводу, что...“). Закључак није обавезан, али је високофреkвентан део структуре и композиције приказа.

Обрасци приказа са најчешћим језичким и говорним стандардима (клишеима)

- Книга посвећена актуальной проблеме (*чего*)

Определяја цели и задачи своега исследования, автор во введении отмечает: „...“

В первой главе характеризуются роль и значение (*чего*)

Здесь подчеркивается, что...

Во второй главе показано развитие (*чего*)

Этот вопрос раскрывается на фоне (*чего*)

В этой связи раскрывается значение (*чего*)

«..., - пишет автор, - ...»

Третья глава посвящена анализу (*чего*)

Подробно освещается роль (*чего в чем*)

«..., - указывается в работе, - ...»

Как указывает автор, ...

Следующая глава касается (*чего*)

В частности отмечается, что...

В пятой главе, далее, показано, как...

Характеристика (*чего*), результаты (*чего*) изложены...

В последней, пятой главе рассматривается (*что*), сопоставляются (*что*)

Здесь также освещаются вопросы, связанные (*с чем*)

«...», - отмечает в конце своей работы автор.

- Книга состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении автор отмечает, что...

Основное внимание уделяется выявлению роли (*чего*)

Первая глава посвящена (*чему*)

Анализируя итоги, автор подчеркивает, что...

Во второй главе исследуется процесс (*чего*)

Важное значение имеет, как считает автор, (*что*)

Автор указывает, что...

Таким образом, пишет автор, ...

Во-первых..., и во-вторых, ...

В конце главы рассматривается (*что*)

Автор отдельно исследует (*что*)

Далее приводятся факты, свидетельствующие (*о чем*)

Приведенные примеры автор характеризует как...

Далее автор раскрывает практические проблемы

Он затрагивает также вопрос (*о чем*)

Автор особо выделяет (*что*)

В заключении рассматриваются пути развития (*чего*)

- Книга, состоящая из восьми глав, подготовлена авторским коллективом в следующем составе: ...

В первой главе речь идет (*о чем*)

Авторы останавливаются (*на чем*)

Подробно разбираются (*что*)

По мнению авторов, ...

(*Под чем*) авторы подразумевают (*что*)

Анализируя (*что*), авторы приходят к выводу, что...

Авторы различают (*что*)

Авторы излагают свою трактовку (*чего*)

Как отмечают авторы, ...

Исходя (*из чего*), они предлагают (*что*)

Учитывая (*что*), в третьей главе авторы рассматривают (*что*)

Авторы акцентируют свое внимание (*на чем*)

В четвертой главе говорится (*о чем*)

Что касается (*чего*), то по этому поводу отмечается: „...“

В частности, подчеркивается: „...“

В заключительной, восьмой главе освещаются вопросы, относящиеся (*к чему*)

Глава завершается характеристикой (*чего*)

- Сборник состоит из 17 статей

В статье „...“ речь идет (*о чем*)

В статье „...“ рассматриваются проблемы (*чего*)

В статье „...“ исследуется вопрос (*о чем*)

В статье „...“ затрагивается проблема (*чего*)

Статья „...“ посвящена рассмотрению (*чего*)

В этой связи критикуются взгляды (*кого на что*)

Автор считает, что...

(*Что*) автор определяет как (*что*)

Подчеркивается исключительно важное значение (*чего*)

„...“ - указывают в связи с этим авторы, - ...“

С учетом вышеизложенного, необходимо, подчеркивают далее авторы, ...

„...“ - отмечается по этому поводу в статье, - ...“

... заключают авторы.

- ***Питања, задаци и вежбе:***

1. Прочитајте неколико приказа филолошке литературе из текуће периодике. Идентификујте карактеристичне језичке и говорне стандарде.

2. Покушајте да укратко изложите основне поставке изнете у текстовима приказа књиге (А), а текст приказа дисертације (Б), зборника (В) и приказа научног скупа (Г) преведите на српски језик, делећи их на фрагменте.

А. Иванов, Сергей Иванович. Блаженные похабы: Культурная история юродства. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 448 с.

Новое, второе издание книги Сергея Аркадьевича Иванова о византийском и древнерусском юродстве весьма сильно переработано и дополнено по сравнению с первым, вышедшим десять лет назад. Неизменным, однако, осталось само отношение автора к теме его исследования, вызвавшее в свое время множество критических отзывов, которые практически не учтены в новом варианте работы. Юродивый для Иванова — это симулянт, мошенник, реальный сумасшедший (с. 374) — кто угодно, только не добровольный подвижник «Христа ради».

Такое отношение, заявленное автором в самом начале книги (с. 20–21), создает сразу же несколько важных проблем (что сам Иванов, впрочем, отлично понимает и в чем старается оправдаться). Во-первых, чисто «внерилигиозный» подход так же субъективен, как и его противоположность, ибо пренебрегает религиозными мотивами действий членов Церкви, сводя их к материалистическим причинам — в результате такой «метод» неправомерно исключает всякие мотивировки поведения, кроме понятных атеисту. Во-вторых, данная концепция на практике приводит к пренебрежению другими подходами к феномену юродства, которые она склонна уподоблять «научному коммунизму» (с. 21). И, наконец, нежелание считаться с представлением Церкви о юродстве, как о добровольном и сознательном подвиге внешнего безумия ради спасения себя и других, обедняет внутренний мир самих юродивых, для которых, по крайней мере, начиная со средневизантийской эпохи, такое учение было важным мотивом.

Мало изменилось и отношение Иванова к своим источникам. Несомненна ценность его книги как максимально полного на нынешний день каталога упоминаний о юродстве — количество их, действительно, огромно. Однако посмотрим, как обходится с ними автор: его задача — как можно больше из них опровергнуть, чтобы, в результате, избежать их анализа. Особенно сильно эта тенденция чувствуется в древнерусской части, где, между тем, проблема исследована учеными обширнее, чем в византийском ареале.

Другой крен автора-максималиста — в сторону анализа материала, прямо юродства не касающегося. Вообще, Иванов на протяжении всей первой половины книги «мечется» между самым термином «юродивый» (*σαλος*) и определением юродства, как такового. Результат плачен в для обоих случаев: оказывается, что слово *σαλος* так и не стало устойчивым обозначением для «классического» ивановского юродивого, а так и

осталось обозначением сумасшедшего (заметим, что именно прибавление «Христа ради» и делает безумца подвижником). В поисках других терминов (μωρός и т.п.) автор в своих поисках доходит вплоть до Нового Завета (что, конечно, логично с точки зрения поиска идеалов юродивого) и довольно безуспешно пытается здесь разобраться, игнорируя при этом обширную литературу по библеистики и патрологии касательно этого вопроса.

Столь же бесплодными оказываются и поиски границ юродства — в результате в первых главах своей книги Иванов вынужден заниматься анализом всех девиантных, периферийных поведенческих моделей, описанных в ранневизантийской литературе: от реальных сумасшедших до «людей Божьих». Поднимая действительно важные и актуальные вопросы: о поведении монаха в миру, о добровольном сокрытии своей святости и др., автор пытается ввернуть их в прокрустово ложе своей теории, найти в них признаки «классического» юродства вместо полноценного осмысления их как отдельных феноменов. В результате в «юродство» исследователь записывает все способы сокрытия своих чувств и намерений, от банального обмана до самоуничижения с целью не показать свою святость. Именно так сюда неожиданно попал св. Симеон Новый Богослов, который оказался неким ментальным юродивым.

В своих поисках «классического» юродивого Иванов попадает в некий (хорошо известный ему самому) провал — разрыв между литературными образцами и реальными примерами византийского юродства. Вообще, чисто литературный характер двух основных текстов о византийском юродстве: житий св. Симеона Эмесского и св. Андрея Царьградского, переводит дискуссию в плоскость литературного творчества Леонтия Неапольского и Псевдо-Епифания, которое имеет мало общего с конструируемыми Ивановым моделями юродского поведения в Византии. По необходимости автор заглядывает в негреческие области Христианского Востока, однако здесь, как и в книге «Византийское миссионерство», ему явно не хватает компетенции.

Настоящего юродивого, по мнению Иванова, отличают две черты: агрессия и провокация. Не возвращаясь к вышеуказанной проблеме литературного характера этих агрессоров и провокаторов, отметим, что именно два этих качества отличают самого автора (начиная уже с вызывающего названия книги): подобно тому как юродивый обличает закосневших в своем самодовольстве христиан, так и Иванов бичует тех, кто пытается свести юродство к некоей сусальной парадигме.

И в этой критике, а не в положительных выводах, и состоит, как ни парадоксально, главная ценность книги Иванова: неоднозначность

подвига юродивого осмыслялась и прежде, однако теперь ей придан новый, гораздо больший масштаб, требующий нового исследования. Подводя итог, можно сказать, что книга, задуманная как обобщающая работа по проблеме юродства, наткнулась на неразработанность частных проблем, начиная с терминологии и кончая психологией. Во многом решению этой проблемы препятствует огульно-материалистический и разоблачительный метод Иванова, однако его пафос все же помогает нам не остаться равнодушными к такому важному и поистине парадоксальному феномену христианства, как юродство Христа ради.

Андрей Виноградов

(Преузето из: К. Кончаревић Руски језик у теологији: обликовање теолошког текста, техника превођења, Београд: Православни богословски факултет – Институт за теолошка истраживања 2011: 82-84)

Б.

Петровић, Срђан Р. Лексика из сфере православне духовности у современом руском и сербском языку: лексико-семантические, лексикографические и лингвокультурологические аспекты. Докторская диссертация. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2022. 590 с.

На кафедре славистики Белградского университета (Республика Сербия) подготовлена к защите докторская диссертация на тему: „Православная лексика в современном русском и сербском языках: лексико-семантический, лексикографический и лингвокультурологический аспекты”.

Автор работы – Срђан Петрович, преподаватель русского языка кафедры славистики Белградского университета, член Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов, ответственный секретарь научного журнала „Славистика”, автор работ по лексикологии, лексикографии, лингвокультурологии, теолингвистике, библиографии, методике преподавания русского языка.

Научный руководитель – Ксения Кончаревич, доктор филологических наук, ординарный профессор кафедры славистики Белградского университета, автор фундаментальных трудов по теолингвистике.

Главная цель исследования заключается в том, чтобы путем сопоставительного анализа русской и сербской православной лексики выявить сходства и различия в составе анализируемых

корпусов на лексико-семантическом, лексикографическом и лингвокультурологическом уровнях. С целью более широкого обзора и более тщательной аргументации наблюдаемых языковых явлений анализируются примеры из других славянских (церковнославянского) и неславянских (греческого – патристического, византийского периода, и новогреческого) языков.

Источником выбора материала послужили лингвистические и богословские словари и энциклопедии, а также работы наиболее известных богословов.

Междисциплинарный характер проводимого исследования и его специфика определили структуру рецензируемой диссертации. Работа состоит из введения, пяти разделов, заключения, библиографии, списков использованных источников, цитируемых документов, сокращений, таблиц и схем, а также приложения и биографии автора.

Во „Введении“ представлены объект, предмет, цели и задачи, понятийный аппарат исследования, уделено внимание его теоретико-методологической базе и актуальности работы, подтверждающих ее научную и практическую ценность.

В главе „Язык в свете религии“ прослеживаются истоки взаимоотношений языка и религии, анализируется эволюция названной проблемы; многочисленные языковые явления рассматриваются в неразрывной связи с религией. Особое внимание уделяется развитию славянской теолингвистики в России и Сербии.

В главе „Православная лексика как объект исследования современной русистики и сербистики“ анализируются многочисленные языковедческие работы, посвященные изучаемым вопросам. С целью представления более полной картины исследований привлекаются труды по стилистике, социолингвистике, диалектологии, теории дискурса, переводоведению, паремиологии, в которых идет речь о религиозной лексике, а также уделяется внимание библиографическим изысканиям в данной области.

В главе „Лексико-семантическое описание православной лексики (на материале современного русского и сербского языков)“ определяется место православной лексики в системе исследуемых языков и описывается ее дифференциация. Особое внимание уделяется богословской терминологии. Последняя часть главы посвящена тематической группе „Наименования монашествующих лиц в русском и сербском языках“.

В главе „Лексикографическое описание русской и сербской православной лексики“ описываются лексические единицы, зафиксированные прежде всего в переводных (русско-сербских и сербско-русских) словарях. Прослеживаются связи лексикографии и религии.

Особое внимание уделяется энциклопедическим и лингвистическим (таковым, терминологическим и лингвокультурологическим) словарям, которые рассматриваются автором как источник информации, знаний о религии.

В теоретической части главы „*Лингвокультурологическое описание русской и сербской православной лексики*“ уделено особое внимание названному подходу к языку, проблемам религии и культурно маркированной лексики, а также исследованию ее лингвокультурологического потенциала. Практическая часть настоящей главы посвящена лингвокультурологическому анализу православной лексики в современном русском и сербском языках. Помимо выявления тождеств, сходств и различий между явлениями и элементами двух лексических подсистем, анализируются и актуальные, с точки зрения лингвистической контактологии, русизмы в сербской и сербизмы в русской лексической подсистемах, обслуживающих сферу православия.

В „*Заключении*“ представлены результаты проделанной работы и ее перспективы.

Заслуживает внимания список использованной литературы (595 наименований).

Следует обратить внимание на документы духовных учреждений, цитируемые в работе: церковные уставы, декреты, указы, положения (39 наименований).

Приложением к работе является словарь русской и сербской православной лексики, составленный на базе переводных словарей 1947-2013 годов издания (более 4000 единиц).

Выводы и конструктивные решения, представленные в диссертации, основаны на тщательном анализе языкового материала и поэтому могут найти применение не только в лексикографии, фразеографии, терминографии, но и в методике преподавания русского языка как иностранного и других филологических дисциплин.

Учитывая тот факт, что на рубеже XX и XXI веков русский и сербский языки, испытывая влияние процессов трансформации общественного сознания, отразили такие важные социокультурные изменения, как ревитализация религии, десекуляризация, религиозное обновление, и способствуют реактуализации православной лексики, следует обратить внимание на ценность настоящего исследования для социолингвистики.

Необходимо также отметить отдельной строкой, что в ряду диссертаций, посвященных теолингвистическим проблемам и защищенных в Сербии (см. работы Ружицы Левушкиной (Баич), Наташи Вулович, Иваны Кнежевич), настоящее исследование является первой диссертацией, подготовленной сербским русистом. В данном контексте

остается только пожелать успешной защиты соискателю ученой степени и его научному руководителю.

*Aleksander Gadomski
Uniwersytet Opolski*

(Преузето из: STUDIA WSCHODNIOŚLOWIAŃSKIE, 2022, 22: 240-242)

B.

А. К. Гадомски, К. Кончаревић (уред.), *Теолингвистика.*

Међународни тематски зборник радова = Теолингвистика.

Международный тематический сборник статей. Београд, Православни богословски факултет – Институт за теолошка истраживања, 2012, 496 стр. ISBN 978-86-7405-120-7

В конце XX – начале XXI века различные проблемы теолингвистики, такие как религиозный язык, подходы к изучению религиозного языка, сакральные жанры, лексикология, фонетика, словообразование, грамматика религиозного языка и др., оказались в центре повышенного внимания и интереса у филологов-лингвистов в славянской науке.

Теолингвистика – это «наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке»²⁶.

Второй выпуск сборника *Теолингвистика. Международный тематический сборник статей* (*Теолингвистика. Међународни тематски зборник радова = Теолингвистика. Международный тематический сборник статей*, Београд, Православни богословски факултет – Институт за теолошка истраживања, 2012) был издан Институтом богословских исследований при Православном богословском факультете Белградского Университета с целью поощрить интерес к проблемам взаимодействия филологии и богословия и расширить существующие научные представления в этой области (первый выпуск был издан как результат сотрудничества украинских и польских теолингвистов, при участии авторов из России и Сербии)²⁷.

В сербской лингвистике данный сборник является первым обширным исследованием из рассматриваемой области, поскольку теолингвистика здесь не изучалась систематически, а лишь фрагментарно.

Главными редакторами сборника являются Александр Казимирович Гадомский (кандидат филологических наук, доцент

²⁶ Гадомский А. К. *О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии* // Культура народов Причерноморья. – № 49. - Т. 1 – 2004, с. 166.

²⁷ А. К. Гадомский, Ч. Лапич. *Хрестоматия теолингвистики*. Симферополь: Универсум, 2008. – С. 352.

кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского и кафедры украинской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина) и Ксения Кончаревич (доктор филологических наук, ординарный профессор Православного богословского факультета Белградского Университета). Сборник включает в себя избранные статьи и исследования теолингвистов из России, Украины, Польши, Болгарии, Греции, Республики Сербской, Черногории и Сербии и делится на три тематических раздела: 1. Сакральный язык, дискурс, социолект, стиль, 2. Сакральный текст и жанр, 3. Проблемы перевода. Нам удастся уделить особое внимание только некоторым работам из каждого раздела.

Открывает сборник работа А. К. Гадомского, посвященная истории и теории вопроса, *Польская Теолингвистика на рубеже XX-XXI столетий* (с. 14-27). В статье описываются основные этапы становления польской теолингвистики и ее основные направления, представлены и проанализированы работы известных польских исследователей в этой области.

Многие теолингвистические термины и понятия до сих пор остаются спорными, поэтому являются актуальными для исследований. Одной из таких проблем является выделение религиозного стиля как функциональной разновидности языка. Так, в первом разделе помещена статья польской исследовательницы Марии Войтак, посвященная проблеме религиозного стиля (*Maria Wojtak Styl religijny we współczesnej polszczyźnie – uwagi filologa*, с. 181-191). Автор рассматривает язык, связанный с религиозной сферой коммуникации, как стилистический вариант современного польского языка. Она обращает внимание на его зависимость от других функциональных стилей, которые в совокупности образуют единую систему.

В первом разделе, также, поднимаются темы, посвященные вопросам грамматики религиозного языка. Так, И. В. Бугаева в статье *Грамматические особенности современной речи православных верующих на русском языке* (с. 92-101) описывает архаические грамматические черты имен существительных, имен прилагательных, местоимений, глаголов и глагольных форм, характеризующие речь современных православных верующих и объясняет активизацию церковнославянских грамматических категорий и форм.

Вообще, церковнославянский язык как язык, употреблявшийся славянскими церквями и до сих пор являющийся языком православной церкви восточнославянских народов, занимает важное место в исследованиях теолингвистов. Г. А. Николаев предлагает рассматривать церковнославянский язык древнерусского извода как объект теолинг-

вистики (*Церковнославянский язык: функционирование и развитие*, с. 28-37), Б. Е. Хлебников и В. И. Супрун рассматривают церковнославянские грамматические формы, с помощью которых выражаются важные богословские идеи, на примере глагольных и причастных форм синоптических Евангелий (*Богословские аспекты церковнославянской грамматики*, с. 38-48), Арлета Шульц рассуждает о релевантных примерах морфофонемной модификации в ранних версиях церковнославянских переводов Псалтири (Arleta Szulc *Uwagi o modyfikacji morfonetycznej we wczesnych cerkiewnosłowiańskich tłumaczeniach Księgi Psalmów*, с. 66-77).

Также в разделе уделяется внимание словообразованию (в статье *О сакралној семантици српскословенских сложеница високог стила* (с. 49-65) Зорица Никитович анализирует сложные слова, являющиеся продуктивной словообразовательной категорией в сербско-славянских литературных произведениях сакрального характера), фонетике (О. А. Прохватилова в статье *Интонационно-звуковая организация современной духовной речи* (с. 78-90) рассматривает просодический строй православной молитвы и проповеди как важнейших жанровых разновидностей современной духовной речи), лексикологии (Елена Йованович-Симић исследует лексемы «Бог», «дьявол», «ангел», «евангелие» в сербских народных пословицах как ключевые религиозные понятия (*О лексемама 'Бог', 'ђаво', 'анђео' и 'јеванђеље' у српским народним пословицама*, с. 175-181) и многим другим вопросам религиозного языка.

Во втором разделе помещены работы, посвященные некоторым особенностям конкретных религиозных жанров и другим аспектам сакрального текста и жанра. Жанру проповеди, одному из наиболее важных религиозных жанров, посвящена работа Т. И. Ицкович, в которой рассматривается экспликация категории темы в жанре православной проповеди и описываются ее типичные способы (*Категория темы в православной проповеди*, с. 286-301). Жанр проповеди также рассматривает Н. Н. Ничик в статье *Система доминант в языке проповедей архимандрита Иоанна (Крестьянкина)* (с. 314-317), где утверждает, что ведущими компонентами семантики и структуры проповеди являются ключевые слова, которые становятся доминантами текста, и благодаря им создается образная и структурная завершенность, композиционная завершенность и семантико-стилистическое единство текста.

М. Н. Голик занимается лексической системой и стилистическими особенностями акафиста как жанра церковной гимнографии (*Лексические особенности современного акафиста*, с. 279-285), Аннетта Люто-Камиńska рассматривает жанр польских рождественских колядок как литературное и музыкальное произведение, излагает их историю и развитие от появления до настоящего времени.

Третий раздел открывает статья Н. Г. Николаевой, посвященная историческому развитию религиозного текста на фоне истории перевода на примере главы одного из выдающихся святоотеческих творений, «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина (*Диахрония религиозного текста на фоне истории перевода*, с. 365-376). Исследование касается вопросов техники и искусства перевода и представляет собой подробный анализ лексико-семантических особенностей избранного фрагмента текста в сопоставлении с оригиналом и другими переводами.

З. Ранкович и М. Вешович в статье *Семантика лексеме τύπος у посланицима светог апостола Павла: однос грчког извора према латинском и словенским преводима* (с. 377-381) анализируют значение лексемы *τύπος* в посланиях апостола Павла и излагают варианты ее перевода на латинский, сербский и сербско-славянский язык и показывают богатство данной лексемы.

Также в третьем разделе помещена статья, занимающаяся лексикографией религиозного языка, а конкретно лексикографической обработкой сакральной лексики в двуязычных (русско-сербских и сербско-русских) словарях (Милан Радовановић / Ксенија Кончаревић *Сакрална лексика као предмет лексикографске обраде у преводним речницима: лингвокултуролошки аспекти*, с. 229-441). Авторы показывают, что характер комментариев и степень адаптации словарных единиц находится в непосредственной зависимости от типов трудностей, связанных с восприятием лексики с культурным компонентом из сакральной сферы.

Одна из статей третьего раздела представляет краткую историю переводов Корана на украинский язык, рассказывает о трудностях, связанных с созданием точного перевода, передающим полноту смыслов, для создания которого недостаточно быть лингвистом и переводчиком, но необходимо быть и специалистом в целом ряде шариатских наук (Наталія Данилюк *Переклади Корану українською мовою*, с. 475-481).

Заключает сборник Послесловие одного из редакторов, К. Кончаревич, на тему: *Сербская теолингвистика сегодня*, где представлен обзор актуального состояния сербской теолингвистики в славянском контексте и разрабатываются пути развития данной дисциплины в сербской среде.

Данный сборник, хотя и является плодом трудов множества авторов и охватывает теоретические, исторические, лингвистические и прикладные аспекты исследуемой области, представляет собой не только многостороннее, но и целостное исследование, поскольку соединяет различные направления и подходы изучения теолингвистики, позволяя при этом углубиться в интересующий вопрос. Сборник *Теолингвистика*,

безусловно, вносит значительный вклад в изучение и развитие данной дисциплины.

E. B. Недич

(Южнославенски филолог, LXIX (2013): 459–463)

Г.

Международная научная конференция «Язык и религия»
(Екатеринбург, 15 – 17 сентября 2021 г.)

В Екатеринбурге с 15 по 17 сентября 2021 г. в организации Комиссии религиозного языка Международного комитета славистов (при поддержке ЮНЕСКО), Министерства образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральского гуманитарного института – Департамента «Филологический факультет» и Кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации была проведена международная научная конференция «Язык и религия». Идея организаторов первой международной встречи теолингвистов и специалистов разных профилей, занимающихся проблематикой взаимодействия языкового и религиозного феномена, состояла в том, чтобы доклады и сообщения отразили актуальную проблематику теолингвистики (филологической теологии) – активно развивающегося направления современного гуманитарного знания.

Основные направления этой молодой дисциплины, ее цели и задачи, объект исследования во многом определены тем, что она является разделом языкоznания, тесно связанным с такими науками, как теология (богословие), религиоведение и др. Проблемное поле теолингвистики охватывает большой круг вопросов, которые можно свести к нескольким группам: (а) проблемы религиозного языка, куда входят вопросы возможностей и способов вербализации мистического опыта; рассмотрение языка религии в целом и языков конкретных религий (сакральные, проретические, святоотеческие, богослужебные и т.п.), вопросы их фонетической и грамматической кодификации; принципиальные вопросы возможности перевода сакральных текстов на другие сакральные или профаные (светские) языки; (б) проблемы сакральных текстов, к которым относятся вопросы кодификации корпусов сакральных текстов (создание канона) вопрос соотношения Писания и Предания, защита их от дальнейших

искажений во время распространения и тиражирования, проблемы формирования, развития и функционирования нарративной традиции конкретных религий, жанровая система и функции религиозных текстов; (в) лингвистические коллизии религиозных практик, куда входят такие вопросы, как изучение герменевтических, экзегетических и гомилетических традиций конкретных религий, семиотика обрядов, ритуалов и культовой сферы как текстов определенной духовной культуры; (г) проблемы религиозной коммуникации, ее уровни (вертикальная и горизонтальная) и формы; религиозные масс-медиа и СМИ; проблемы религиозного дискурса, т.е. вопросы взаимодействия религиозного языка и секулярной среды; (д) вопросы функционирования языка религии в конкретных этноконфессиональных и социально-исторических контекстах; взаимодействие религиозных и национальных языков и литератур; взаимовлияния религиозных и фольклорных традиций и т.п. Одним словом, предметом исследования теолингвистики является, прежде всего, религиозный язык. Объектом могут служить и религиозный язык, и этапы развития языкоznания, его истории, обусловленные конфессиональными причинами. Также теории происхождения языка (и прежде всего теория теогенеза языка) и другие вопросы – одним словом, все явления, связанные с Богом, которые закрепились и отразились в языке. Целью теолингвистики является изучение всего того, что связано с Богом, а отразилось в языке и зафиксировалось языком, а также применение этих результатов на практике.

В рамках Международного комитета славистов с 2013 года активно работает Комиссия религиозного языка, возглавляемая профессором, д-р фил. наук ксендзом Виславом Пшичиной (Польша). До недавнего времени теолингвисты из славянских стран объединялись совместным участием в коллективных монографиях и тематических сборниках, из которых два были выпущены в Сербии (*Теолингвистика: међународни тематски зборник радова = Теолингвистика: международный тематический сборник статей*, уред. А. К. Гадомски, К. Кончаревић, Београд: Православни богословски факултет : Институт за теолошка истраживања, 2012 и *Теолингвистичка проучавања словенских језика = Theolinguistic Studies of Slavic Languages*, уред. Ј. Грковић-Мејџор и К. Кончаревић, Београд: САНУ – Одељење језика и књижевности, 2013). Члены Комиссии решили воплотить в жизнь давнюю идею о живом обмене мнениями и опытом в сфере теолингвистики, а предприимчивые коллеги из Уральского государственного университета во главе с доктором фил. наук, профессором Т. В. Ицкович создали условия для проведения в онлайн формате первой международной встречи исследователей-теолингвистов.

Авторами докладов и сообщений, представленных на конференции и нашедших отражение в сборнике тезисов, являются как известные

ученые, так и начинающие исследователи из разных научных центров России, Армении, Белоруссии, Казахстана, Польши, Сербии, Словакии, Чехии.

Доклады ведущих ученых, представленные на пленарных заседаниях 15 и 17 сентября, были сосредоточены на крупных теоретических и методологических проблемах взаимодействия языка и религии. В них развивается теория теолингвистики и теостилистики, систематизируются идеи и методы теологической филологии, излагаются концепции системной теологической интерпретации языка, рассматриваются теолингвистические аспекты современной лексики и лексикографии, освещается проблема поликонфессионального диалога в межэтническом обществе (Н. Б. Мечковская, М. Махуховска, О. А. Прохватилова, Г. А. Скляревская, И. В. Бугаева, М. Войтак А. Гадомский, К. Кончаревич, Р. Левушкина, Н. И. Клушина, Л. С. Соболева, Н. А. Купина, Н. В. Пащерук, Й. Бартонь, Ж. Н. Жунусова).

Тематически доклады были сгруппированы в 7 секционных заседаний.

В первой секции на обсуждение были выдвинуты теоретические и методологические проблемы теолингвистики как междисциплинарной области гуманитарного знания. Исследователями формулировались задачи теолингвистических исследований, связанные с выявлением метаязыковых свойств языка религии: символизма и универсальности; описывались общие подходы к анализу христианских текстов; рассматривался вопрос базовых терминов теолингвистики. Специальный предмет анализа образовала проблема взаимодействия сакрального и народного языков, рассматриваемая в разных конфессиях (А. В. Шуталева, М. О. Новак, Е. А. Макшанцева, А. Н. Смолина, И. Собчикова).

Во второй секции были зачитаны доклады, в которых исследовались языковые особенности религиозной сферы. В поле зрения ученых попадали как диахронические аспекты изучения прототекстов, так и синхронические исследования, касающиеся современного состояния религиозной сферы общения. Авторы изучали языковые и стилистические особенности конкретных богослужебных текстов, поднимали вопросы использования религиозной терминологии в разных сферах и конфессиях. Отдельной областью исследования явилось коммуникативное поведение верующих в разных этнических группах. Анализировалось также неоязычество в философском и лингвистическом аспектах, в частности, рассматривалась неоязыческая антропонимика (В. Йованович, Х. Г. Николаева, М. Рыбка, М. Вжешневская-Петжак, А. В. Ермошин, И. Залей, М. Глеваняк, Л. А. Долгополова, Е. В. Федюкина, И. В.

Шалина, К. Микавица, Н. А. Дьячкова, С. О. Горяев, О. Ю. Ольшванг, А. В. Осинцев, О. В. Кузнецова, М. М. Ицкович).

В третьей секции были представлены исследования репродукции религиозной реальности как в русской, так и в зарубежной поэзии и прозе. Художественное творчество предстает как акт мистического познания реальности, находящий отражение в текстах (В. Е. Андреева, В. И. Бортников, М. В. Дудорова, М. В. Слаутина, С. А. Красноперова, О. И. Северская, О. М. Фархитдинова).

В четвертой секции рассматривались проблемы отражения религиозной реальности в медиадискурсе и массовой культуре. Медиатексты отражают процессы обретения идентичности; показано, как происходит освоение сакральной реальности светскими и религиозными СМИ, отмечено, что особую роль в этом процессе играют метафоры. Исследователи уделили внимание актуальным проблемам и их освещению в СМИ, а также языковой личности священнослужителя в религиозном медийном дискурсе (О. И. Асташова, С. Ф. Барышева, К. Загорска, Е. И. Гришаева, А. Г. Бусыгин, Л. Т. Касперов, В. Д. Коваленко, А. М. Плотникова, Т. Рончакова, Н. В. Смирнова, А. Петrikova).

Пятая секция была посвящена анализу различных жанров, функционирующих в религиозной сфере. Представлена попытка охарактеризовать религиозный дискурс в жанрово-стилистическом аспекте. Проанализированы как ядерные для религиозного стиля жанры молитвы, акафиста, жития, так и периферийные – песни, апостольское обращение, миссионерские письма, мистические и медитативные тексты, стихотворные переложения прототекстов (Т. В. Ицкович, Е. Ю. Балашова, М. Видель, А. Залазиньска, А. И. Келер, Б. Марић, Е. И. Плисов, И. Рутковска, Н. А. Рядовых, М. Новак-Барциньска).

В шестой секции были представлены исследования базовых христианских ценностей на материале языкового существования в контексте реального времени, а также в историческом аспекте. «Слава» (сербский праздник святого семейного покровителя, передаваемый от поколения к поколению), семья, духовность, богатство, жертва – вот только некоторые аксиологемы с религиозным компонентом, анализ которых был представлен докладчиками. Отдельно рассматривались прототексты как носители религиозных интенций и нормативно-оценочных конструктов (С. Н. Воробьева, Н. Волович, Г. Гадомская, Д. Керкез, Д. Пазио-Влазловска, А. И. Попович, Н. М. Орлова, В. Ю. Васечко, Е. В. Иванова, А. А. Керимов).

В седьмой секции были зачитаны доклады и сообщения ученых, занимающихся проблемами лексики и лексикографии. Отмечено, что

изучение лексики религий обозначается как новый объект современной русской лексикологии и лексикографии. В представленных работах характеризуется лексика как традиционных конфессий, так и сект; сопоставляется восприятие религиозно ориентированных лексем в религиозной и светской среде; анализируются словари, данные психолингвистических экспериментов, феномены массовой культуры (Е. И. Геккина, И. А. Крылова, О. А. Михайлова, Е. Недич, С. Петрович, А. Г. Саркисян, А. Мрук, А. Э. Цумарев, Л. Л. Пшестакова, И. Козел).

В целом конференция и сборник тезисов докладов хорошо представляет круг исследователей феномена взаимодействия языка и религии и состав научных проблем, связанных с теолингвистической интерпретацией верbalного материала. «Не может быть развития науки без научных обменов, – заметила на закрытии конференции председатель Оргкомитета Т. В. Ицкович. – Собираясь вместе, сообщая о результатах своих исследований, обсуждая актуальные научные проблемы, мы не только расширяем наше знание о взаимодействии языка и религии, но и создаем условия для его углубления и уточнения». Хочется надеяться, что международные встречи теолингвистов, начатые в Екатеринбурге, скоро станут традиционными, благодаря усилиям Комиссии религиозного языка Международного комитета славистов, а также других заинтересованных научных учреждений и организаций.

К. Кончаревич
(Славистика, 25/2 (2021): 368-371)

3. Саставите реченице са усташтим изразима: книга посвящена актуальной проблеме (чего); в статье „...“ затрагивается проблема (чего); в первой главе подчеркивается (что); здесь также освещаются вопросы, связанные (с чем); важное значение имеет, как считает автор, (что); следующая глава касается (чего); учитывая (что), в третьей главе авторы рассматривают (что).

4. Преведите изразе и идентификујте рекцијске и друге разлике између руског и српског језика: этот вопрос раскрывается на фоне (чего); в этой связи раскрывается значение (чего); книга состоит из введения, четырех глав и заключения; исходя (из чего), авторы предлагают (что); авторы акцентируют свое внимание (на чем).

5. Прочитајте приказ књиге из оне области филологије која вас највише занима, објављен у неком руском научном часопису, и испишите карактеристичне усташтиме изразе који су у њему употребљени, а затим на основу њега саставите анотацију књиге.

6. Преведите по слободном избору приказ неке научне књиге из области филологије на српски језик.

7. Напишите краћи приказ неке књиге или зборника објављеног на српском језику који је на вас оставио снажан утисак. Покушајте да приказом у што је могуће већој мери заинтересујете за ту књигу своје колеге из Русије.

8. Пренесите средствима руског језика (приближним превођењем уз допустива сажимања) поруке следећег приказа изворно написаног на српском језику:

А. К. Гадомский, Ч. Лапич, Хрестоматия теолингвистики.

Симферополь: Универсум, 2008, 352 стр. – ISBN 978-966-8048-41-8

У савременој лингвистици конституисало се неколико приступа теоријском заснивању и дескрипцији феномена религијске комуникације. Тако, у научну употребу увек су ушли термини религијски језик, култни језик, језик сакрума, молитвени језик, језик Цркве, религијски дискурс, религијски стил, религијско-проповеднички стил, религијска употреба језика, религијска комуникација и др. Већ и само побрањање ових разнородних термина сведочи о комплексности и вишедимензионалности методолошких приступа проучавању интеракције језика и духовности. На овом подручју конституисало се и неколико истраживачких парадигми - функционалностилистичка, комуниколошка, дискурсна и социолингвистичка. Прва од наведених парадигми полази од идентификовања посебног „религијског стила“ (у другој терминологији: религијско-проповедничког, црквено-религијског, богослужбеног, литургијског стила), или, како ми предлажемо, сакралног функционалностилског комплекса). Њој је блиска комуниколошка парадигма, чији објекат интересовања представљају специфични жанрови сакралне или унутарцрквене комуникације, попут проповеди, молитве, посланице, докумената црквеног законодавства, жанрова епистоларне комуникације, етикеџских жанрова (поздрави при сусрету и на растанку, честитање, изражавање захвалности, извиђења и др.). Испитивање религијског дискурса полази од схватања комуникације међу члановима верске заједнице као институционалног дискурса условљеног социјалним функцијама учесника општења и нормираног како у садржинском, тако и у формалном погледу и примењиваног у духовној комуникацији, базираној на јасно конфесионално одређеним вредностима и нормама невербалног и вербалног понашања. Најзад, социолингвистичка парадигма усмерена је на истраживање говора припадника одређене верске заједнице у разним ситуацијама, на идентификовање особености

њиховог социолекта, односно религиолекта. Ипак, најцеловитије се феномен интеракције лингвистичког и сакралног сагледава у дисциплини екстерне лингвистике која се налази у фази конституисања и разраде - теолингвистици (у досадашњем развоју научне мисли у овој области коришћени су, премда слабије, и алтернативни називи: теолошка лингвистика, сакралингвистика, религиолингвистика, теологија језика).

Сам термин *теолингвистика* и његово појмовно одређење први је у науци о језику понудио белгијски лингвиста Ј. П. ван Нопен (1976, са ревизијом 1981). По његовом схватању, теолингвистика настоји да разјасни „на који се начин људска реч може употребити у односу према Богу, на који начин језик функционише у религијским ситуацијама, у ситуацијама које не одговарају чврстим стандардима непосредне једнострane комуникације и које, без обзира на то, с друге стране, показују подударности са логиком његове дескрипције у појединим његовим манифестацијама, као што су метафора или говорни чин“²⁸.

За интернационалну промоцију термина *теолингвистика* несумњиво највеће заслуге припадају Дејвиду Кристалу, који га је 1987. унео у чувену «*The Cambridge Encyclopedia of Language*», наводећи као сфере њеног проучавања «језик библеиста, теолога и других стручњака који се баве теоријом религије, као и језик активних верника»²⁹. Средином 90-их година до снажног интересовања за ову проблематику долази у Немачкој. Програмски чланак на ову тему објавиће Андреас Вагнер, који, пошто је сагледао значај интеракције теологије и лингвистике и посебно нагласио значај вербалне компоненте у делатности свештенослужитеља, образлаже и низ конкретних истраживачких пројеката, као што су лингвистичка анализа језика богослужења, анализа језика катихезе, али и анализа исказа лаика везаних за теме које се тичу вере и духовности (нпр. смрт вољене особе)³⁰. О томе да је на немачком подручју теолингвистика тих година постигла ширу афирмацију у лингвистичким круговима сведочи између осталог и чињеница да је у једном репрезентативном прегледу опште лингвистике из 1997. она уврштена у каталог лингвистичких дисциплина³¹, те да је у истом извору као објекат лингвистичких испитивања издвојена и комуникација у Цркви³².

²⁸ Цитат преузет из: Van Noppen, J.-P. Methodist Discourse and Industrial Work Ethic. A Critical Theolinguistic Approach. – In: Belgisch tijdschrift voor filologie en geschiedenis, 1995, 73, Afl. 3: „Modernē taalen letterkunde“. - P. 693.

²⁹ Crystall, D. Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache. - Frankfurt a.M. - New York: Campus, 1987. - S. 412.

³⁰ Wagner, A. „Theolinguistik? – Theolinguistik!“ - In: Spilman, H.O., Warnke, I. (red.), Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik. Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997 (= Lingustik International 1). - Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1998. - S. 507.

³¹ Herbermann, C.-P., Groschel, B., Wassner, U. H. Sprache & Sprechen. Fachsystematik der Allgemeinen Sprachwissenschaft und Sprachensystematik. Mit ausführlichen Terminologie- und Namensregistern. - Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. - S. 53.

³² Ibid., S. 48.

У словенском свету најживље интересовање за проблеме теолингвистике појавило се у Польској, задобивши и своје институционално окриље у Комисији за језик вере, формираној 1999. при Президијуму Польске академије наука, као орган Савета за польски језик. Са поменутом комисијом, чија је делатност нашла одраза и у одговарајућим нормативним документима, у најтешњој је вези Секција сарадника Комисије за језик вере, основана 2002. На сваке две године Комисија организује интердисциплинарне научне скупове посвећене различитим аспектима проучавања језика вере и Цркве³³. У Русији је теолингвистичка проблематика први пут доспела у жижу интересовања научне јавности појавом монографије Н. Б. Мечковске «Язык и религия»³⁴. Ипак, у овој земљи истраживање проблема језика Цркве и духовности уопште, поред изучавања традиционалног сакралног језика – црквенословенског, за сада се креће углавном у оквирима функционалне стилистике, а препуштено је углавном иницијативи заинтересованих појединача, без шире институционалне подршке. У Украјини, свакако под утицајем кретања у польском језикословљу, постоји живо интересовање за проблеме теолингвистике, које поседује и институционалне оквире свога развоја, пре свега заслугом Александра Казимировича Гадомског, аутора већег броја публикација из ове области, који је почев од 2004. увео предмет „Основи теолингвистике“ у студијске програме Филолошког факултета Тавричког националног универзитета (Симферополь), а у оквиру исте институције одржано је и више научних скупова на ову тему. *Хрестоматија теолингвистике*, нови подухват А. К. Гадомског и польског лингвисте Чеслава Лапича, представља још један значајан корак у афирмацији ове научне дисциплине и истовремено подстrek за њен даљи развој, пре свега у словенским срединама.

Књига, у коју су ушли одабрани чланци и расправе теолингвиста из Русије, Украјине, Польске, Мађарске и Србије, структурисана је у три тематске целине: *Религијски језик, дискурс, социолект, стил* (стр. 61-168), *Религијски текст, жанр* (169-246) и *Проблеми превођења* (247-349), којима претходи обиман предговор састављача (на руском и польском језику) *Теолингвистика: историјат, савремено стање, перспективе* (стр. 5-58). Овај предговор пружа широк увид у историјски развој теолингвистичких истраживања, примењене методолошке парадигме, подручја испитивања, најзначајније досадашње резултате и могуће правце даље научне разраде теолингвистичке проблематике.

³³ Гадомский, А. К. Теолингвистика: история вопроса. - In: Ученые записки ТНУ. Филология. – Симферополь, 2005. - № 1. - С. 16-26.

³⁴ Мечковская, Н.Б. Язык и религия. Пособие для студентов гуманитарных вузов. - Москва: Агентство «ФАИР», 1998.

Прво поглавље садржи радове седам аутора. И. В. Бугајова (Москва) разматра фонетске одлике православног социолекта у руском језику (пре свега на нивоу акцентуације и специфичне изговорне норме формиране под утицајем црквенословенског језика). Ружица Бајић (Београд) говори о начинима и резултатима утицаја Цркве на неке појаве у језику и у вези са језиком, као и о обратној страни те интеракције (појавама и дешавањима унутар Цркве изазваним језиком и лингвистичким феноменима). Ксенија Кончаревић (Београд) на материјалу језика *Pax Slavia Orthodoxa* разматра специфичне одлике метаструктуре литургијског дискурса у домену прозодијског обликовања сакралног текста. Н. Н. Ничик (Симферопољ) бави се улогом старословенског језика у историји руског књижевног језика, док се О. Прохватилова (Волгоград) подухватила анализе лингвистичких параметара који карактеришу руски језик у сferи верске комуникације (фонетских, граматичких и посебно лексичких средстава). У раду К. Длугош-Курбачове (Варшава) се са лингвокултуролошких позиција посматра процес апелативизације библијских властитих имена. Наглашеном лингвокултуролошком усмереношћу одликује се и расправа С. Козјаре (Краков) о фразеологији библијског порекла у пољском књижевном језику у поређењу са руским и чешким.

У другом поглављу такође је представљено седам аутора. Л. Ф. Компанцева (Луганск) анализира когнитивне и концептуално-прагматичке параметре зближавања интернета и религије у три аспекта: религија и интернет, религија на интернету и интернет као религија. С. И. Кузмин (Казањ) заснива методолошке основе примене концептуалне анализе у обради сакралних текстова у теолошком образовном профилу. Из когнитивне лингвистике је и прилог О. И. Митрофанове о сакралном садржају концепата „правде“ и „истине“ у делу истакнутог руског песника П. А. Вјаземског. Теоријско-методолошке основе лингвистичке херменеутике као науке о превођењу и интерпретацији сакралних текстова и питања њене интеракције са теолошком херменеутиком, посебно у патристичкој мисли, разрадиће О. В. Чевела (Казањ). К. М. Дуфала (Будимпешта) анализира судбинутекста једне древне хришћанске легенде о светом Григорију у другим, нехришћанским културама (у муслиманском ареалу), базирајући се на традуктолошким испитивањима. И. Радзишевска (Гдањск) анализира хамаиле – молитвенике литавско-пољских Татара из XVI века. Најзад, у овај одељак укључен је и текст Д. Здунекевич-Јединак о пољским ходочасничким песмама, анализираним са прагматичког, когнитивног и стилистичког становишта.

Из проблематике лингвистике и поетике превођења у *Хрестоматији* је заступљено пет прилога. А. К. Гадомски (Симферопољ) расправља о терминолошким проблемима теолингвистике и нуди концепт

двојезичног (руско-пољског) речника који би препрезентовао све области овог широког интердисциплинарног подручја. Ч. Лапич (Торуњ) свој рад је посветио питањима теорије и технике превођења сакралних текстова – Библије, Курана и писаних споменика муслимана из Велике кнежевине Литве. И. Винарска-Горска (Варшава) анализира језичку, стилистичку и културну улогу протестантских превода Новога Завета на пољски језик из XVI века, подробно се задржавајући на примењеним преводилачким поступцима, веома модерним и иновативним за оно доба. Из области лексикологије, лексикографије и традуктологије налазимо рад И. Кончака (Лођ) о формирању терминологије везане за ислам у руском језику, у чијој су основи анализе превода Курана на руски језик из последња три столећа. И. Куљвицка-Каминска (Торуњ) на богатом емпиријском материјалу представила је могућности превођења терминологије из области хришћанске и муслиманске теологије и духовности.

У целини посматрано, *Хрестоматија теолингвистике* Александра Казимировича Гадомског и Чеслава Лапича по својој концепцији, композицији и селекцији текстова пружа ваљан увид у стање и перспективе теолингвистичких истраживања у средњој и источној Европи, презентујући широк спектар методолошких приступа и предочавајући лингвистичкој и теолошкој јавности најбитније правце развоја ове дисциплине у њеном фундаменталном и апликативном аспекту. Тиме она несумњиво шири хоризонте постојећих научних спознаја, доприносећи даљем повезивању теологије и науке о језику.

К. Кончаревић
(Стил, 9 (2010): 455-459)

ДЕО ТРЕЋИ

МАТЕРИЈАЛИ ЗА САМОСТАЛНИ И ПРОЈЕКАТСКИ РАД

ПРИМЕРИ ОБЛИКОВАЊА ДИСЕРТАЦИЈА НА РУСКОМ ЈЕЗИКУ

Обликовање насловне стране

Московский педагогический государственный университет

На правах рукописи

Иванова Татьяна Александровна

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ НОВОПРОСЛАВЛЕННЫХ СВЯТЫХ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Специальность 10.02.01 — Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
профессор Л. В. Николенко

Москва — 2004

•

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

Лексические средства создания положительного имиджа политика
в русских и сербских печатных СМИ

Магистерская диссертация
Направление 45.04.01 – Филология
Текст и коммуникация

Допущено к защите в ГЭК ___.20__

Зав. кафедрой _____ профессор, д.ф.н., Чарыкова О.Н.

Обучающийся _____ Лапыгина М.В.

Руководитель _____ профессор, д.ф.н., Чарыкова О.Н.

Воронеж 2017

•
Белградскиј университет
Филологичкиј факултет
Кафедра славистики

Магистерскаја работа по предмету «Русская лингвокультурология»
Тема:

«Ономастическое пространство повести А. И. Куприна ‘Яма’»

Студент:
Валерия Орлова

Научнији руководитељ:
Проф. д-р Ксения Кончаревич
2017/11326

Обликовање садржая (у техничком смислу)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА I ЯЗЫК ЖИЗНЕОПИСАНИЙ НОВОПРОСЛАВЛЕННЫХ СВЯТЫХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	13
§ 1. О языке церковной литературы.....	13
1.1.Православие и филология: некоторые направления.....	13
1. 2. О религиозно-проповедническом стиле.....	14
1.3.Православный социолект и подъязык православия.....	17
1. 4. Церковный стиль.....	26
§ 2. Жизнеописания новопрославленных святых РПЦ.....	28
2. 1. Состав источников.....	28
2. 2. Структура и язык жизнеописаний.....	30
2. 3. Особенности жизнеописаний на разных языковых уровнях.....	32
2. 3. 1. Фонетика.....	32
2. 3. 2. Графика и орфография.....	33
2. 3. 3. Морфемика и словообразование.....	34
2. 3. 4. Морфология.....	36
2. 3. 5. Лексика.....	36
2.3.6. Вкрапления из церковнославянского языка.....	39

2. 4. Отражение церковной лексики в словаряххрусскоязыка.....	40
2. 4. 1. Словари советского периода.....	41
2. 4. 2. Словари последних лет.....	42
Выводы.....	45
ГЛАВА II НАИМЕНОВАНИЯ СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛЕЙ, МОНАШЕСТВУЮЩИХ И МИРЯН.....	47
§ 1. Нарицательные наименования.....	48
1. 1. Наименования священнослужителей.....	48
1. 1. 1. Наименования, зависящие от степени священной и правительственноиерархии.....	49
1. 1. 2. Наименования священнослужителей, прославленных в лице святых.....	53
1. 1. 3. Наименования, зависящие от должности.....	54
1. 2. Наименования монашествующих.....	57
1. 2. 1. Наименования, зависящие от степени монашества и некоторые общие наименования.....	57
1. 2. 2. Наименования монашествующих, прославленных в лице святых.....	60
1. 2. 3. Наименования, связанные свидом послушания.....	60
1. 3. Наименования не имеющих сана священства и монашества.....	62
1. 3. 1. Общие наименования.....	62
1. 3. 2. Наименования церковнослужителей.....	63
1. 3. 3. Наименования, связанные с церковной деятельностью.....	65
1. 3. 4. Наименования, связанные с социальным положением.....	65
1. 3. 5. Наименования мирян, прославленных в лице святых.....	68
1. 4. Характеризующие наименования.....	71
1. 4. 1. Структурное деление.....	71
1. 4. 2. Семантическое деление.....	71
§ 2. Антропонимы.....	74
2. 1. Мирские имена.....	75
2. 2. Монашеские имена.....	79
2. 3. Особенности употребления личных имен.....	82
2. 3. 1. Смена имени.....	82
2. 3. 2. Соотносительные пары мужских и женских имен.....	86
2. 3. 3. Каноническая форма имени.....	87
2. 3. 4. Употребление уменьшительных имен.....	90
2. 4. Формула имени.....	91

§ 3. Функционирование наименований лиц в текстах	
жизнеописаний.....	94
3.1. Причины, влияющие на количество наименований.....	94
3. 2. Причины, влияющие на выбор наименования.....	96
3. 3. Авторские наименования лиц.....	97
3. 3. 1. Заголовочная номинация.....	97
3. 3. 2. Наименования в тексте: «горизонтальные» и «вертикальные» ряды.....	98
3. 3. 3. Причины многообразия наименований.....	100
3. 3. 4. Варьирование составных наименований лиц.....	101
3. 3. 5. Синонимические ряды номинаций.....	104
3. 4. Наименования лиц в интертексте.....	105
3. 4. 1. Положительные наименования.....	106
3. 4. 2. Отрицательные наименования.....	107
3. 5. Номинационный ряд <i>архиепископ Лука</i> <i>(Войно-Ясенецкий)</i>	108
Выводы.....	110
ГЛАВА III ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИКИ.....	112
§ 1. Храм и его убранство. Монастырь.....	112
1. 1. Названия мест для богослужения.....	112
1. 1. 1. Храм.....	113
1. 1. 2. Церковь.....	114
1. 1. 3. Собор.....	118
1. 1. 4. Употребление слов <i>храм – церковь – собор</i> в текстах.....	119
1. 1. 5. Другие названия мест для богослужения.....	121
1. 1. 6. Собственные имена храмов.....	122
1. 2. Устройство и внутреннее убранство храма.....	124
1.3. Монастырь.....	127
1. 3. 1. Нарцательные наименования монастырей.....	127
1. 3. 2. Собственные имена монастырей.....	130
1. 3. 3. Номинации, связанные с устройством монастыря.....	130
§ 2. Богослужение Православной Церкви.....	132
2. 1. Общие положения.....	133
2. 2. Виды богослужений в Русской Православной Церкви.....	134
2. 2. 1. Службы суточного круга.....	135
2. 2. 2. Седмичный и годичный круги.....	136
2. 2. 3. Требы.....	137
2. 2. 4. Части и элементы богослужений.....	140
2. 2. 5. Келейная молитва.....	145
2. 3. Праздники и посты.....	145
2.4. Предметы, использующиеся вовремя богослужения.....	149
2. 5. Действия при богослужении.....	151
2. 5. 1. Совершение богослужения.....	152

2. 5. 2. Действия во время богослужения.....	154
2. 6. Богослужебные книги.....	156
2. 6. 1. Книги, содержащие неизменяемые песнопения.....	156
2. 6. 2. Книги, содержащие изменяемые песнопения.....	157
2. 6. 3. Книги Священного Писания.....	158
2. 6. 4. Книги для совершения треб.....	159
2. 6. 5. Книги для келейной молитвы.....	159
2. 7. Церковные одежды.....	160
2. 7. 1. Внебогослужебные и богослужебные одежды.....	160
2. 7. 2. Особенности употребления названий одежд в текстах жизнеописаний.....	162
§ 3. Лексика, описывающая духовную жизнь христианина.....	164
Выводы.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	171
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	176
БИБЛИОГРАФИЯ.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	190

(Преузето из: Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Москва 2004.)

• Содержание

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы исследования.....	5
1.1. Понятие дискурса и его развитие в лингвистике.....	5
1.2. Политический дискурс и его особенности.....	8
1.3. Имидж политического деятеля как компонент политического дискурса.....	13
1.4. Лексическая система русского и сербского языка	17
1.5. Понятие метафоры.....	19
1.6. Метафора в политическом дискурсе.....	21
1.7. Понятие «метафорической модели».....	25
Глава II. Лексические средства создания положительного имиджа политика в политическом дискурсе.....	27
2.1. Базовые составляющие образа политика и их номинация.....	27
2.2. Лексика, номинирующая психические качества личности политика.....	29
2.3. Номинации биологических качеств политического деятеля.....	43
2.4. Метафорические способы создания положительного имиджа политика в печатных СМИ.....	47
2.4.1. Субстантивные метафоры.....	47
2.4.2. Адъективные метафоры.....	59

2.4.3. Глагольные метафоры.....	60
Глава III. Стереотипы образа идеального политика в СМИ и в сознании избирателя.....	64
3.1. Стереотипы в политическом дискурсе.....	64
3.2. Стереотипный образ идеального политика в современном обществе.....	66
3.3. Стереотипы, использующиеся при создании положительного имиджа политика в политическом дискурсе.....	72
3.4. Зависимость между стереотипами и полом, возрастом респондентов.....	79
Заключение.....	83
Список литературы.....	89

(Преузето из: Лапыгина, М. В. Лексические средства создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Воронеж 2017)

Содержание

<u>Введение.....</u>	10
Глава 1. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	10
1.1. Теоретические основы и принципы исследования антропонимии в отечественном языкоизучении.....	10
1.2. К проблеме классификации поэтонимов.....	10
1.3. Лингвокультурный потенциал имен собственных в художественном тексте.....	10
Глава 2. АНТРОПОНИМИЯ ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ЯМА».....	10
2.1. Антропонимическое пространство повести Куприна «Яма».....	10
2.2. Псевдонимы и прозвища как разряд антропонимов и их функции в номинации личности в художественной прозе Куприна	10
2.3. Апеллятивные номинации и другие периферийные маркеры персонажа в художественном дискурсе Куприна.....	10
Глава III. ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОЗЕ КУПРИНА.....	10
3.1. Полифункциональная заданность антропонимической лексики в повести Куприна «Яма».....	10
3.2. Индивидуальное онимоупотребление в идиостиле Куприна.....	10
Заключение.....	10
Литература.....	10

(Преузето из: Орлова, В. Ономастическое пространство повести А. И. Куприна 'Яма'. Мастер рад. Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017.)

Обликовање увода у дисертацију

ВВЕДЕНИЕ

«Область религиозного составляет значительную часть жизни общества, всей истории человечества. Это огромный и сложный мир особой человеческой деятельности — религиозных чувств, религиозных или относящихся к религии мыслей, речей, желаний, поступков, взаимоотношений людей, социальных институций». [81, с. 40] Многие ученые изучают этот мир с разных точек зрения, филологи пытаются изучить язык этого мира, ибо в языке, выполняющем функцию общения и сообщения, в первую очередь отражаются различия между мировоззрениями. Не случайно один из духовных писателей XX века Н. Е. Пестов писал: «По существу близкое, душевное общение между людьми, живущими вне Бога и живущими в Боге, вообще невозможно. Различие их мировоззрения, взглядов, чувств, интересов и направления воли настолько велико, что исключает взаимное понимание и сближение». [91, с. 264-265]

Действительно, даже за одним и тем же словом для людей разных мировоззрений могут стоять разные понятия. Ср. замечание Н. Е. Пестова относительно слова **искушение**¹: «Понятие об искушении чуждо светскому миру, и если здесь употребляется это слово, то только в очень узком смысле — в смысле искушения плоти.

Между тем значение психологического феномена — искушения, настолько важно для нашей духовной жизни, что всякому христианину необходимо иметь о нем глубокое познание и применять это познание на опыте жизни...

В лексиконе духовной литературы словом “искушение” обозначают два понятия.

Во-первых, искушением называют все тяжелые, неприятные для души переживания, приходящие к человеку извне, по Божию попустительству — в наказание, для исправления, для испытания в вере и т. д. Сюда будут относиться болезни, материальная нужда, обиды и несправедливости от людей...

Во-вторых, искушением называется состояние души, когда ей непосредственно темной силой или через слова людей навязываются мысли, а сердцу чувства или пожелания, нарушающие душевный мир или влекущие к нарушению Божественных заповедей, требований совести и разума». [91, с. 216]

¹ МАС: **Искушение** — 1. Действие по глаголу **искушать** ‘соблазнять, прельщать’; 2. Соблазн; 3. Устар. Испытание, искус. [152. 1, с. 680]

Поэтому для того, чтобы понять того или иного человека, необходимо знать, какое понятие он вкладывает в то или иное слово.

Возросшим интересом к православию и, в частности, к языку православной культуры после прекращения гонений на Русскую Православную Церковь (РПЦ), с одной стороны, и развитием социальной лингвистики, с другой стороны, определяется **актуальность** исследования.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в работе впервые вводится понятие **подъязык православия**, анализируются до сих пор не исследованные тексты жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви, написанные на данном подъязыке (который является подсистемой современного русского литературного языка), подробно анализируется лексика этих текстов, пока еще не достаточно изученная с лингвистической точки зрения. Особое внимание удалено семантической стороне анализируемых слов, что позволяет углубить представление об этом круге лексики русского языка и может служить базой для совершенствования лексикографического описания церковной лексики.

Жизнеописания новопрославленных святых РПЦ были выбраны по двум причинам. Первой причиной — экстраграмматической — является недавнее прославление Русской Православной Церковью большого количества русских святых, главным образом новомучеников и исповедников Российских, в связи с чем появилось множество жизнеописаний, еще не подвергавшихся филологическому анализу. Вторая причина — языковая: жизнеописания содержат элементы разных жанров (вспоминания, письма, протоколы и т. д.), поэтому, анализируя жизнеописания, мы можем охватить большой круг лексики и представить значительную часть словарного состава языка православия.

Цель настоящего исследования — описать лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви как текстов церковной литературы.

Поставленная цель определила следующие **задачи** работы:

- 1) рассмотреть вопрос о месте языка церковной литературы в системе современного русского литературного языка и его стилей;
- 2) описать общие особенности структуры текстов жизнеописаний и исследовать особенности языка жизнеописаний на разных языковых уровнях;
- 3) выявить лексические особенности этих текстов;
- 4) проанализировать наименования лиц в священническом, монашеском чине и мирян;

- 5) рассмотреть лексику, описывающую реалии церковной жизни (названия и устройство православных храмов; виды богослужений, предметы, использующиеся при богослужении и т. п.);
- 6) сравнить значения рассматриваемых слов в общелитературном языке и в подъязыке православия;
- 7) дать представление о том, как лексика жизнеописаний толкуется в словарях современного русского литературного языка.

Объектом настоящего исследования является современный русский язык православной литературы.

Предмет исследования — лексика жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви.

Поскольку детально описать все лексические особенности жизнеописаний в одной работе невозможно, для анализа отобраны тематические группы² лексики, наиболее характерной для церковной жизни (**храм, богослужение, священно-церковнослужители**). Рассматривается как апеллятивная лексика, так и онимы, особое внимание удалено антропонимам.

Всего проанализировано около 130 жизнеописаний разного объема: от нескольких предложений до нескольких сотен страниц. Составлены две картотеки: первая включает в себя более 500 карточек с цитатами, вторая содержит более 1000 карточек с личными именами.

Методика исследования обусловлена поставленными задачами. При анализе материала были использованы такие **методы**, как описательный, статистический, сопоставительный, методы наблюдения, сплошной выборки и классификации; использовались элементы компонентного анализа, контекстуальный анализ и анализ словарных дефиниций.

Теоретической основой исследования послужили работы (монографии, сборники статей, учебные пособия) по семантике, лексикологии, ономастике и некоторым другим разделам языкоznания; активно использовались лексикографические источники. Привлекалась также церковная литература разной тематики: богословские труды, пособия для тех, кто только начинает ходить в церковь и/или желает познакомиться с устройством церковной жизни, и т. д.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут послужить углублению научных представлений о языковой картине мира православных людей, а также могут найти применение в теоретических исследованиях в области лексикологии и социолингвистики.

² Под тематической группой мы понимаем «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному семантическому полю» [30, с. 118].

Практическая значимость заключается в том, что материалы работы могут быть использованы в курсах лекций по различным разделам русского языка (в первую очередь по лексикологии), при чтении факультативов, спецкурсов и спецсеминаров, на уроках русского языка и литературы в средней школе; могут найти применение в лексикографической практике. Рассмотренная в диссертационном исследовании лексика характерна не только для жизнеописаний, но и для других жанров церковной литературы; присутствует эта лексика и в художественной литературе XIX-XX вв. (Н. С. Лесков, И. С. Шмелев, В. А. Никифоров-Волгин и др.) Поэтому данная работа может быть также использована при чтении и изучении русской светской и церковной литературы.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на аспирантском объединении (февраль 2004 г.) и заседании кафедры русского языка филологического факультета МПГУ (июнь 2004 г.). По теме диссертации были прочитаны доклады на следующих конференциях:

- I Межвузовская научная студенческая конференция (Москва, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт (ПСТБИ), май 2001 г.);
- XII Ежегодная Богословская конференция (Москва, ПСТБИ, январь 2002 г.);
- I межвузовская конференция молодых ученых (Москва, МПГУ, ноябрь 2002 г.);
- всероссийская научная конференция «Первые Пасхальные чтения» (Москва, МПГУ, апрель 2003 г.);
- III Межвузовская научная студенческая конференция (Москва, ПСТБИ, май 2003 г.);
- XIV Ежегодная Богословская конференция (Москва, ПСТБИ, январь 2004 г.);
- международная научная конференция «Социальные варианты языка-III» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, апрель 2004 г.). Основные положения работы отражены в пяти публикациях.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, библиографического раздела и приложения.

Во **Введении** обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются цель и задачи работы.

Первая глава посвящена языку, функционирующему в православной среде, и характеристике источников. В § 1 рассматриваются взгляды на проблемы, связанные с понятиями **религиозно-проповеднический стиль, православный социолект и подъязык православия**. § 2 посвя-

щен описанию состава анализируемых источников, кратко охарактеризована их структура; рассмотрены особенности жизнеописаний на разных языковых уровнях (особое внимание уделено лексическому уровню), проанализировано отражение лексики православной культуры в лексикографических изданиях XX-XXI веков.

Во второй и третьей главах описаны тематические группы лексики, характерной для православного общества и активно употребляющейся в жизнеописаниях.

Вторая глава содержит анализ наименований священнослужителей, монашествующих и мирян. В § 1 рассматриваются нарицательные наименования этих лиц; § 2 посвящен особенностям антропонимов; в § 3 показывается, каким образом рассмотренные наименования функционируют в текстах жизнеописаний.

Третья глава представляет собой описание главным образом предметной лексики, описывающей реалии церковной жизни: названия, устройство и внутреннее убранство православных храмов и монастырей (§ 1); виды богослужений РПЦ и предметы, использующиеся при богослужении (священные сосуды, книги, облачения), особенности названий праздников и постов (§ 2). В § 3 данной главы кратко рассматривается лексика, описывающая духовную жизнь православного христианина.

В **заключении** подводятся итоги проделанной работы, формулируются выводы, намечаются дальнейшие пути исследования.

Список сокращений содержит аббревиатуры и другие сокращения, использованные в данной работе.

Библиография состоит из трех разделов: в раздел **Источники** включены источники, анализируемые в диссертационной работе; раздел **Литература** состоит из научной, учебной, справочной и другой литературы, использованной при написании настоящего исследования; в отдельный раздел — **Словари** — вынесены лексикографические источники.

Приложение представляет собой алфавитный список лексических единиц, в той или иной степени рассмотренных в диссертационной работе. Для каждого слова указана страница, на которой оно употреблено в исследовании, а также отмечено, как данное слово толкуется в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и в «Словаре православной церковной культуры» Г. Н. Скляревской.

Преузето из: Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Москва 2004.)

•

Введение

В современном мире средства массовой информации оказывают большое воздействие на сознание людей. С помощью печатных СМИ формируется тот или иной образ политического деятеля. Важнейшим условием завоевания большого числа сторонников является создание положительного имиджа политика, что предполагает использование определённых языковых средств. Значительное число современных российских лингвополитических исследований представляют описание речевого портрета политика на определенном этапе его деятельности (лидер партии, губернатор, мэр, президент). Однако лингвистические средства создания положительного образа политического деятеля в печатных СМИ пока не получили достаточного научного осмыслиения, а сопоставительный анализ средств создания положительного образа политика в российских и сербских СМИ не проводился, что определяет актуальность данной работы.

Объектом анализа являются лексические средства создания положительного имиджа политика, представленные в русских и сербских печатных СМИ.

В качестве **предмета** исследования выступают лексико-грамматические и семантические характеристики лексических средств создания положительной оценки и выражения стереотипных представлений о хорошем политическом деятеле, действующие на сознание адресата и позволяющие сформировать положительный имидж политического деятеля.

Цель исследования: 1) выявить и сопоставить семантические и морфологические характеристики лексических единиц, используемых для создания положительного имиджа политика в русском и сербском политическом газетном дискурсе; 2) на основе полученных данных и анкетирования выявить и сопоставить социальные стереотипы образа идеального политического деятеля в сознании русского и сербского избирателей.

Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить базовые составляющие имиджа политика;
- выявить и проанализировать основные языковые средства, используемые для создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ;
- определить наиболее активно использующиеся лексические единицы;

- выявить и проанализировать основные метафорические единицы, используемые для создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ;
- определить наиболее активно использующиеся метафорические единицы;
- методом анкетирования выявить лексику, используемую для выражения стереотипного образа идеального политика в современном русском и сербском обществе;
- сопоставить полученные данные, выявив сходства и различия.

Материалом для исследования послужили контексты, извлекаемые из печатных СМИ за 2012-2017гг.

Источниками исследования были русские газеты «Известия», «Ведомости», «Аргументы и факты», «МОЁ», «Комсомольская правда», журнал «Новое время» и интернет-газеты «Дни.ру» и «Взгляд» и сербские газеты «Политика», «Правда», «Danas», «Спутник» за 2012-2017 год.

Методы исследования: работа выполнена с помощью традиционного для русистики описательного метода, основанного на непосредственном наблюдении над языковым материалом. Также использовались: метод контекстного анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод анкетирования, методика количественных подсчетов, сопоставительный метод.

(Преузето из: Лапыгина, М. В. Лексические средства создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Воронеж 2017)

• Введение

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что антропонимия художественного текста имеет огромное значение в понимании исторического, социального и культурного содержания отдельного произведения или всего творческого наследия автора. Антропонимы выполняют не только номинативную функцию, но и определяют отдельные черты характера или внешности персонажа. Кроме того, они являются средством раскрытия и детального понимания художественного образа. Не менее важную роль в произведении играют апеллятивы, служащие для обобщения персонажей по какому-либо признаку.

Имена персонажей интересуют как лингвистов, так и литературоведов, поскольку через понимание роли имени в художественном тексте можно проникнуть в замыслы писателя, его идеи

и одновременно эмоционально воздействовать на читателя. Неслучайно в ономастической науке изучение имен собственных в художественных произведениях выделилось в специальный раздел – поэтическую ономастику.

В современных лингвистических работах постоянно поднимается вопрос о необходимости и целесообразности системного изучения онимической лексики художественного текста, анализ которой приводит к пониманию замысла произведения и индивидуальных особенностей слога писателя. Нам, в этой связи, представляется актуальным обращение к исследованию антропонимической системы произведения А. И. Куприна «Яма».

Актуальность данного исследования заключается в том, что, во-первых, вопрос о функциях имён собственных в художественном тексте является не до конца изученным. Во-вторых, исследование антропонимов в произведении помогает выявить мировосприятие отдельного писателя, установить особенности его словотворчества и словоупотребления. В-третьих, об актуальности данной темы свидетельствует неослабевающий на протяжении многих веков интерес учёных к именам собственным в художественных текстах. Кроме того, актуальность исследования определяется общей потребностью в изучении антропонимов, как одной из образующих систем художественного ономастикона, помогающего целям постижения глубинного смысла текста, воплотившего в себе философские, нравственные, теологические искания целой эпохи.

Объектом исследования ономастов становились различные художественные произведения разных эпох, но мы остановили свой выбор на повести А. И. Куприна «Яма», которая была негативно воспринята критиками ХХ века. Однако, освященная писателем, тема любви – одна из вечных и волнующих тем мировой литературы. Ее интерпретировали разные авторы в разное время. Одни настаивали на том, что любовь – это возвышенное чувство, даром которого наделаются лишь отдельные счастливцы, другие рассматривали любовь под углом страдания и испытания, третьи описывали взаимную и безответную любовь, любовь платоническую, а были и те, которые исследовали сущность «порочной любви». Повесть А. И. Куприна посвящена интерпретации истоков «продажной любви». Автор впервые и для своих современников, и для самого себя заговорил о низком, пошлом и запрещенном. К этой теме Куприн подошел как художник-гуманист, глубоко сочувствующий униженным и оскорбленным, стремящийся в ожесточенной душе найти светлое, человеческое начало.

Объектом изучения в настоящей работе являются имена собственные, функционирующие в повести А.И. Куприна «Яма». Предметом изучения стал комплекс языковых и внеязыковых факторов

и явлений, обусловивший характер функционирования онимов в художественном произведении.

Целью выпускной квалификационной работы является интерпретация структурных и лексико-семантических особенностей антропонимов в повести А.И. Куприна «Яма», определение их роли в создании художественных образов.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Каталогизировать номинации персонажей повести Куприна «Яма»;
2. Систематизировать назывные единицы по их типологической природе;
3. Интерпретировать структурный статус антропонимов;
4. Предложить семантическую интерпретацию антропонимических единиц анализируемого текста;
5. Определить роль имен собственных в создании художественных образов, соотнести антропонимические номинации с образами носителей имен и системой образов повести А. И. Куприна «Яма».

Новизна выпускной квалификационной работы заключается в том, что в ней впервые исследуется ранее не привлекавший внимания языковедов ономастический материал повести А. И. Куприна «Яма». Кроме того, в рамках научного исследования дается комплексное описание всех разрядов антропонимов, встречающихся в повести «Яма», в качественно-количественном освещении.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что изучение функционирования антропонимов в художественном тексте позволяет сделать выводы о закономерностях формирования антропонимической системы как одного из главных источников характеристики персонажей, а также выражения авторской позиции и замысла. Эти выводы дают возможность внести определенный вклад в изучение актуальных вопросов русской литературной ономастики.

Источником исследования является повесть А. И. Куприна «Яма», которую автор начал писать в 1908 году. «Яма» - наиболее спорное произведение Куприна. После первой публикации в 1909 году произведение вызвало самые разнообразные и противоречивые критические отзывы. И ныне ещё не сложилось определённое и устойчивое мнение об этой самой крупной по объему книге Куприна. Куприн первым среди русских писателей раскрывает в повести тему продажной любви. В центре повествования история жизни публичного заведения и его обитателей.

Эта книга о жизни девушек лёгкого поведения вызвала скорее осуждение, чем сочувствие или понимание. Автора обвиняли в безнравственности и чрезмерном натурализме. Именно поэтому произведение Куприна считалось скандальным, немыслимым и одновременно успешным.

Материалом выпускной квалификационной работы послужила антропонимическая лексика повести А. И. Куприна «Яма» (общее количество - 178, количество употреблений онимов в данной работе не подсчитывалось). Издание, по которому была произведена выборка фактического материала: Яма / Александр Куприн. – М.: Эксмо, 2014. – 416с.

Специфика изучаемого антропонимического материала и его анализа обусловила использование в нашей работе определенных *ономастических методов и приёмов исследования*.

Имена собственные занимают особое положение в языке, что привело к специализации методов анализа этого пласта лексики. Среди наиболее распространённых приёмов можно выделить описательный (дескриптивный), исторический, сравнительно – сопоставительный, лингвопсихологический, семиотический, статистический, стилистический, ареальный, и прочие.

Опишем методы, которые были привлечены для изучения нашего материала.

При анализе фактического материала был использован *описательный метод*. Его использование предполагает соблюдение ряда требований: чёткое представление об избранном предмете изучения (в нашем случае – о функциях антропонимов в художественном тексте), систематизации, последовательности описания, группировки или классификации, характеристики материала (качественной или количественной) в соответствии с поставленной задачей исследования. Начальным этапом «описания» материала является его собирание, каталогизация, разумная систематизация, позволяющая видеть разные его части (виды, типы), самые общие отношения между ними, а также наиболее существенные их качества [Бондалетов 1983, 37-42].

Поскольку источником нашего исследования является художественный текст, мы вправе были применить *стилистический метод*.

Ономатологов – стилиста привлекает широкий круг проблем: функции собственных имен в художественном произведении (номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая), специфика литературной ономастики, зависимость состава имён и их функций от литературного направления (классицизм,

сентиментализм, романтизм, реализм, символизм и проч.), особенности отбора и употребления имён в прозе, поэзии, драматургии (в комедии, трагедии, драме, водевиле), виды литературных антропонимов, топонимов и т.п.; их роль в построении художественного произведения, способы и приемы видоизменения реальных собственных имён для достижения экспрессивно – стилистической и художественной выразительности, роль собственного имени в типизированном отражении действительности, собственное имя как средство создания сатиры и юмора, а также множество других видов мотивированного употребления всех без исключения разрядов собственных имён [Бондалетов 1983, 63-65].

Использование статистического метода основано на том, что у объекта изучения, помимо его качественной стороны, имеется сторона количественная. В настоящее время количественные (математические, квантитативные, статистические) методы получили широкое применение во всех областях науки, в том числе и в языкоznании. Применима лингвостатистика и в ономастике. Ее содержание здесь разнообразно – от простейших подсчетов количества имён и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого ономастического разряда и закономерностей его развития [Бондалетов 1983, 72].

Описанные выше методы позволяют нам объективнее исследовать имеющийся фактический материал.

В работе была использована следующая терминология:

Антропоним – вид онима. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей) в т.ч. ЛИ, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криptonим, кличка [Подольская 1988, 30].

Антропонимика - раздел ономастики, изучающий антропонимы, закономерности их возникновения, развития функционирования [Подольская 1988, 33].

Антропонимия – совокупность антропонимов [Подольская 1988, 37].

Апеллятив - имя нарицательное в противоположность имени собственному [Подольская 1988, 30].

Имя собственное – то же, что оним [Подольская 1988, 122].

Личное имя – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с другими [Подольская 1988, 37].

Номинация – название, именование, присвоение имени, процесс именования [Подольская 1988, 87].

Оним – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации [Подольская 1988, 95].

Ономастика – раздел языкоznания, изучающий любые собственные имена [Подольская 1988, 97].

Онимия – совокупность онимов [Подольская 1988, 96].

Отчество – это именование, произведенное от имени отца [Подольская 1988, 102].

Прозвище – вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [Подольская 1988, 115].

Псевдоним – вид антропонима. Вымыщенное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него [Подольская 1988, 118].

Семантика имени – экстралингвистическое значение имени, включающее фактор известности имени, информацию, которую оно несет, его специфические ономастические функции, стилистическую и эстетическую значимость (в речи) и др. компоненты [Подольская 1988, 93].

Фамилия – наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека, к определённой семье [Подольская 1988, 140].

Функционирование – употребление, использование имен собственных в речевых ситуациях, письменных текстах, различное для разных классов имен и для разного времени [Подольская 1988, 145].

Функция (имени) – исполнение своей роли, своего назначения именем собственным в речи [Подольская 1988, 145].

(Преузето из: Орлова, В. Ономастическое пространство повести А. И. Куприна ‘Яма’. Мастер рад. Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017.)

Обликовање закључка дисертације

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашей работы, мы можем сделать следующие выводы:

1. Сфера деятельности Русской Православной Церкви обслуживается особой подсистемой современного русского литературного языка, которая представлена двумя разновидностями: книжной, имеющей несколько функциональных стилей, и разговорной. Разговорная разновид-

ность — православный социолект — является средством общения православных людей в определенных коммуникативных ситуациях; книжная — подъязык православия — служит для создания текстов церковной литературы, в частности жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ.

2. Структура жизнеописаний в целом соответствует структуре древнерусских житий, однако жизнеописания новопрославленных святых написаны не на церковнославянском языке, а на одной из подсистем СРЛЯ (подъязыке православия); язык жизнеописаний обладает рядом особенностей, характерных для подъязыка православия и отличающих эти тексты от светской литературы. Эти особенности присутствуют на разных языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, морфологическом, но больше всего особенностей выделяется на лексическом уровне.

3. Лексические особенности жизнеописаний проявляются как в апеллятивной лексике, так и в именах собственных.

В области собственных имен интерес представляют названия храмов, монастырей, икон, праздников, постов. Отличия от общелитературного языка касаются и состава антропонимов.

К основным особенностям апеллятивной лексики относятся следующие явления:

- 1) наличие отдельных тематических групп слов и составных номинаций, не употребляющихся в светском общении;
- 2) употребление устаревших с точки зрения современного русского языка слов;
- 3) употребление слов со значениями и коннотациями, не свойственными этим словам в современном русском языке;
- 4) присутствие в текстах значительного количества грецизмов.

Отдельно можно выделить такие особенности, как цитирование церковнославянских текстов и использование церковнославянских слов, форм и конструкций.

4. В жизнеописаниях новопрославленных святых РПЦ встречается много наименований священнослужителей, монашествующих и мирян, как прославленных, так и не прославленных в лице святых. Все эти наименования разделяются на два класса: нарицательные именования и имена собственные.

Наричательные именования священнослужителей и монашествующих зависят от степени священства, монашества, занимаемой должности и ряда других факторов; от вида церковной деятельности зависят наименования мирян. Среди рассмотренных нами наименований встречались как слова, входящие в активный запас современного русского языка (**батюшка, доктор, епископ, монах, проповедник, покровитель**,

священник и др.), так и слова, считающиеся в общелитературном языке архаизмами или историзмами (**архипастырь, девица, инок, отрок, раб Божий**, и др.). Некоторые слова в словарях даются со специальными пометами *церковное* или *религиозное*: **ризничий, новопреставленный, пастырь, пресвитер, страстотерпец**.

В группе антронимов рассмотрены состав личных имен и формула имени. Описаны следующие особенности:

- 1) наличие редких, непривычных современному человеку имен (**Амфилохий, Дамаскин, Философ, Лукия, Фамарь**);
- 2) называние одного и того же человека разными именами (например, из-за смены имени при постриге);
- 3) употребление канонической формы имени (**Димитрий, Стефан, Сергий**) и отсутствие уменьшительных имен в качестве официальных;
- 4) наличие большого количества соотносительных пар мужских и женских имен;
- 5) существование особая формулы при именовании священнослужителей, монашествующих, святых (имя в канонической форме и фамилия + нарицательное существительное, указывающее на степень священства, монашества, чин святого): **священник Митрофан Сребрянский, игумен Андроник (Трубачев), мученица Анна (Лыкошина)**.

Наричательные именования и имена собственные употребляются при описании жизненного пути святого как по отдельности, так и в структуре составных номинаций в разнообразных сочетаниях, в результате чего одиночные и составные наименования, относящиеся к одному лицу, выстраиваются в разветвленные номинационные ряды.

5. Из лексики, описывающей реалии церковной жизни, в работе проанализированы следующие группы:

- 1) названия мест для богослужения;
- 2) устройство и элементы внутреннего убранства храма;
- 3) названия монастырей и их устройство;
- 4) виды богослужений и их части;
- 5) праздники и посты;
- 6) предметы, используемые при богослужении;
- 7) действия при богослужении;
- 8) богослужебные книги;
- 9) церковные одежды.

Коснулись мы и лексики, описывающей духовную жизнь христианина.

Среди нарицательных наименований в рассмотренных тематических группах встречаются общеупотребительные слова (**богослужение, икона, монастырь, храм**), однако большая часть слов употребляется главным образом в церковной среде (**антидор, , елеопомазание, полиелей, седмица, шестопсалмие** и др.).

Собственные имена представлены названиями храмов, монастырей, икон, праздников, постов. Одна из особенностей названий праздников и постов — наличие устаревших для общелитературного языка слов (**Сретение Господне, Страстная седмица**). Названия храмов, монастырей и икон подробно нами не анализировались, однако мы обращали внимание на их состав и возможности их трансформации (**храм Введения Пресвятой Богородицы → храм Введения → Введенский храм, храм Воздвижения Креста Господня → Крестовоздвиженский храм** и т. п.).

6. Часть рассмотренных нами слов (**блаженный, бессребреник, верный, возглас, исповедник, насельник, наместник, общежитие, подвиг, правило, прелесть, умный, чаша** и др.) имеет значения, не свойственные этим словам в общелитературном языке:

7. Лексика православной культуры еще не получила должного лексикографического описания. В словарях современного русского языка правильно толкуются около половины рассмотренных нами слов, у остальных слов нужные значения или истолкованы неверно, или не указаны. Часть слов вообще в словари не включена.

В данном диссертационном исследовании с той или иной степенью подробности рассмотрено более 600 слов и словосочетаний (не считая личных имён), из них 460 включено в словарь приложения. Поставленные задачи в целом решены: рассмотрен круг проблем, связанных с местом языка церковной литературы в системе СРЛЯ; кратко описана структура жизнеописаний и особенности их языка на разных языковых уровнях; выявлены лексические особенности жизнеописаний; проанализированы наименования лиц в священническом, монашеском чине и мирян и исследована лексика, описывающая реалии церковной жизни; сопоставлены значения рассматриваемых слов в жизнеописаниях с их значениями в общелитературном языке; дано представление о том, как лексика жизнеописаний толкуется в словарях современного русского языка. Однако это лишь первые шаги в изучении той подсистемы СРЛЯ, которая обслуживает сферу деятельности РПЦ.

Подъязык православия, как и православный социолект, только начинает изучаться, поэтому развитие нашего исследования может идти по нескольким направлениям:

- дальнейшее описание лексических особенностей жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ (можно рассмотреть подробнее лексику, которая характеризует духовную жизнь православного христианина: **безмолвие, затвор, искушение, самоотвержение, целомудрие** и др.; проанализировать лексику, отражающую взаимодействие православия с другими конфессиями и религиями, с сектами и ересями, а также со светским атеистическим миром: **англиканство, баптизм, безбожник, богоборный, вероисповедание, вероучение, единоверческий, иконо-борчество, обновленец, расколоучитель** и т. д.);
- описание лексических особенностей других жанров церковной литературы;
- анализ особенностей жизнеописаний и других жанров на других языковых уровнях (по сравнению с общелитературным языком);
- сравнение языка жизнеописаний с языком других жанров церковной литературы;
- характеристика подъязыка православия и православного социолекта, выделение их жанров и стилей;
- сопоставление подъязыка православия и православного социолекта;
- определение места подъязыка православия и православного социолекта в системе СРЯ и сопоставление их с другими подсистемами СРЯ.

(Преузето из: Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Москва 2004.)

•

Заключение

Политический имидж как специально создаваемый, преднамеренно формируемый образ общественного деятеля является важным компонентом политического дискурса. В современных печатных СМИ положительный имидж политика создаётся с помощью определённых групп лексики, которая может употребляться как в прямом, исходном значении, так и в метафорическом.

В результате анализа практического материала были выделены лексические единицы, используемые для создания положительного имиджа политика в российских и сербских печатных СМИ. Данная лексика может употребляться в прямом и переносном значении и называет психические и биологические характеристики человека.

При употреблении в прямом значении лексика русских печатных СМИ, называющая психические качества, делится на следующие тематические группы:

- опыт политика – 19%,
- нравственно-этические качества – 15%,
- интеллектуальные способности – 13%,
- лидерские качества – 12%,
- волевые качества – 11%,
- коммуникативные способности – 10%,
- творческие способности – 10%,
- способности к интенсивной деятельности – 8%,
- проявляемые политиком эмоции – 2%.

Лексика сербских печатных СМИ, называющая психические качества, также делится на тематические группы:

- лидерские качества – 20%,
- волевые качества – 19%,
- нравственно-этические качества – 15%,
- коммуникативные способности – 13%,
- работоспособность – 12%,
- способность к интенсивной деятельности – 9%,
- опыт – 7%,
- интеллектуальные – 5%.

Для каждой из данных групп лексики характерны определенные ключевые слова, которые определяют, какие качества личности политика общество может принять как позитивные.

Сопоставительный анализ показал общие и национально специфичные черты использования лексики, номинирующей психические качества личности политика. Общность проявляется в том, что из девяти групп лексических средств создания положительного имиджа политика, выделенных в русских печатных изданиях, семь групп (интеллектуальные способности, политический опыт, способность к интенсивной деятельности, нравственно-этические характеристики, волевые качества, коммуникативные и лидерские способности) были выделены и в сербских печатных изданиях.

Отличия заключаются в том, что две группы, которые используются российскими печатными СМИ, не были отмечены в рамках исследуемого материала в сербских изданиях: эмоциональная характеристика и творческие способности политического деятеля. В российских печатных изданиях не используется группа, характеризующая работоспособность политического деятеля. Следовательно, сербские печатные издания в большей степени обращают внимание избирателей на деятельностьную, практическую составляющую работы политика.

Выявляются также отличия в составе ключевых слов общих для обоих этносов групп, которые наблюдается во всех группах, кроме

групп «интеллектуальные способности» и «политический опыт». Хотя большая часть ключевых понятий в сербском и русском языках совпадает, печатные СМИ употребляют разные лексические единицы для привлечения внимания избирателей и создания положительного имиджа политического деятеля. Так, в группе «лидерские качества политического деятеля» сербские печатные СМИ используют в качестве ключевых слов прилагательные в превосходной степени и лексему «харизма», в русских печатных изданиях ключевыми словами являются слова «лидер», «руководитель», «влияние», «незаменимый», «номер один».

Наблюдаются различия и в процентном соотношении совпадающих в двух языках лексических групп. Сербские печатные СМИ обращают внимание на лидерские способности политика (20%) и его волевые качества (19%), в то время как русские печатные издания чаще используют лексические единицы, обозначающие нравственно-этические качества (15%) и опыт политика (19%).

Такое соотношение свидетельствует о разных приоритетах, обусловленных рядом факторов. История Сербии – это история её завоевания и освобождения, поэтому лидерские качества политического деятеля, его готовность защищать свою страну и народ, традиции и самобытность стоят на первом месте. Русские в своем большинстве намного спокойнее, чем сербы, обладающие южным темпераментом. Мудрость, вдумчивость, рассудительность – черты, которые ценятся в русском обществе. Опыт в сознании народа часто связывается с мудростью и рассудительностью, поэтому печатные СМИ так часто используют эту лексическую единицу при создании положительного имиджа политика.

Нравственно-этические качества политического деятеля являются одинаково важными в обеих культурах (15%). Вполне естественным представляется желание печатных СМИ подчеркнуть справедливость, честность и бескорыстность политического деятеля, который будет стараться на благо народа и государства.

Лексические единицы, номинирующие биологические качества политического лидера в основном используются только в русских печатных СМИ и делятся на несколько тематических групп:

- обозначение пола – 52%,
- физическая сила – 24%,
- здоровье – 14%,
- возраст политического деятеля – 10%.

Из лексем, номинирующих биологические свойства политического деятеля, в русских печатных СМИ, чаще всего используются единицы обозначения пола (52%) и силы (24%) (в сербских печатных СМИ только эти характеристики). Реже используется лексика, обозначающая возраст

(10%) или физическое состояние политика (14%). Это указывает на определенную тенденцию в общественном мнении. Для избирателей оказывается важным пол политического деятеля, поэтому печатные СМИ часто подчеркивают принадлежность политика к сильному или слабому полу.

В рамках исследуемого материала лексика, номинирующая политика по психическим качествам, используется намного чаще, чем лексика, указывающая на его биологические характеристики. Следовательно, психические свойства личности политического деятеля (честность, смелость, ответственность, интеллектуальные способности и др.) являются для избирателей более важными, чем биологические (пол, возраст, физическая форма). Для сербских СМИ биологические характеристики политического деятеля вообще неважны, что подтверждается наличием единичных примеров такой лексики при создании положительного имиджа политика.

Помимо лексики, употребляемой в прямом значении, для создания имиджа политического деятеля широко используется метафора.

Метафора в политическом дискурсе является коммуникативным средством, которое оказывает мощное воздействие на интеллект, чувства и волю адресата. Она выделяет отдельные, выгодные для политического лидера свойства его личности, что позволяет манипулировать общественным сознанием.

Анализ практического материала показал, что по признаку принадлежности к части речи метафоры, используемые в политическом дискурсе, можно разделить на следующие группы:

В русских печатных СМИ:

- субстантивные – 65%,
- адъективные – 23,5%,
- глагольные – 11,5%.

В сербских печатных СМИ:

- субстантивные – 90%,
- глагольные – 10%.

Наиболее часто для номинации политического деятеля в обоих языках используются субстантивные метафоры. Особенно востребованными являются такие сферы переноса, как «спорт» и «военная служба». При помощи такой субстантивной метафоры в политическом дискурсе может быть представлена характеристика отношения к политическому деятелю со стороны другого политика или со стороны избирателей. В сербском политическом дискурсе, помимо метафоры, также востребованной является метонимия, на основе смежности места, населенного пункта (Сербии) и его жителей.

Адъективные метафоры являются менее частотными. Они используются как для обозначения положительных качеств самого политического деятеля, так и для обозначения значимых для его имиджа факторов. В сербских печатных СМИ адъективные метафоры не используются.

Глагольная метафора имеет низкую частотность употребления в изученном материале, с её помощью образную номинацию получают действия политика.

Сербские и русские печатные СМИ используют похожие метафорические образы, но в русских медиа количество метафор, выше, чем в сербских. Это может указывать на более выраженное стремление русского политического языка к образности, показателем которой как раз и являются метафоры.

При создании положительного имиджа политика для эффективного воздействия на сознание избирателей печатные СМИ ориентируются на точку зрения электората. Анкетирование позволило выявить стереотипный образ идеального политика в сознании российского и сербского электората. По результатам проведённого анкетирования и сопоставления его с текстами печатных СМИ можно сделать вывод, что идеальный политик в сознании российского электората – это честный, ответственный, справедливый мужчина-патриот в возрасте от 40 до 50 лет, с доброжелательной улыбкой и светлым взглядом, следящий за своей внешностью и физической формой. Идеальный политик в сознании сербского электората – это честный, искренний, храбрый и справедливый человек в возрасте от 40 до 50 лет, с аккуратным внешним видом.

Таким образом, можно прийти к выводу, что печатные СМИ создают положительный образ политического деятеля с помощью определённых лексических средств, используемых как в прямом, так и в метафорическом значении. При этом, с одной стороны, они ориентируются на стереотипные представления социума об идеальном политику (в большей мере русские печатные СМИ), а с другой - способствуют формированию этих стереотипов в сознании читателя. Такой подход позволяет средствам массовой информации оказывать значительное влияние на сознание людей и характер их восприятия личности политика.

(Преузето из: Лапыгина, М. В. Лексические средства создания положительного имиджа политика в русских и сербских печатных СМИ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Воронеж 2017)

•

Заключение

В современных лингвистических работах постоянно поднимается вопрос о необходимости и целесообразности системного изучения ономатической лексики художественного текста, анализ которой приводит к пониманию идеального замысла произведения и индивидуальных особенностей слога писателя. Нам, в этой связи, представляется актуальным обращение к исследованию антропонимикона повести Куприна «Яма». Раскрыть художественное своеобразие ономастической поэтики А. И. Куприна – это значит более полно выявить специфику художественно-образного мышления писателя, определить его вклад в русскую литературу.

В ходе исследования номинативной системы повести мы пришли к выводу, что выбор того или иного имени не случаен. Автор, отбирая именование, пытается воссоздать реалистичную картину быта людей, опустившихся на низшую социальную ступень, а также присвоить персонажам те свойства, которые, по сложившимся в общественном сознании стереотипам, скрыты в имени. Это подтверждает мысль о том, что набор антропонимов, используемых автором в произведении, носит преднамеренный характер. В частности, используя определенные структурно-грамматические типы онимов, А.И. Куприн нарисовал в повести «Яма» убедительный социальный, психологический и коммуникативный портрет Росси конца XIX - начала XX века. Так, автор избирает для номинации персонажей известные традиционному русскому именнику назывные формулы: 1) одночленные антропонимические модели (106 онимов), 2) двучленные антропонимические модели (67 онимов) и 3) трёхчленные антропонимические модели (5 онимов). Кроме того, в повести нашли применение безантропонимные номинации, отсылающие к названиям родства, характеристикам по социальному или профессиональному статусу и т.д.

Однословные антропонимические структуры представлены личными именами, фамилиями, псевдонимами и прозвищами. В бытовом общении герои повести А.И. Куприна «Яма», как правило, обращаются друг к другу лишь одним назывным словом – с помощью личного имени. Личным именем в его полной паспортной (официальной) форме автор называет персонажей при первом знакомстве и представлении кому-либо или напоминании о нем. В большинстве случаев официальные формы имени выражают уважение к адресату, дистанцированность между участниками общения. Неофициальные формы личных имён (59 онимов) в повести представлены тремя разновидностями: 1) гипокористическое имя (Женя, Паша, Маня и др.), 2) диминутивное имя (Женечка, Анnochка, Феклуша и др.), 3) пейоративное имя (Сенька, Тамарка, Манька и др.).

Фамильные номинации в исследуемом тексте бытуют среди студентов (гостей заведения), т.к. они находятся в полуофициальных отношениях друг с другом, а также упоминаются в официальных документах (паспорт, медицинская справка и т.д.), либо в официальных ситуациях, например, на приёме у врача.

А.И. Куприн, обозначая фамильным именем персонажей повести, пользовался следующими путями: а) вводил реальные фамилии, существовавшие в период создания художественного текста; б) употреблял видоизмененные реальные фамилии; в) создавал абсолютно новые фамилии по моделям реальных.

В ходе анализа фактического материала были установлены следующие типы фамилий: 1) известные русскому именнику фамилии с формантами -инский / -иньский (Чаплинский) и -ский (Ровинская), 2) фамилии русского происхождения, образованные с помощью продуктивных суффиксов -ов, -ович, -ев (Гладышев, Рязанов), 3) фамилии, оформленные иноязычными морфемами (Треппель, Дорошенко, Нижерадзе и др.).

К однокомпонентным номинациям был отнесён ряд псевдонимов, которые использовались персонажами повести «Яма» из необходимости скрывать своё подлинное имя (Тамара, Женя). Мотивы выбора псевдонима различны и, как правило, прямо или косвенно интерпретируются в тексте.

Организующим центром при образовании двухсловных антропонимических формул повести А.И. Куприна является личное имя, с которым сочетаются все остальные простые антропонимы; функция второго компонента (отчества, фамилии, прозвища) состоит в уточнении и конкретизации именуемого лица.

Двухкомпонентные именования используются Куприным в разных ситуациях. Однако стоит сказать, что такие двучленные номинации, как собственное имя + прозвище употребляются чаще остальных (16 ономов): Манька Крокодил, Сонька Руль, Манька-скандалистка, Катька Толстая и др. В повести прозвища получают только девушки Заведения и обитатели Ямы, вероятно, потому, что данные персонажи имеют низкий социальный статус и в их среде прозвища являются обыденным явлением. Подобные именования присваиваются окружающими чаще всего на основании внешних признаков или черт характера героя, реже - с основой на личное имя. По нашим наблюдениям, первый тип номинаций используется не столько для идентификации лица, сколько для его оценочной характеристики, при этом их (номинаций) референтность возможна лишь в рамках ограниченного коллектива, когда участники коммуникации знают, о ком идет речь.

Модель «личное имя + фамилия» используются для называния студентов и кадетов – гостей заведения в момент, когда автор впервые

представляет персонажей читателю. Кроме того, такие сочетания используются среди девушек, в частности в официальных ситуациях общения (например, на медицинском приеме) и при составлении документа (паспорта, справки и проч.).

Многочленные номинации, т.е. состоящие из трёх и более компонентов представлены в исследуемом тексте меньшим количеством примеров (5 единиц): Семен Яковлевич Горизонт, Иосиф Иванович Венгженовский и др. Подобные именования используются исключительно для обозначения людей высокого социального статуса. Такие номинации автор употребляет в момент представления персонажа кому – либо (в официальной обстановке), либо в официальных документах (справки, счета и т.д.).

В повести «Яма» система именований может расширяться за счёт употребления апеллятивных знаков в роли имен собственных (хозяйка, девица, девочки, румяные разбитные солдатки и чернобровые сдобные ямские вдовы). Апеллятивная лексика в таких случаях выполняет номинативную и идентифицирующую функции, также она способна выразить экспрессию, дать авторскую оценку и т.д. У нарицательного слова появляется новый семантический план – авторский, или одновременно оживаются и объединяются признаки разных значений, свойственных общенародному языку.

Анализ фактического материала позволил систематизировать имеющиеся апеллятивы в следующие группы: 1) лексика родства (моя кузина, двоюродная сестра, муж, брательники и т.д.), 2) социальная лексика (мадам, господин, швейцар, надзиратель, аптекарский ученик, певица, присяжный поверенный и т.д.), 3) оценочная лексика (девица, студентик и т.д.), 4) лексика, указывающая на возраст персонажей (молодой человек, старичок, девушка, баба, тетя и т.д.), 5) лексика, указывающая на национальность персонажей (еврей, еврейка, немец, компания немцев и т.д.).

В исследуемом тексте представлены три типа номинации нарицательными именами (апеллятивами): 1) простая (однословная) номинация – апеллятив (дамы, господа, солдатики, девочки, девицы); 2) составная (состоящая из двух слов) номинация (молодой человек); 3) сложная (апеллятив + имя собственное) апеллятивная номинация (студент Лихонин, приват-доцент Ярченко).

Таким образом, в зависимости от ситуации, в которой реализуется на страницах повести персонаж, вводимый писателем чаще всего с помощью имени собственного, меняется и идентифицирующая с ним антропонимическая конструкция. Вариативность именований персонажей зависит и от того, в авторской речи или речи персонажей появляется онимная номинация действующего лица.

Семантико-стилистические возможности именований персонажей позволяют все поэтонымы повести разделить на три основные группы: а) имена, обладающие функцией «семантической характеристики», б) имена, осуществляющие «общеэкспрессивную» функцию, в) имена, осуществляющие функцию указания на социальную, национальную принадлежность. Кроме того, в повести обнаружены имена реальных исторических лиц, которые создают лингвокультурный фон произведения, благодаря чему читатель формирует представление о месте действия, о стране, где разворачивается история, о нравах, традициях персонажей. Аналогичная задача в какой-то степени стоит перед аллюзивными именованиями, которые вводятся Куприным не только для того, чтобы наполнить текст дополнительными смыслами и ассоциациями, усилить его оценочную составляющую, но и для того, чтобы связать вымышленную реальность с реальностью исторической, локальной.

В результате анализа фактического материала было установлено, что антропонимы А. И. Куприна выполняют следующие функции: 1) номинативная (дифференциальная, идентификационная) функция; 2) номинативно-стилистическая; 3) стилистическая функция, которая проявляется либо как а) информационно - стилистическая, либо как б) эмоционально – стилистическая; 4) экспрессивная функция.

Смысловой нагрузкой обладают не только имена персонажей, но и периферийные онимы: топонимы (оиконимы, урбанонимы, гидронимы и т.д.), идеонимы, хрематонимы, эргонимы, зоонимы, гемеронимы и т.д. Они выступают маркерами пространства и времени, являются важными знаками изображаемой действительности.

Значение литературных имен собственных, таким образом, варьируется в широких пределах, оно потенциально открыто, принимает, как нам представляется, множество семантических признаков. Это связано с тем, что в условиях художественной коммуникации онимическая номинация “работает” не сама по себе, а в тесной и ощутимой зависимости от ближайшего и общего контекста произведения. Онимы организуют целостное отражение реальной действительности, свойственное своему историческому времени, преломленному в творчестве конкретного автора. В условиях художественной действительности поэтонымы выступают как эстетически значимые и информативно объективные знаки образа мира – мира, который творчески воссоздается в соответствии с замыслом писателя.

(Преузето из: Орлова, В. Ономастическое пространство повести А. И. Куприна ‘Яма’. Мастер рад. Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017.)

Обликовање списка скраћеница

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (Большой академический словарь)

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. (Большой академический словарь, 2-е издание)

Деян. — Деяния святых Апостолов

еп. — епископ

иером. — иеромонах

Ин. — Евангелие от Иоанна

кол. — количество

МАС — Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (Малый академический словарь)

митр. — митрополит

о. — отец

преп. — преподобный, -ая

прот. — протоиерей

Пс. — псалом

РПЦ — Русская Православная Церковь

свящ. — священник

СО — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка

СОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка

СРЯ — современный русский язык

СРЛЯ — современный русский литературный язык

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.

СПЦК — *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры

ТСУ — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова

1 Кор. — 1 Послание апостола Павла к Коринфянам

(Преузето из: Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Москва 2004.)

Обликовање списка извора и литературе

•

Литература

1. **Арутюнова 1977:** Н. Д. Арутюнова, Языковая номинация: *Общие вопросы*. М.: Наука, 1977. С. 360.
2. **Ахманова 1969:** О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 607 с.
3. **Бондалетов 1983:** В. Д. Бондалетов, *Русская ономастика*. М.: Просвещение, 1983. С. 224.
4. **Бондаренко 2004:** Т. А. Бондаренко, *Имя нарицательное как средство обозначения героя художественного произведения (на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»)*, в: Славяно-русское духовное пространство в Сибири: В 2 ч. Ч. 1. Тюмень, 2004. С. 61-64
5. **Васильева, Ворошилова 2009:** Васильева С. П. и Е. В. Ворошилова, *Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей*. Красноярск.: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. С.138.
6. **Влахов, Флорин 1978:** Влахов С. и С. Флорин, *Непереводимое в переводе*. М., 1978.
7. **Горбаневский 1988:** М. В. Горбаневский, *Ономастика в художественной литературе*. М. 1988. С. 88.
8. **Дорогая 1985:** В. Б. Дорогая, *Имя собственное и нарицательное в системе именований персонажа: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Л.*, 1985. С.22.
9. **Зайцева 1973:** К. Б. Зайцева, *Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций*. Одесса, 1973. С. 37-39.
10. **Калинкин 1997:** В. М. Калинкин, *Поэтика онима*. М.: Просвещение, 1997. С. 201.
11. **Карпенко 1970:** М. В. Карпенко, *Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса*. Одесса, 1970. С. 24.
12. **Карпенко 1986:** Ю. А. Карпенко, *Имя собственное в художественной литературе*. М., 1986. С. 34-40.
13. **Кузнецова URL:** Е. В. Кузнецова, *Имя собственное как средство интродуктивной номинации персонажа в художественном тексте (на материалах рассказов А. П. Чехова и А. И. Куприна)* [Электронный ресурс], URL: http://movozenavstvo.com.ua/download/pdf/2013_2/15.pdf (24.04.2018)
14. **Куприн 2014:** А. И. Куприн, Яма. М.: Эксмо, 2014. С. 416.

15. **Кухаренко 1988:** В. А. Кухаренко, *Интерпретация текста*. М.: Просвещение, 1988. С. 358.
16. **Липихина 2003:** Е. Л. Липихина, *Структура и функции поэтонимов в художественных текстах для детей (на материале произведений А. М. Волкова, Н. Н. Носова, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского)*: Дисс. ... канд. Филол. наук. Тюмень, 2003. С. 222.
17. **Медведева 2013:** К. М. Медведева, *Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов квалитативных форм русских антропонимов*. М.: Молодой ученый, 2013. С. 487-490.
18. **Милейко 2015:** Е. В. Милейко, *Типы повторных номинаций-апеллятивов в прозе И.А. Бунина*. Краснодар: Научные труды КубГТУ. 2015. № 9. 11 с. [Электронный ресурс], URL: <http://ntk.kubstu.ru> (15.05.2018).
19. **Михайлов 1987:** В. Н. Михайлов, *Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование*. Диссертация. М., 1956, с.60.
20. **Никонов 1974:** В. А. Никонов, *Имя и общество*. М.: Наука, 1974. С. 278.
21. **Патенко 2007:** Г. Р. Патенко, *Русская антропонимия романтического пространства Д. И. Стакеева: Автoreф. дисс. ...канд. филол. наук*. Елабуга, 2007. С. 23.
22. **Петровский 2000:** Н. А. Петровский, *Словарь русских личных имен: более 3000 имен, старинных и новейших, полных и уменьшительных; что означает имя; когда празднуются ваши именини; некоторые сведения о святых угодниках на Руси*. Москва: Астрель, 2000. С. 477.
23. **Подольская 1988:** Н. В. Подольская, *Словарь русской ономастической терминологии*. М.: Просвещение, 1988. С. 236.
24. **Реформатский 1967:** В. В. Реформатский, *Введение в языковедение*. М.: Наука, 1967.
25. **Сивцова 2008:** А. А. Сивцова, *Имена собственные в лирике Н.И. Рыленкова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Калининград: Российский государственный университет имени Иммануила Канта, 2008.
26. **Селищев 1968:** А. М. Селищев, *Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ*. М.: Просвещение, 1968.
27. **Суперанская 1973:** А. В. Суперанская, *Общая теория имени собственного*. М.: Наука, 1973.
28. **Суперанская, Суслова 1984:** Суперанская А. В. и А. В. Суслова, *Современные русские фамилии*. М.: Наука, 1984. 176 с.
29. **Фонякова 1990:** О. И. Фонякова, *Имя собственное в художественном тексте*. Л., 1990.
30. **Фролов 1994:** Н. К. Фролов, *Функции антропонимов в художественном тексте*. Тюмень, 1994. С. 157-164.

31. **Фролов 2005:** Н. К. Фролов, *Избранные работы по языкоznанию: соч. в 2 т.* Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2005.

(Преузето из: Орлова, В. Ономастическое пространство повести А. И. Куприна 'Яма'. Мастер рад. Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017.)

•

Словари

1. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. — Репринт: СПб, 1899. — М., 1991. — VIII, [658] с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Репринт с изд.: СПб.-М., 1880-1882. — СПб., 1996.
3. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. — М., 2000. — 846 с.
4. *Живов В. М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. — М., 1994. — 112 с.
5. *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний. — М., 2003. — 784 с.
6. Лексические трудности русского языка: Словарь-справочник / А. А. Семенюк и др. — 3-е изд., стереотип. — М., 2000. — 586 с.
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. С. П. Обнорского — 3-е изд. — М., 1953. — 848 с.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1996. — 928 с.
9. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. — 3-е изд., стереотип. — М., 1987. — 704 с.
10. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имён. — М., 1966. — 384 с.
11. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. — Репринт с изд.: Б/м, 1900. — М., 1993. — XXXVIII, 1120 с.
12. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII-XIX вв. — СПб.; М., 2004. — 680 с.
13. *Саяхова Л. Г., Хасanova Д. М., Морковкин В. В.* Тематический словарь русского языка / Под редакцией проф. В. В. Морковкина. — М., 2000. — 560 с.
14. *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры / ИЛИ РАН. — СПб., 2000. — 280 с.
15. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М., 1991.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1999.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.-Л., 1950-1965.

18. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. — 2-е изд., перераб. и доп.— М., 1991 — Т. 1. — 864 с.
19. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. — Репринт: СПб., 1893-1912. — М., 1989.
20. Тихонов А. Н. и др. Словарь русских личных имен. — М., 1995.
21. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. — 2-е изд., стереотип. — М., 1990.
22. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; Под ред. Г. Н. Скляревской. — М., 2001. — 944 с.
23. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935-1940.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — СПб., 1996.
25. Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, часослова... / Сост. прот. А. Свириедин. — Репринт: М.-Петроград, 1916. — М., 2000. — VII, 200 с.
26. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1994. — 400 с.
27. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. — М., 2004. — 1024 с.
28. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — Т. 1-7. — М., 1963-1987.
(Преузето из: Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Москва 2004.)

ПРИМЕРИ ОБЛИКОВАЊА МОНОГРАФИЈА И ЗБОРНИКА НА РУСКОМ ЈЕЗИКУ

Обликовање увода

Введение

Данное издание выходит в серии «Коммуникативное поведение», выпускаемой Центром коммуникативных исследований Воронежского университета как продолжающееся научное издание.

Монография подготовлена в рамках совместного научного проекта Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ, Института

славистики университета им. М.Лютера (Галле, ФРГ) и Центрально-Черноземного регионального отделения НМС по иностранным языкам.

Это первое в серии «Коммуникативное поведение» издание, посвященное академическому общению – так авторы монографии обозначили общение в школе, вузе и научной сфере.

Несмотря на имеющие уже длительную историю контакты между учебными и научными учреждениями разных государств, как ни странно, особенности общения в этой сфере не были предметом специального исследования лингвистов. Имеются лишь разрозненные наблюдения над жизнью школ и университетов, которые нуждаются в обобщении и систематизации.

Данную монографию мы рассматриваем как первую попытку такой систематизации. Мы включили в нее как новые, ранее не публиковавшиеся материалы, так и ряд статей по поданной тематике, уже опубликованных в разные годы в изданиях нашей серии и некоторых других изданиях. Публикуемые материалы неравноценны по глубине и содержанию, в них есть и чисто страноведческие сведения, но мы посчитали необходимым опубликовать в одном томе то, чем наша проблемная группа располагает сейчас в области изучения академического общения с тем, чтобы познакомить читателя с тем, что сделано, и стимулировать исследования в данной области.

Включены в монографию также предварительные материалы по основным параметрам описания академического общения, которые разработаны нами на данном этапе. Разумеется, модель описания, в которой эти параметры представлены, нуждается в уточнении, расширении и совершенствовании, но мы полагаем, что и в данном виде она может послужить методологической основой для конкретных исследований, в ходе которых она будет дополнена и развита.

Издание предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей русского и иностранных языков, специалистов по межкультурной коммуникации, лиц, собирающихся на научные или учебные стажировки или обучение за рубежом.

Редакция с благодарностью примет любые дополнения и уточнения а также любые новые материалы по проблемам академического общения от всех заинтересованных лиц для продолжения данной серии изданий (sternin@phil.vsu.ru).

(Преузето из: Стернин, И. А., М. А. Стернина, Х. Эккерт (ред.). Академическое общение. Сборник. Воронеж: Истоки, 2009, с. 4)

Обликовање закључка

Заключение

Академическое общение, понимаемое в данной монографии как общение в учебной и научной среде, несомненно является важным и интересным объектом изучения. Он зависит как от экстраполингвистических факторов – системы образования и академических традиций страны, менталитета народа, его культурных традиций, так и от особенностей собственно национального коммуникативного поведения народа, понимаемого как совокупность норм и традиций общения народа.

В монографии были рассмотрены как некоторые общие принципы описания академического общения в его национальных формах – общая модель описания академического общения (глава 1), так и национальные особенности академического общения в ряде стран – США, Финляндии, Германии, Италии, Франции, Англии, Польши, Литвы (главы 2-6). Описание проводилось в контрастивном плане – на основе имплицитного сопоставления с русским академическим общением.

Предложенные описания, естественно, носят достаточно фрагментарный характер – в науке еще отсутствует опыт системного описания тех или иных национальных аспектов общения, однако авторы монографии полагают, что данное издание принесет пользу читателям, которые захотят знакомиться с особенностями общения в академической сфере разных стран и выявить те направления академического общения разных народов, которые требует осмысления и сопоставления с академическим общением в родной стране читателя.

Дальнейшие исследования академического общения в разных странах видятся нам именно в совершенствовании общей модели описания академического общения и сопоставления по данной модели особенностей академического общения разных коммуникативных культур, что позволит, несомненно, существенно облегчить и оптимизировать межкультурное академическое общение в объединяющемся мире.

(Преузето из: Стернин, И. А., М. А. Стернина, Х. Эккерт (ред.). Академическое общение. Сборник. Воронеж: Истоки, 2009, с. 189)

Излагање историјата питања

1.4. История теолингвистики

1.4.1. Теолингвистические исследования в английском и немецком языкоznании

История английской и немецкой теолингвистики описана в уже известной нам работе Э. Кухарской-Драйсс. Как отмечает названный автор, в 60-х годах XX века попытки теологов описать в доступной форме все, что связано с Богом, привели к созданию направления, названного теографией. Автором этого термина принято считать англиканского богослова и исследователя «Нового Завета» J.A.T. Robinson'a – автора книги «Быть честным перед Богом» («Honest to Cod») [Robinson 1963 / Робинсон 1993].³ В «Библиологическом словаре» Александра Меня дается более подробная информация об этом авторе [Мень 2002, Т. 3, 42-43].⁴

В настоящее время теографии посвящено достаточно много работ, в числе которых может быть названа докторская диссертация профессора факультета английской филологии в Университете Либре в Брюсселе Ж. П. ван Ноппена / J.-P. van Noppen'a «Общая теография: лингвистические и коммуникативные исследования в британской популярной теологии / Spatial Theography, A Study in Linguistic Expression and Communication in British Popular Theology» [Noppen 1980].⁵

Ж. П. ван Ноппен, которого Э Кухарска-Драйсс называет «отцом теолингвистики», понимает под теографией «дескриптивную теологию, которую считает разделом теологии, занимающимся практическим и популярным описанием Божьей действительности с целью ее более доступного понимания, объяснения и изучения. Этой дефиниции сопутствует очень характерное и без сомнения дискуссионное понимание теологии как «грамматики» логоса о теосе, или как науки, предметом которой, с лингвистической точки зрения, являются высказывания о

³ J. Robinson. Honest to Cod. London, 1963 (русская версия Робинсон Дж. Быть честным перед Богом / Пер. с англ., биогр. ст., comment. Н. Балашова. — М.: Вышш. шк., 1993.— 159 с.)

4 Робинсон (Robinson) Джон Артур Томас // А. Мень Библиологический словарь: В 3 т. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002.. Т. 3: Р-Я. – С. 42-43.

⁵ J.P. van Noppen's doctoral dissertation (ULB 1980), *Spatial Theography, A Study in Linguistic Expression and Communication in British Popular Theology*. Ann Arbor, Mich.: UMI, 1980;

J. .P. van Noppen: "In as a Theographic Metaphor" in *Theolinguistics*. Brussel, V.U.B. (Studiereeks, Nieuwe serie, n° 8), 1981, pp. 231-247.; J.P. van Noppen: *Erinnern, um Neues zu sagen. Die Bedeutung der Metapher für die religiöse Sprache*. Frankfurt, Athenäum Verlag, 1988, esp. pp. 38-46;

Théographies. Une collection d'essais et de textes. Bruxelles, P.U.B., mars 2004; *Voices of Power*, ed. M. Maufort & J.P. van Noppen. Liège, L3/Belgian Association of Anglists in Higher Education, 1997.

Боге вообще, а не сам Бог» [Noppen 1980; Noppen 1988, s.7; Noppen 1988, s. 38-46] (перевод – А.Г.).⁶

Ж. П. ван Ноппен считает, что должна существовать не только теологическая наука - теография, но и лингвистическая наука - теолингвистика, охватывающая «круг интересов, которые имеют такую же длительную и богатую историю, как и развитие человеческого языка с его средствами концептуализации и выражения. Это сфера понимания Бога человеком <...>; в первую же очередь, этот термин имеет отношение к заинтересованности человека языком, корни которой уходят в столетия и которая должна была вызвать в Церкви многочисленные дискуссии на тему религиозного языка <...>. Вначале эта дискуссия не выходила за четко очерченные границы круга теологов и философов. Однако по мере нарастания интереса к этой проблеме в нее включились лингвисты, психологи, антропологи и социологи. Интерес к религиозному языку, который впоследствии был назван революцией, очень быстро стал причиной продуктивных изысканий, имеющих своей целью не столько решение фундаментальных и вечных проблем теологии, сколько положительную оценку отдельных явлений в сфере религиозного языка» [Noppen 1981, s. 1] (перевод – А.Г.).⁷

В действительности, как отмечает Э. Кухарска-Драйсс, этот термин появился в работах названного автора гораздо раньше.⁸ Однако он не был связан ни с одной из приведенных здесь дефиниций.

Стремясь «навести порядок» в терминологии, Ж. П. ван Ноппен не только отделил теолингвистику от теографии, и тем самым от теологии, но и выделил внутри теолингвистики такой раздел, как «критическая теолингвистика» («critical theolinguistics»).

Для того чтобы понять позицию названного автора, необходимо, на наш взгляд, познакомиться с дефинициями следующих терминов «теолингвистика», «критическая лингвистика», «критическая теолингвистика», которые нам предлагает Ж. П. ван Ноппен.

«Теолингвистика – это наука, которая пытается описать то, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к Богу, а

⁶ J.-P. van Noppen (red.), *Erinnern um Neues zu sagen*, Athenäum, Frankfurt a. M. 1988, s.7.; J.P. van Noppen: *Erinnern, um Neues zu sagen. Die Bedeutung der Metapher für die religiöse Sprache*. Frankfurt, Athenäum Verlag, 1988, esp. 38-46; J.P. van Noppen's doctoral dissertation (ULB 1980), *Spatial Theography, A Study in Linguistic Expression and Communication in British Popular Theology*. Ann Arbor, Mich.: UMI, 1980.

⁷ J.-P. van Noppen (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr. 8). VUB, Brussels 1981, s. 1 (цит. по E. Kucharska-Dreiß, 2004, *Teolinguistika – próba popularyzacji terminu, [w:] Język religijny dawniej i dziś*, red. S. Mikołajczak, T Węsławski, Poznań, s. 24).

⁸ J.-P. van Noppen, *Alter Wein in neuen Schläuchen? Ein Beitrag zur empirischen Betrachtung von Kommunikationsproblemen in der Rede von Gott* w: „Linguistica Biblica. Interdisziplinare Zeitschrift für Theologie und Linguistik“ 37, 1976, s. 1.

также то, каким образом язык функционирует в религиозных ситуациях, в ситуациях, не соответствующих жестким стандартам непосредственной односторонней коммуникации, и которые, с другой стороны, несмотря на это, совпадают с логикой его описания в таких известных формах, как метафора или речевой акт» [Noppen 1995, Afl. 3, s. 693] (перевод – А.Г.).⁹

«Критическая лингвистика объясняет и часто выделяет в пределах дискурса те средства, которые служат для передачи идеологического содержания - системы верований или мировоззрений, которые в данном обществе должны быть приняты как очевидные, часто в скрытой форме, допустимой людьми, располагающими возможностью детерминировать людскими мыслями и действиями с целью подчинения их классовым или партийным интересам.

Теолингвистика стремится описать, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к предположительно существующей не-человеческой форме не-земного бытия, а также то, как язык функционирует в «религиозных» ситуациях.

Критическая теолингвистика, объединяет в себе две дисциплины и старается выяснить, употреблялся (употребляется) ли религиозный язык и каким образом, и что очень важно, нерелигиозной идеологией. И, если такой факт имеет или имело место, пытается дать критиковать вырывание религиозного дискурса из его первоначального контекста» [Noppen 1996, s. 1.] (перевод – А.Г.).¹⁰

«Распространение термина «теолингвистика», как отмечает Э. Кухарска-Драйсс, - несомненно, является заслугой Д. Кристала/D. Crystal'a, который включил его в 1987 году в «The Cambridge Encyclopedia of Language»¹¹.

Д. Кристал, среди обширнейшего научного наследия которого более двух десятков работ, посвященных языку религии и религиозной коммуникации в целом, в «Словаре лингвистики и фонетики/ Dictionary of Linguistics and Phonetics» предлагает такое определение теолингвистики:

⁹ Noppen J.-P. Van. Methodist Discourse and Industrial Work Ethic. A Critical Theolinguistic Approach, [in:] «Belgisch tijdschrift voor filologie en geschiedenis» 73, 1995, Afl. 3: „Modernę taalen letterkunde“, s. 693. (цит. по: Kucharska-Dreiss E., 2004, *Teolinguistyka – próba popularyzacji terminu*, [w:] *Język religijny dawniej i dziś*, red. Mikołajczak S., Węsławski T., Poznań, s. 24).

¹⁰ Noppen J.-P. van, Critical Theolinguistics: Methodism, its Discourse and its Work Ethic (= Working paper in preparation for the L.A.U.D. Symposium, Series A, General and Theoretical Papers, Paper No. 400), Linguistic Agency University of Duisburg, Duisburg 1996, s. 1 (цит. по: Kucharska-Dreiss E., 2004, *Teolinguistyka – próba popularyzacji terminu*, [w:] *Język religijny dawniej i dziś*, red. Mikołajczak S., Węsławski T., Poznań, s. 29).

¹¹ Wagner A., Theolinguistik? – Theolinguistik!. Hg. Spilman H.O., Warnke I., Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik. Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997 (= Linguiistik International 1). Peter Lang, Frankfurt a. M. i in. 1999, s. 507-512.

«Это термин, обозначающий науку, которая изучает отношение «язык: религиозная теория и практика», отношение, эксплицируемое в текстах церковных ритуалов, в языке Священного Писания, в текстах проповедей, в молитвах, в посланиях иерархов церкви и в индивидуальных высказываниях верующих» [Crystal 2003, с. 463].¹²

Одновременно с появлением «The Cambridge Encyclopedia of Language» на немецком языке под названием «Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache» (1995) на книжном рынке Германии теолингвистика, определяемая как дисциплина, исследующая язык библеистов (иеговистов), теологов и других лиц, занимающихся теорией религии и практикующих верующих [Crystal 1987; 1995, с. 412] (перевод – А.Г.)¹³, постепенно начинает занимать место в немецком языкознании.

Д. Кристал в «Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache» поместил теолингвистику в список дисциплин, занимающихся интердисциплинарными исследованиями («Interdisciplinäre Bereiche»): антропологическая лингвистика -anthropologische Linguistik; прикладная лингвистика - angewandte Sprachwissenschaft; биологическая лингвистика - biologische Linguistik; клиническая лингвистика/ klinische Linguistik; компьютерная лингвистика - Computerlinguistik; didaktическая лингвистика - didaktische Linguistik; этнолингвистика /Ethnolinguistik; лингвистическая география - Sprachgeographie; математическая лингвистика/ matematische Linguistik; нейролингвистика-Neurolinguistik; философская лингвистика - philosophische Linguistik; психолингвистика - Psycholinguistik; социолингвистика - Soziolinguistik; статистическая лингвистика - statistische Linguistik; теолингвистика - Theolinguistik. [Crystal 1995 s. 412] (перевод – А.Г.).¹⁴

В этой же энциклопедии есть раздел «Язык и религия - Sprache und Religion», в котором рассматриваются проблемы религиозного языка [Crystal 1995 s. 384-385].¹⁵

Автором программной статьи на эту тему в Германии является А. Вагнер/ A. Wagner, опубликовавший в Германии статью «Теолингвистика? – Теолингвистика! / «Theolinguistik? – Theolinguistik!»

¹² Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Harmondsworth: Penguin Books, 2003. – 508 pp.

¹³ D. Crystal., Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a.M.-New York 1995 [оригинал: D. Crystal, The Cambridge Encyclopedia of Language, Cambridge University Press, Cambridge-New York-Melbourne 1987], s. 412).

¹⁴ D. Crystal. Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a.M.-New York 1995, s. 412.

¹⁵ Sprache und Religion // D. Crystal, Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a.M.-New York 1995, s. 384-385.

[Wagner 1999, s. 507-512]¹⁶, который говорит о пользе взаимодействия обеих наук – теологии и лингвистики. Исследователь указывает также на «лакуны», обнаруженные в проводимых ранее исследованиях, и выдвигает конкретные исследовательские проекты, например, такие, как языковедческий анализ отдельных элементов службы в Церкви и их взаимодействие, анализ высказываний на религиозные темы (например, на тему смерти близкого человека), анализ языка катехизиса (в том числе анализ языка бесед по подготовке молодежи к обряду миропомазания), анализ архаичных фраз и синтаксических структур. Обращая внимание на то, что общественная деятельность священнослужителей во многом связана с их вербальной активностью, очень важно и необходимо перечисление причин, по которым должны проводиться исследования, о которых пишут А. Вагнер и другие ученые» [Kucharska-Dreiß 2004, s. 25.] (перевод – А.Г.).¹⁷

«Следующим подтверждением того, что языковедческая дисциплина, называемая «теолингвистикой», заполняет пустоту в «систематическом каталоге» языковедческих дисциплин, является ее наличие в уже изданных или только запланированных публикациях обзорного характера. Так, например, немецкие авторы в систематике общего языкознания поместили теолингвистику в главе 20 «Sprachwissenschaft in «Kooperation mit anderen Wissenschaften / Языкознание во «Взаимодействии с другими науками»). Уже в параграфе 20.1, перед «Rechtslinguistik wid Forensische Linguistik» (раздел языкознания, занимающийся языком юриспруденции и криминалистики), перед «Wirtschaftslinguistik» (раздел языкознания, занимающийся языком экономики и народного хозяйства) и «Informationslinguistik» (компьютерная лингвистика) [Herbermann, Groschel, Wassner 1997, s. 53].¹⁸ К теолингвистическим аспектам авторы систематики обращаются также в параграфе 17.5 «Institutional linguistics» (институциональная лингвистика). В пункте 6, они помещают коммуникацию в Церкви (после коммуникации в политике, администрации, судопроизводстве, здравоохранении, образовании, перед такими пунктами, как экономика, техника, наука и спорт) [Herbermann, Groschel, Wassner 1997, s. 48] (перевод – А.Г.).¹⁹

¹⁶ Wagner A. Theolinguistik? – Theolinguistik! In: H.O. Spilman, I. Warnke (red.), Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik. Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997 (= Lingüistik International 1). Peter Lang, Frankfurt a. M. i in. 1999, s. 507-512.

¹⁷ E. Kucharska-Dreiß, 2004, *Teolinguistyka – próba popularyzacji terminu, [w:] Język religijny dawniej i dziś*, red. S. Mikołajczak, T Węsławski, Poznań, s. 24-25.

¹⁸ C.-P.Herbermann B. Groschel, U. H. Wassner, Sprache & Sprechen. Fachsystematik der Allgemeinen Sprachwissenschaft und Sprachensystematik. Mit ausführlichen Terminologie- und Hamenregistern, Harrassowitz, Wiesbaden 1997, s. 53.

¹⁹ C.-P.Herbermann B. Groschel, U. H. Wassner, Sprache & Sprechen. Fachsystematik der Allgemeinen Sprachwissenschaft und Sprachensystematik. Mit ausführlichen Terminologie- und

Аналогичным образом представлен термин теолингвистика в списке терминов, предшествующих работе над библиографией по метонимии и метафоре, подготовленной редакторским коллективом R. Dirven, C. Inchaurrealde, R. Schulze, B. Nerlich, Z. Todd» [<http://www.psyc.leeds.ac.uk/research/metaphor/MetBib/keywords.htm>, s. l.; по состоянию на 15.03.02.]²⁰.

Так выглядит в общих чертах история теолингвистики в английском и немецком языкознании. Об этом достаточно подробно пишет польская германистка Э. Кухарска-Драйсс [Kucharska-Dreiß 2004, s. 27-29].²¹

(Преузето из монографије: Гадомский, А. К. Теолингвистические исследования в славянском языкознании. Симферополь, ООО «Форма», 2017, с. 69-75)

ОБЛИКОВАЊЕ НАУЧНИХ ЧЛАНАКА

Бугаева Ирина (Россия, Москва)

ПРИТЧА В СОВРЕМЕННОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу современной миссионерской притчи, характеризующейся собственной целевой установкой, конкретным адресатом, определенными коммуникативными ситуациями, характерными языковыми средствами, новыми разновидностями, например, притча-поучение и притча-обращение.

Ключевые слова: жанр, притча, религиозный дискурс

Причча – один из самых древних жанров, сохранившихся до настоящего времени. За долгую историю бытования сформировались основные жанровые признаки, оформились разновидности, определилась

Hamenregistern, Harrassowitz, Wiesbaden 1997, s. 48.

²⁰ <http://www.psyc.leeds.ac.uk/research/metaphor/MetBib/keywords.htm>, s. l.; 15.03.02.

²¹ E. Kucharska-Dreiß, 2004, Teolinguistyczka – próba popularyzacji terminu, [w:] Język religijny dawniej i dziś, red. S. Mikołajczak, T Węsławski, Poznań, s. 27-29.

композиция, сложились характерные художественные особенности притчи. В современном определении притча – это «короткий рассказ, содержащий поучение в иносказательной форме, но без морали, прямого наставления. Мораль каждый извлекает (или не извлекает) из притчи сам, следует (или не следует) наставлениям. [...] Притча заставляет думать, понимать свои чувства и поступки, видеть промахи, становиться лучше. Притча учит нравственности» (Тумина 2007:7).

Основные признаки жанра притчи были отмечены в работах С.С. Аверинцева, Н.И.Прокофьева Е.К. Ромодановской, Н.Л Мусхелишвили и других. Л.Е. Тумина подробно изложила историю жанра притчи в античной, древнерусской литературе и в литературе Нового времени, проанализировала разновидности библейской притчи, дополнила и уточнила жанрообразующие признаки притчи. «Причта представляет собой малый эпический жанр, основным признаком которого все исследователи признают дидактизм, поучительный характер» (Тумина 2007:36). С.С. Аверинцев определяет притчу как «дидактико-аллегорический жанр, близкий басне» (Аверинцев 1964:20). Определение притчи, приводимое в Библейской энциклопедии, носит отголосок атеистического мировоззрения: «Причта – развернутая метафора или сравнение, часто превращающееся в краткое повествование, в основном используемое людьми библейских времен для дидактических целей» (Цит. по: Тумина 2007:31). Безусловно, жанр притчи не ограничивается только библейским периодом, либо стоит определить хронологические границы этого периода, так как для многих людей и сегодня Библия – главная книга. Более точное определение приводится в Библейском словаре шведского миссионера Э. Нюстрема: «Причта – евр. машаль. Причта, рассказ, взятый из истории или окружающей жизни, цель которого – запечатлеть духовные или нравственные истины. Греческое слово «параболэ» (притча) обозначает также “сравнение”, ибо при помощи притчей делают сравнение между естественными и духовными предметами и показывают соответствие между чувственным и духовным миром» (Нюстрем 1999:353). Далее Э. Нюстрем отмечает, что притчами часто пользовались пророки, чтобы «произвести впечатление на народ и князей», и Спаситель для изложения Своего учения. «Почти всего Его притчи имеют целью представить Царствие Божие с различных точек зрения». А «цель притчи заключается не в точной передаче события или явления природы, а в откровении высших духовных истин» (Нюстрем 1999:353). Именно эта функция изложения религиозного видения мира важна для нашего исследования, в котором анализируются притчи, бытующие в современной православной среде, которые мы называем **миссионерскими притчами**.

В настоящее время притча активно возрождается как миссионерский жанр, помогающий священнослужителям, катехизаторам, миссионерам отвечать ищущим Бога на сложные вопросы бытия: Кто таков Бог? В чем спасение? и т.д. Об актуальности и востребованности этого жанра говорит факт появления особых сборников современных религиозных притч. Так в серии «Библиотека игумена Евмения» вышло пять сборников под общим названием «Притчи православного миссионера» с подзаголовками: «Кто Ты, Господи?», «Учитель и ученик», «Я и мой путь», «Как рассказать о своей вере», «Кто мой ближний», подготовленных издательством «Свет Православия» (Евмений 2007), многие проповедники также часто прибегают к этому жанру.

Обращение к притче обусловлено тем, что этот жанр предполагает активное сотворчество автора и адресата. Так, «евангельские притчи в продолжение двух тысячелетий позволяют множеству людей находить в них свой собственный глубинный смысл и получать бесценное наставление. [...] Притчи облегчают понимание духовных законов, становящихся доступными» (Евмений 2007: 5-6). Притча одновременно информативна и поэтична.

К жанрообразующим признакам притчи относятся краткость, прямое/непрямое назидание, особый способ психологического воздействия на адресата (заставляет задуматься об основных вопросах бытия), аллегоризм повествования, обусловленность сюжета поставленной целью; концентрация на одной морально-нравственной идее, в той или иной степени восходящей к библейским заповедям и богословским догматам; обобщенность, вневременность, диалогичность.

Анализируемые тексты представляют собой несколько разновидностей миссионерской притчи, классифицируемых по композиции и тематически. Большинство текстов анонимны, но иногда известен автор.

Выделяются следующие тематические группы:

- притчи, о поиске и познании Бога;
- притчи о том, как жить в любви к ближнему, выполняя Христову заповедь;
- притчи о важности и ценности ученичества и послушания;
- притчи о поиске собственного жизненного пути;
- притчи, помогающие рассказать о вере и Боге другим.

Особенность любой притчи состоит в многозначности ее содержания. Адресованная людям разного возраста, образования, степени воцерковленности и богословской подготовки, притча может быть истолкована и интерпретирована по-разному. Это позволяет выделить несколько уровней восприятия. Так Л.Е. Тумина предлагает

три таких уровня: бытовой, обобщенный и богословский (Тумина 2007:38-39). Бытовой уровень – самый элементарный – это типичный жизненный эпизод, знакомый каждому. Обобщенный уровень восприятия предполагает, что ситуацию, в которой персонажу приходится делать нравственный выбор, читающий/слушающий (реципиент) примеряет на себя и решает, какой выбор он сам сделал бы в аналогичной ситуации. Самый высокий богословский уровень восприятия подразумевает умение соотнести бытовую ситуацию с одной из догматических истин.

Н.И. Прокофьев, а вслед за ним и Л.Е. Тумина выделяют несколько структурных типов притч в древнерусской литературе и классической риторике: притча-повесть, притча-басня, притча-пословица, притча-загадка (Прокофьев 1983, Тумина 2007). Л.Е. Тумина предлагает использовать в качестве критерия выделения структурных типов **характер поучения в притче** (Выд. Туминой – И.Б.). (Тумина 2007:53). Вооружившись этим критерием, выделяем следующие типы имеющихся у нас текстов современных миссионерских притч (числом более 230):

- классическая притча, восходящая к библейскому образцу;
- притча-повествование;
- притча-басня;
- притча-поучение, часто состоящая из нескольких афоризмов;
- притча-обращение.

Идеи, сюжеты для современных притч обычно берутся из реальной жизни, о чем свидетельствуют типичные бытовые ситуации, лексика (телефонная книга, маникюр, машина Ягуар, аэропорт, аллергия, бизнес, диссертация, исследовательский центр, отдать икону в музей, тираж, автомобиль, эксперт по семнадцатому веку, датировка, дискуссия, цветные фломастеры). Встречаются притчи, сюжет которых вызывает ассоциации с библейскими, но в них вневременность и современность переплетаются. В качестве примера приведем притчу «Судья и его сын». Изложим кратко довольно длинный сюжет. В одном городе жил справедливый Судья. Однажды он судил восемнадцатилетнего юношу, совершившего тяжкое преступление, которое по законам страны каралось смертной казнью. Судья не сомневался в справедливости приговора, но был подавлен, в глубине души не мог смириться с тем, что на эшафот надо отправить молодого человека. Оставшись один в своей комнате, Судья глубоко задумался. Он не имел права настаивать на помиловании, потому что закон требовал наказания. Но на объявление юноше смертного приговора у него не душевных сил. Неожиданно в комнату вошел его сын, который недавно с отличием окончил школу и поступил в университет на тот же факультет, где некогда учился и сам Судья. Сын предложил помочь отцу и разрешить его сомнения. Когда началось последнее

заседание суда, то вместо оглашения приговора встал сын Судьи и сказал, что в законе есть пункт, гласящий, что смертную казнь может принять за преступника другой человек, и что этим человеком станет он. Прошло несколько лет, бывший преступник после всего переехал в другой город, поступил в университет на вечернее отделение, нашел работу. Но все это время не мог забыть последнее виденное им выражение на лице Судьи, когда стража увела на казнь его родного сына. И однажды, найдя в старой телефонной книге адрес Судьи, он сел в автомобиль и через некоторое время оказался перед дверью дома. Дрожащей рукой нажал кнопку звонка, послышались шаги, отворилась дверь, на пороге появился сгорбленный пожилой человек. В его глазах не читалось даже упрёка! Молодой человек с трудом произнес: «Вы меня помните? Могу я что-то сделать для Вас?» «Я прошу только об одном, - тихо сказал Судья, - просто будь моим сыном...». Молодой человек растерялся, повернулся и убежал. Всю ночь он не спал, а на следующий день рано утром помчался к дому Судьи. Когда дверь открылась, «молодой человек упал на колени и с жаром, рыдая в голос, обхватил ноги Судьи. Судья с нежностью привлек его к себе, и это мгновение длилось целую вечность» (Евмений 2007).

Эта притча может ассоциироваться с евангельской притчей о блудном сыне. Три действующих лица: отец, благополучный сын и неблагополучный «сын», пусть даже неродной. Существенная разница в сюжете состоит в том, что благополучный сын, исполняя заповедь любви к ближнему, принес себя в жертву, пойдя на казнь, дабы спасти жизнь и дать время на покаяние заблудшему молодому человеку. Это – первый, бытовой уровень восприятия. Тогда вторым, обобщенным уровнем восприятия будет символическое толкование сюжета с проекцией на собственную семью, свою жизнь и жизнь близких. С позиции богословского уровня эта история трактуется как гимн величию жертвенной любви, где Судья (не случайно слово пишется с прописной буквы) – Бог-Отец, пославший в тварный мир Своего возлюбленного Сына, смертью искупившего грехи неразумных людей. Молодой человек – это каждый живущий на земле, грешный, мятущийся, ищущий, которого милосердный Господь терпеливо ждет и просит только об одном: «Стань моим сыном!». Так сюжет евангельской притчи преломляется под новым углом зрения, развивая образ благополучного сына и поднимая его до высоты жертвенной искупительной любви.

К типу притчи-повествования относятся сюжетные тексты с действующими лицами, часто описывающие вполне реальные бытовые сценки. Скрытая назидательность, четкая целевая установка позволяет отнести их к притчам, например: «Она думает, что я настоящий», «Официантка», «50 лет вежливости», «Мой Лик», «Здесь ровно 500» и

др. (Евмений 2007: Т.1). В качестве примера приведем короткую притчу «Детская вера»:

В одном городе приключилась засуха. Лето было в разгаре, и городской священник созвал утром людей в храм помолиться о ниспослании дождя. Пришли все жители, и все смеялись над одним мальчиком: тот явился с зонтиком! Смеясь, люди говорили ему: «Глупыш, зачем ты притащил зонтик? Потеряешь! Ведь стоит жара...» А мальчик ответил: «А я-то думал, что вы пришли помолиться о дожде» (Евмений 2007:1:94).

Тип притч-басен представлен такими примерами, как «Выключатель и Лампочка», «О Ветре и Цветке», «Тучка и Дюна», «Притча о бамбуке», «Притча о гвоздях в заборе», «Хрупкий подарок» и др. (Евмений 2007: Т.1). Типичный пример - притча «Кукла из соли». Сюжет таков: кукла из соли пропутешествовала тысячи миль и остановилась на берегу моря. Никогда не видевшая ничего подобного, она была очарована его величием, а потом спросила: «Кто ты?». Затем вошла в воду. Чем дальше она шла, тем больше растворялась, пока от нее не осталась лишь одна щепотка. За мгновение до полного исчезновения она с восторгом воскликнула: «Теперь я знаю, кто я!». Здесь нет никакого поучения, назидания, морали, но каждый легко может сделать вывод сам: лишь полностью растворившись в другом, можно узнать себя. Таков закон любви к ближнему.

Притчи-поучения бывают разными, иногда это действительно афоризмы, но чаще, афоризмы, собранные вместе, составляющие тематически единый законченный текст, композиционно выстроенный по принципу синтаксического параллелизма и начинающийся анафорой. Например:

Если ребенок живет в атмосфере критики,
он учится осуждать.

Если ребенок живет в атмосфере враждебности,
он учится сражаться.

Если ребенок живет в атмосфере насмешек,
он учится быть стеснительным.

Если ребенок живет в атмосфере снисходительности,
он учится терпению...

(Евмений 2007:2:68-69)

В научной литературе, посвященной изучению притчи, диалогичность считается одним из характерных жанрообразующих признаков. Действительно, большинство современных притч диалогично, но это не всегда явлено в тексте. В прагматическом аспекте помимо

собственно коммуникации, выражающейся в диалогичной структуре текста, наблюдается также гиперкоммуникация, квазикоммуникация и автокоммуникация. Во-первых, часто это реальный диалог героев притчи (Отец и сын; Судья и его сын). Во-вторых, это всегда диалог автора, часто неизвестного, и читателя/слушателя. Иногда, в силу символичности и метафоричности притчи, одним из собеседников является неодушевленные предметы, что позволяет говорить о квазикоммуникации. В-третьих, притча – это иносказание, которое помогает человеку «включиться» во внутренний диалог между реальным и внутренним человеком, между плотью и духом, что составляет суть автокоммуникации. Некоторые современные притчи строятся как диалог Бога и человека («Интервью с Богом», «А Бог сказал: «Нет», «Следы на песке», «Когда Бог отвечает тебе», «Бог и Маленькая Душа»). В этом случае О.А. Прохватилова предлагает использовать термин «гиперкоммуникация», понимая под ним особый вид общения. «Гипрекоммуникация становится возможной благодаря особому восприятию сакрального текста, которое свойственно православному мировоззрению и состоит в осознании сакрального Слова как воплощения Божественной сущности Спасителя» (Прохватилова Интернет-ресурс). Особенностью притчевого диалога иногда является использование цитат, т.е. реплики Бога есть ни что иное как атрибутированные библейские фразы:

Ты говоришь: «Это невозможно!»

Бог говорит: **«Со Мной возможно всё»**

Лк 18:27

Ты говоришь: «Я слишком устал».

Бог говорит: **«Я успокою тебя».**

Мф 11:28

Ты говоришь: «Я не понимаю окружающий меня мир»

Бог говорит: **«Я буду направлять твои шаги».**

Пс 3:4-5

Ты говоришь: «Я недостаточно умён».

Бог говорит: **«Я даю тебе мудрость».**

Кор 1:30

Ты говоришь: «Я чувствую себя одиноким».

Бог говорит: **«Я никогда не покину тебя».**

Евр 13:5

(Евмений 2007:2:96-98)

Библейские цитаты дополнительно выделены полужирным шрифтом, чтобы подчеркнуть их происхождение. Явление интертекстуальности в современной миссионерской деятельности

находит своеобразное применение, когда изречения из Библии составляют абсолютно новый нравственно-поучительный текст, в котором нет других слов, как это видно из фрагмента «Письма Бога, обращенного лично к тебе»:

Дорогое мое дитя!

1 Ин 3:1

Возможно, ты не знаешь Меня, но Я знаю о тебе все.

Пс 138:1

Ты принадлежишь Моему роду.

Деян 17:28

Ты не случайность. В Моей книге записаны все дни, предназначенные для тебя.

Пс 138:15-16

Я был не понят и отвергнут теми, кто не хотел знать Меня.

Ин 8:41044

Я не удаляюсь и не сержусь, Я люблю

1 Ин 4:16

(Евмений 2007:2:18-31)

По сути, выбранные цитаты составляют вторичный, но абсолютно самостоятельный текст. Их содержание обычно, это не яркие сентенции. Но подкрепленные указаниями на библейский источник они приобретают особое значение, некий высокий и таинственный смысл, облеченный в доступную для понимания форму. Это – новый тип притч, который мы назвали притча-обращение. К этому типу относится также очень известный и широко распространенный в настоящее время в России текст «От Меня это было», принадлежащий иеросхимонаху Серафиму Вырицкому. Подобные примеры – яркий образец гиперкоммуникации.

Часто притча композиционно «остается как бы незаконченной», и тем самым оставляет слушателю свободу мыслить и творить, возможность сделать собственные выводы» (Евмений 2007:6). В качестве примера приведем притчу «Отец и сын»:

- Я умею всё! – Сказал сын Отцу, научившись писать первую букву. Отец улыбнулся и подарил ему букварь.

- Я знаю мир! – Заявил сын, обойдя открытые комнаты в доме. Отец улыбнулся и вывел его в сад.

- Я самый..., самый..., самый...!

А Отец всё улыбался, улыбался, улыбался.

(Евмений 2007:2:53)

В этой притче нет никакого назидания, всё символично. Отец – это Господь, о чём свидетельствует прописная буква, сын – это любой человек, жаждущий познания. Другие символы каждый может расшифровать по-своему, например, буква – это начальные, минимальные знания о мире, первый шаг в постижении глубин мироздания, а букварь – это может быть Евангелие или символ обобщенного знания. Притча сюжетно незакончена, вся соткана из намёков, читателю ничего не навязывается, а лишь заставляет задуматься.

Есть и другой прием окончания притчи - использование риторических вопросов. Так, в притче «Покажи мне Бога» митрополит Антоний Сурожский рассказывает о человеке, который умолял показать ему Бога. Владыка попросил его подумать, кем видит себя этот человек в сцене о грешнице в восьмой главе Евангелия от Иоанна. Вопрошавший честно ответил, что видит себя «как единственного еврея, который не ушел и побил камнями эту женщину». Митрополит завершает диалог словами: «Как вы можете увидеть Бога, Которому вы до такой степени чужды?». А после этого следует череда риторических вопросов, обращенных к каждому. Высокая степень обобщенности передается грамматически с помощью мы-инклузивного и соответствующих глагольных форм:

Нет ли чего-то подобного в опыте каждого из нас? Нет ли в каждом из нас сопротивления, отказа, отрицания Бога? Не ищем ли мы Бога по собственному образу, подходящего нам Бога? Не отвергнем ли мы истинного Бога, если найдем Его? Готовы ли мы к встрече с Богом, Каков бы Он ни был, даже если эта встреча нас осудит и перевернет все наши ценности? Не является ли часто отсутствие Бога в нашей жизни и в нашей молитве результатом того, что мы Ему чужды, и даже встретившись с Ним лицом к лицу, не видим Его, не узнаём? (Евмений 2007:2:48-49).

Притчи часто строятся по принципу антитезы. Этот прием, предлагающий диаметрально противоположные понятия, использующий антонимы, определяет границы добра и зла, желаемого и полезного для спасения:

Иисус голоден – Его надо накормить;
 Иисус жаждет – Его надо напоить;
 Иисус раздет – Его надо одеть;
 Иисус бездомный – надо дать Ему кров;
 Иисус болен – Его надо вылечить;
 Иисус печален – Его надо любить;
 Иисус отвергнут – Его надо утешить...

[Мать Тереза]

Пусть помнят, что ранить любимого человека, - занимает всего лишь несколько секунд, а залечить эти раны, - это может занять долгие годы.

Пусть поймут, что богат не тот, у кого больше, а тот, кто нуждается в меньшем. (Интервью с Богом. Евмений 2007:2:51).

В «Притче о бабочке», фрагмент из которой приводится ниже, противоположность желаемого и полученного отмечена графически знаком тире и новой строкой:

Я просил у Бога сил,
- а Бог дал мне трудности, чтобы сделать меня сильным.

Я просил у Бога мудрости,
- а Бог дал мне проблемы для их разрешения.

Я просил у Бога богатства,
- а Бог дал мне разум и телесную крепость, чтобы я мог

работать.

Я просил у Бога возможности летать,
- а Бог дал мне препятствия, чтобы я их преодолевал.

Я просил у Бога любви,
- а Бог дал мне людей, которым я мог бы помогать в их

проблемах.

Я просил у Бога благ,
- а Бог открыл мне возможности.

Я ничего не получил из того, о чем просил, но я получил всё, что мне действительно было нужно.

(Евмений 2007:2:77-78).

В вышеприведенных примерах помимо антитезы используется и другой яркий стилистический прием, характерный жанру притчи, – синтаксический и лексический параллелизм, что создает определенный ритм, иногда напоминающий ритм молитвы или библейского стиха.

Иносказание – еще один распространенный стилистический приём притчи. В притче «Лодка с одним веслом» гребля одним и двумя веслами служит иносказанием, говорящим о необходимости печали в жизни человека, без которой невозможно познать счастье и развиваться духовно:

Жил-был старец. В один прекрасный день послушник спросил у него, когда садились они в лодку:

- Мне понятно, что существует радость, поскольку Бог – наш Отец и, естественно, Он должен дарить радость детям своим. Но почему существует печаль, несчастье?

Ничего не ответил старец, но стал гребти одним веслом. Лодку закружило...

- Что ты делаешь?! – воскликнул послушник. - Если ты будешь гребти одним веслом, нам никогда не достичь другого берега, мы так и будем кружить на одном месте. У тебя сломалось второе весло или заболела рука? Давай я буду гребти!

- А ты умнее, чем я думал, - отвечал старец.

(Евмений 2007:2:73)

Жанру притчи характерны особые пространственно-временные характеристики. М.М. Бахтин считал, что «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» имеет определяющее значение (Бахтин 1975: 234). По мнению Л.Е. Туминой, «притче присущ хронотоп, позволяющий адресату проводить параллели между двумя планами или мирами, «видимым» и «невидимым». Притча никогда не описывает более или менее реальные исторические события [...] Конкретные указания на страну или город, в котором происходит действие, совершенно не характерны для жанра притчи в целом. Хронотоп притчи обычно отвечает двум основным условиям: 1) создает условную, максимально обобщенную обстановку для проведения «эксперимента» - проверки заданной в притче идеи; 2) подчеркивает реальность происходящих событий» (Тумина 2007:48). В притче присутствует некий условный мир (*в одном городе, на берегу океана, берег моря, на одном конце света, в одной стране, в одном селении, на Земле и т.п.*), свидетельствующий о высокой степени обобщенности. Этой же задаче служит надвременность происходящего (*однажды, давным-давно, на заре развития Вселенной, в один солнечный день, как-то раз и т.д.*). Безымянность героев притч, отсутствие портретных и речевых характеристик также усиливают обобщенность, придавая универсальность сюжету (*некая дама, некоторые люди, некто, старец, старый лодочник, добрый человек, один новоначальный послушник, один жадный мельник, одна семья*). Героями притч традиционно могут не только люди (*мудрец, фонарщик, рыбак, ключарь, мельник, официантка, послушник*), но и неодушевленные предметы (*Кукла, Скрипка, Кувшин, Ветер, Дюна, Цветок*), а также абстрактные понятия (*Любовь, Познание, Верность, Гордость*). Высокая степень обобщенности, по мнению Д.С. Лихачева, объясняется желанием «увидеть во всем «временном», «тленном», [...] символы и знаки вечного, вневременного, «духовного», «божественного» (Лихачев 1979:109).

Цель притчи – в откровении духовных истин, чтобы помочь человеку сделать нравственный выбор (притчи-повествования и притчи-

басни) или прямо указать на то, как надо поступать (притчи-афоризмы и притчи-обращения). В последнем случае для этого обычно используются императивные конструкции.

Все анализируемые нами притчи теоцентричны, в них явно или опосредовано главным действующим лицом является Господь как Творец мира, любящий Отец всего сущего, милосердный и справедливый Судья,

Выразительность повествования в кратком жанре притчи достигается благодаря сравнениям, эпитетам и метафорам. В современных притчах частотны те же метафоры, что и в библейских (*жизнь – плаванье, мир – море, любовь – вода, сердце – рай, виноградник* и т.д.).

Ряд притч в синтаксическом плане построен на отрицательных предложениях. Мы назвали это апофатическим принципом построения притчи. В богословии известно апофатическое богопознание, основанное на предпосылке, что Бог несозимерим со всем, что есть в тварном мире, поэтому все имеющиеся слова непригодны для понимания Бога. В результате используется принцип апофатизма, т.е. метод отрицания, встречающийся и в притчах. Например:

Я не могу молиться «ОТЧЕ», если не пережил и не прочувствовал, что Бог действительно стал для меня Любящим Отцом.

Я не могу молиться «НАШ», если моя вера не вмещает других людей и их нужды.

Я не могу молиться «СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ», если все мои интересы отражены лишь в земных вещах.

Я не могу молиться «ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ», если я стараюсь освятить лишь Божью помочь, но не имею в виду лично Его.

Я не могу молиться «ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ ТВОЕ», если я не желаю жить по законам этого Царства...

(Евмений 2007:2:16-17).

Современные притчи написаны хорошим литературным языком, не перегружены церковнославянismами и просторечной лексикой.

Графические особенности оформления текстов притч (выделения, расположение строк) объясняются их ориентацией на читающего человека. То, что устно передается интонацией, в письменной форме может быть отражено с помощью графики. Современная миссионерская деятельность несколько изменилась. Если раньше слово Божие люди слушали в церкви от священника или на уроках закона Божия, то с конца XX века часто книга и письменный текст становились первыми источниками информации о вере.

Таким образом, можно выделить самостоятельную разновидность притчи, ранее не описанную в научной литературе, т.е. современную мис-

сионерскую притчу с собственной целевой установкой, конкретным адресатом, определенными коммуникативными ситуациями, характерными языкковыми средствами, новыми разновидностями. В своей проповеднической и миссионерской деятельности современные священнослужители используют не только библейские притчи, но, учитывая особенности мировоззрения и склада ума современного человека, создают новые, следуя древней традиции.

Литература

- Аверинцев 1964: **Аверинцев, С.С.** Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1964. – С.21.
- Бахтин 1975: **Бахтин М.М.** Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975
- Древнерусская притча 1991: **Древнерусская притча.** М., 1991.
- Евмений 1:2007:**игумен Евмений.** Кто ты, Господи? Притчи православного миссионера. М.: Свет Православия, 2007. – 141 с.
- Евмений 2: 2007: **игумен Евмений.** Кто мой ближний? Притчи православного миссионера. М.: Свет Православия, 2007. - 173 с.
- Лихачев 1979: **Лихачев Д.С.** Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд. - М.: Наука, 1979. – 360 с.
- Мусхелишвили 1989: **Мусхелишвили Н.Л., Шабуров Н.В.** и др. Прагматика притчи. Препринт. М., 1989 – 17с.
- Нюстрём 1999: **Нюстрём Э.** Библейский словарь. СПб.: «Библия для всех», 1999.- 522 с.
- Прокофьев 1983: **Прокофьев Н.И.** Древнерусские притчи и их место в жанровой системе литературы русского средневековья // Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1983.
- Прохватилова Интернет-ресурс: **Прохватилова О.А.** Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи //[http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/222/682/8681/\\$print_text/?part=1](http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/222/682/8681/$print_text/?part=1)
- Тумина 2008: **Тумина Л.Е.** Притча как школа красноречия. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 368 с.

Summary: The clause is devoted to the analysis of a modern missionary parable with own purpose, the concrete addressee, the certain communicative situations, the characteristic language means and new versions. In the missionary activity modern clerics use not only bible parables, but create new one, following ancient tradition and considering features of outlook and mentality of the modern person.

The special features of the modern parable are the brevity, direct/indirect edification, a special way of psychological influence on the addressee, allegories, conditionality of a plot an object in view concern; concentration on one moral idea which is to some extent going back to bible precepts and theological doctrines; generalization.

Analyzed texts (more than 260) represent some versions of the modern missionary parable, classified are composite and thematically: the classical parable which is going back to the bible sample; a parable-narration; a parable-fable; a parable-reference, a parable-homily often consisting of several aphorisms.

(Објављено у: Стил, 2008, 7: 69-79)

•

Гадомский А.К. К проблеме определения теолингвистики. - Учен. зап. ТНУ. - Т. 17(56). - № 1: Филологические науки. - Симферополь: ТНУ, 2004.- С. 63-69.

УДК 81'1:215

*Гадомский А.К.
Симферополь*

К проблеме определения теолингвистики

Языкознание как наука о языке постоянно развивается и совершенствуется. На смену старым приходят новые научные парадигмы. Заполняются лакуны в самой парадигме лингвистических наук.

В процессе анализа современной лингвистической парадигмы и терминов, обозначающих названия разделов «внешней лингвистики», нам удалось составить их список, помещенный в следующей таблице, и найти место для еще одной науки - теолингвистики, которой до недавнего времени не было в списке наук [1,2,3].

Таблица. Список терминов, обозначающих названия разделов «внешней лингвистики». Место теолингвистики в кругу других лингвистических наук [12].

Лингвистика		Языкознание	
1.	Алгебраическая лингвистика	1.	Алгебраическое языкознание
2.	Антрапологическая лингвистика	2.	Антрапологическое языкознание
3.	Ареальная лингвистика	3.	Бехевиористическое языкознание
4.	Биолингвистика	4.	Диахронное языкознание
5.	Гендерная лингвистика	5.	Дифференциальное языкознание

6.	Дескриптивная лингвистика	6.	Дифференциальное языкознание
7.	Информационная лингвистика	7.	Индоевропейское языкознание
8.	Интерлингвистика	8.	Историко-сравнительное языкознание
9.	Категориальная лингвистика	9.	Историческое языкознание
10.	Квантитативная лингвистика	10.	Когнитивное языкознание
11.	Когнитивная лингвистика	11.	Контрастивное языкознание
12.	Компьютерная лингвистика	12.	Конфронтативное языкознание
13.	Контекстная лингвистика	13.	Корпусное языкознание
14.	Контрастивная лингвистика	14.	Математическое языкознание
15.	Конфронтативная лингвистика	15.	Нормативное языкознание
16.	Лингвистика текста	16.	Общее языкознание
17.	Лингвокультурология	17.	Общее языкознание
18.	Макролингвистика	18.	Описательное языкознание
19.	Математическая лингвистика	19.	Прикладное языкознание
20.	Нейролингвистика	20.	Синхронное языкознание
21.	Неолингвистика	21.	Славянское языкознание
22.	Нормативная лингвистика	22.	Социологическое языкознание
23.	Образовательная лингвистика	23.	Сравнительное языкознание
24.	Общая лингвистика	24.	Статистическое языкознание
25.	Паралингвистика	25.	Функциональное языкознание
26.	Политолингвистика	26.	Синхронное языкознание
27.	Прагмалингвистика	27.	Статистическое языкознание
28.	Пралингвистика	28.	Теоретическое языкознание
29.	Прелингвистика	29.	Юридическое языкознание
30.	Прикладная лингвистика	30.	
31.	Психолингвистика	31.	
32.	Разговорная лингвистика	32.	

33.	Синхроническая лингвистика	33.	
34.	Социолингвистика	34.	
35.	Статистическая лингвистика	35.	
36.	Структурная лингвистика	36.	
37.	Теоретическая лингвистика	37.	
38.	Феминистическая лингвистика	38.	
39.	Формальная лингвистика	39.	
40.	Функциональная лингвистика	40.	
41.	Этнолингвистика	41.	
42.	Юридическая лингвистика	42.	
43.	Теолингвистика		Теологическое языкознание

В результате, как следует из таблицы, нами были «обнаружены» 42 «лингвистика» и 30 «языкознаний». Каждый из этих терминов, как правило, обозначает проблему, нашедшую отражение в языке. Каждое из перечисленных выше направлений накопило большой эмпирический и теоретический материал. Однако, в силу не известных нам причин (можно предположить, что и социальных), в этом списке до недавнего времени не было раздела языкознания, связанного с религией. Решение этой проблемы привело к появлению соответствующего раздела языкознания, о необходимости выделения которого в отдельный раздел нами было написано ранее [1,2,3].

Поэтому объектом описания в данной статье является новый раздел языкознания **теолингвистика** (*от греч. theos – Бог и лат. lingua – язык*) – это наука, возникшая вследствие взаимодействия языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке [3].

Пытаясь объяснить этимологию, эволюцию, значение этого термина, мы пошли по пути, предложенному Стефаном Ежи Риттелем - польским исследователем, который, рассматривая проблемы политической коммуникации, дает определение такого раздела языкознания, как политолингвистика [6]. Анализируя этимологию и происхождение термина политолингвистика, автор дает его трехстороннее определение:

- во-первых, объясняет его значение с политологической точки зрения;

- во-вторых, лингвистической точки зрения и;
- в-третьих, одновременно с обеих сторон (предлагает его интегрированное толкование).

Поэтому можно утверждать, используя методику Стефана Ежи Риттеля, что данная микропарадигма интерпретации теолингвистики предполагает учет следующих условий:

- условие декомпозиции этого явления на два составляющих компонента (язык и религия);
- условие, при котором каждый компонент в структуре значения важен, обязательен, но недостаточен;
- условие специфической связи компонентов, которая может быть выяснена на основании системных парадигм;
- условие «технологии», включающей три типа характеристик теолингвистики - с позиций лингвистики, с позиций теологии и с учетом двух позиций одновременно;
- условие методологической ограниченности, благодаря которому одновременно можно рассмотреть вопросы, интересующие и языковедов и теологов.

В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что термин, который введен нами для выделенного нами раздела языкоznания, складывается из двух компонентов, подразумевающих, с одной стороны, существование двух автономных областей знания (религии и наук о ней и лингвистики), с другой – возможность их соединения. Такое положение вещей позволяет интерпретировать вышеназванную науку не только с позиций каждого из названных направлений, о которых идет речь, но и с позиций их взаимодействия.

Теологический компонент выделен с учетом существующей общественной практики, идентифицированной как религия и группы наук, изучающих это явление. В числе этих наук может быть назван целый ряд явлений и наук.

1. Религия (лат. religio; religare ‘соединять’) – мировоззрение человека, касающееся происхождения и цели существования мира и человечества, основанное на вере в высшее существо или существа, которым он поклоняется и с которыми общается посредством различных форм культа, а также в бессмертие души; связана с комплексом нравственных требований [9].
2. Теология (о греч. theos – Бог и logos – слово, учение) – богословие, система религиозного теоретического (умозрительного) знания о Боге, его сущности и Бытии, действиях, качествах, признаках; богословские системы строятся на основе Св. Писания. По мнению С.С. Аверинцева,

о теологии в строгом смысле слова можно говорить только применительно к вероучениям чисто теистических религий, т.е. иудаизма, христианства, ислама [7].

Teologia [gr.], *usestymatyzowana naukowo chreś. wiedza rel. na temat Boga, człowieka, świata, treści objawienia, wiary i zasad moralnych; nauka o Bogu; w szerszym znaczeniu – doktryna danej religii; t. dzieli się na wiele dyscyplin (m.in.: bibliistyka, dogmatyka, t. moralna, teologia fundamentalna, liturgika)* [9].

Teologia [gr.], nauka o Bogu; t. chrześc. tradycyjnie dzieli się na: t. naturalną (wg której Bóg jest dostępny rozumowi) i t. objawioną (wg której Bóg objawił się poprzez *Pismo Święte*); w nauczaniu akademickim dzieli się t. na: 1) t. historyczną (biblistyka, dzieje Kościoła), 2) t. systematyczną (dogmatyka, t. moralna) oraz 3) t. praktyczną (prawo kanoniczne, liturgika, ascetyka) [11].

3. География и экология религии (J. Schmidthüsen, A. von Humboldt), педагогика религии (J. Goettler, L. Bopp; J. Korczak).
4. История и философия религии (J.G. Frazer, A. Lang, W. Smidt).
5. Психология религии (W. Jamek, C.G. Jung; J. Pastuszka, J. Makowski), социология религии (E. Durkchajm, M. Weber; B. Malinowski).
6. Феноменология религии (G. Van der Leeuw, R. Otto, M. Eliade, F. Heiler) и многие другие.
7. Этнология религии (A.Lang, W. Koppers; в Польше T. Chodziło, H. Zimon).

В данном случае нет необходимости описывать все эти науки

О них пишет польский исследователь М. Макуховска в книге «*Modlitwa jako gatunek języka religijnego*»[4].

Лингвистический компонент толкуется в словарном значении этого слова, которое, с одной стороны, означает определение языка как системы знаков (семиотический подход), с другой стороны, как явление, охватывающее различные сферы человеческого бытия (прагматический подход). В данном случае идет речь о «внутреннем» и «внешнем» языкоznании.

Если *теологический компонент* предполагает, в данной ситуации, изучение взаимодействия языкоznания с другими науками, то *лингвистический компонент* требует отнесения названной науки к языкоznанию. Такой подход важен для выяснения происхождения и эволюции термина теолингвистика, который должен, по нашему мнению, иметь тот же статус, что и перечисленные выше термины, обозначающие гетерогенные лингвистики - отдельные науки, изучающие религию с разных сторон. Поэтому теолингвистика, как и социолингвистика,

является таким разделом языкоznания, который исследует роль языка в обществе (здесь в жизни религиозной и светской), то есть рассматривает язык в отношениях его к религии (язык религии, язык в религии, религия в языке, религиозный язык). Что, с точки зрения языкоznания, дает все основания для выделения теолингвистики в отдельный раздел прикладного языкоznания. Прикладное языкоzнание в широком смысле понимается как наука о возможностях и способах использования достижений языкоzнания в различных сферах жизни и в других научных дисциплинах [8].

Располагая своими методами исследования, языкоzнание располагает большим количеством значений и контекстов, в которых реализуется язык религии.

Общая характеристика теолингвистики

Во-первых, теолингвистика – это наука светская, наука наднациональная, наука надконфессиональная, наука лингвистическая.

Во-вторых, она должна разделяться на общую и частную теолингвистику. Частная теолингвистика должна исследовать проявления конкретной религии или проблемы в языке, общая должна заниматься универсалиями.

В-третьих, теолингвистика может быть теоретической и прикладной.

В-четвертых, теолингвистика может быть синхронной и диахронной. Синхронная теолингвистика должна изучать процессы происходящие в языке и обществе в настоящий момент, абстрагировавшись во времени, диахронная – изучением тех процессов и изменений, которые в процессе исторического развития.

В-пятых, теолингвистика может быть историко-типологической. Ее целью является изучение типологии теолингвистических явлений в их историческом развитии. Теолингвистика может быть сравнительной и сопоставительной.

Предмет исследования теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в языке, а также язык как форма религии, как способ отражения, сохранения и передачи религиозного содержания.

Целью теолингвистики является изучение проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач.

Задачи теолингвистики:

1. Выбор материала из соответствующих источников, текстов (в данном случае текст мы понимаем в широком смысле этого слова).

2. Дифференциация полученного материала.
3. Систематизация полученного материала.
4. Интеграция полученного материала.

Семантико-прагматические проблемы теолингвистики:

В процессе достижения поставленной цели и решения задач могут возникнуть проблемы, которые, по нашему мнению можно разделить на две основные группы – прагматические и семантические.

Прагматические проблемы – это, в первую очередь, проблемы воспитательно-образовательные. Любую информацию человек получает через язык. Официальным хранилищем этого (языкового) опыта являются прежде всего печатные носители информации, частью которых являются словари. Занимаясь аксиологическими проблемами языкоznания, мы попытались выяснить, что же является ценностью для носителя современного русского языка. С этой целью нами была предпринята попытка выбора из лингвистических словарей семем со значением ‘ценность’. Формальным, явно выраженным, показателем принадлежности семемы к данной лексической группе мы считали наличие определенных идентификаторов в ее словарной формулировке. В список идентификаторов были включены таки слова, как ценность, значение, смысл, и др. В результате сплошной выборки из одного из последних и наиболее полных словарей С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой мы получили список слов, которые на основе «формальных» показателей можно включить в анализируемую группу. Оказалось, что большая часть лексем со значением ‘ценность’ – это лексемы со значением ‘материальная ценность’. А где же ценности духовные, нематериальные, почему они занимают второстепенное место в языковой картине носителя современного русского языка?

Такая закономерность может быть объяснена по-разному, в том числе и своеобразным «почерком» авторов словаря – теми правилами построения словарных формулировок, которые они для себя определили. Но ведь любое, даже самое нетрадиционное, на наш взгляд, явление не может выйти за рамки многообразия человеческого опыта, накопленного в процессе эволюции. К такому выводу пришли еще учёные эпохи Возрождения. Известен классический пример, когда Леонардо да Винчи попытался нарисовать неведомое в природе существо, ему это не удалось, потому что оно состояло из известных всем элементов.

Где же выход? Решение прагматических проблем невозможно без решения проблем семантических. На этот вопрос о том, как следует решать семантические проблемы, мы находим ответ в работах Я. Пузыниной. «Считаю, - пишет она, - что одним из способов восстановления, а также становления, собственной иерархии ценностей является включение в

общественное употребление семантической проблемы – разъяснение слов и выражений. Важной задачей людей, преподающих языки, пишущих и говорящих о нем, является научить слушателей и читателей задавать вопрос: что это значит. Задавать его прежде всего там, где идет речь о важных для человека словах и понятиях» [5, С.253].

Способом решения проблем, которые решает теолингвистика, может быть комплекс предметов, которые могут преподаваться в вузах филологам и студентам других гуманитарных специальностей: спецкурс «основы теолингвистики», спецсеминары «язык и религия» и преподаваться студентам. Программы этих курсов разработаны в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского.

В процессе изучения этих курсов наряду с указанными выше проблемами, на наш взгляд, следует посмотреть по-новому на знакомые нам явления – попытаться по-новому осмыслить такие знакомые всем, термины как агиография, библеизм, библейская стилизация, библейская стилистика, библейская фразеология, библейская эпонимия, библейский стиль, библия, канонический язык, конфессиональный стиль, крестные имена, религиозная лексика, лексика церковно-теологическая, магический язык, молитвенная фразеология, переводы библии, религиозный дискурс, религиозный язык, старославянский язык, староцерковнославянский язык, староцерковный язык, текстология, теоним, теонимия, терминология религиоведческая, терминология теологическая, терминология теолого-моральная, терминология христианская, церковнославянский язык, язык религии, язык и религия, религия в языке, язык в религии. Что в перспективе должно стать материалом нашего дальнейшего исследования.

Литература

- Гадомский А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии. – Культура народов Причерноморья. – № 49. - Т.1 – 2004. – С. 164-167.
- Гадомский А.К. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики// Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету. Луганськ, 2004. (w publikacjî)
- Gadomski A., 2004, Lingwistyczne rozwiązywanie problemu „język a religia” jako jeden ze sposobów współdziałania kultury wysokiej i niskiej. Lublin (w publikacji).
- Makuchowska M. Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole 1998, 13-18.

5. Puzynina J., 1997. Słowo – wartość- kultura. Lublin Towarzystwo Naukowe KUL 253.
6. Rittel Stefan Jerzy. Komunikacja polityczna. Dyskurs polityczny. Język w przestrzeni politycznej. Kielce 2003, 13-28.

Словари

7. Аверинцев С.С. Философская энциклопедия. Т.1-5 – М.: Сов. Энциклопедия, 1960-1970.
8. Encyklopedia językoznawstwa ogólnego, red. K. Polański, Wrocław-Warszawa-Kraków 1993, s. 240-250.
9. Encyklopedia popularna PWN, 1999, Wydawnictwo Naukowe PWN.
10. Lewicki R. Chreścijństwo. Słownik rosyjsko-polski. Instytut Wydawniczy PAX Warszawa 2002
11. Powszechna Encyklopedia multimedialna PWN, 1998 Wyd. PWN.
12. Wawryńczyk J. Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego. Wydawnictwo Akademickie DIALOG Warszawa 2000.

**Гадомский Александр Казимирович
Гадомський Олександр Казимирович
Aleksander Gadomski**

**К проблеме определения теолингвистики
До проблеми визначення теолінгвістики
To a problem of definition теолингвистики**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы теолингвистики – науки, возникшей вследствие взаимодействия языка и религии и исследующей проявления религии, которые закрепились и отразились в языке. Разъясняются значения основных терминов, связанных с этим разделом науки о языке.

Анотація

У статті розглядаються питання теолінгвістики – науки, що з'явилася в наслідок взаємовідносин мови та релігії і вивчає наслідки релігії, які закріпилися і знайшли відображення в мові. Пояснюються значення основних термінів, пов'язаних з цим напрямком науки про мову.

Summary

In clause questions теолингвистики - a science arisen owing to interaction of language and religion and investigating displays of religion which

were fixed and reflected in language are considered. Values of the basic terms connected to this section of a science about language are explained.

Ключевые слова

Язык и религия, теолингвистика, канонический язык, религиозная лексика, текстология, религиозная терминология, конфессиональный стиль.

Ключові слова

Мова та релігія, теолінгвістика, канонічна мова, релігійна лексика, текстологія, релігійна термінологія, конфесійний стиль.

Key words

Language and religion, theoretical linguistics, initial language, religious lexicon, textual criticism, religious terminology, religious style.

(Обявлено у: Ученые записки Таврического Национального Университета.: Филологические науки. Т. 17(56). 2004, № 1: 63-69).

•

Валентина Авраамовна Маслова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Витебск, Беларусь

ДУХОВНЫЙ КОД И ЕГО РОЛЬ НА ПУТИ ЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В статье, на материале славянских языков и культур, излагается концепция духовного кода как внутреннего субъективного кода, нашедшего отражение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработалисьнацией в процессе ее формирования.

Ключевые слова: Лингвокультурология, коды культуры, духовный код, славянские языки и культуры

Лингвокультурология родилась в 90-е годы прошлого века в период отказа от монодисциплинарности, когда стало понятно, что невозможно получить новые знания в рамках традиционной лингвистики, что за ее рамками остается человек, его сознание, способ мышления, его культура.

Еще в 1995 году на Международной конференции «Лингвистика на исходе века» А.А.Леонтьев произнес «надгробное слово» «чистой» лингвистике». Язык, хотя и медленно, но переориентируется с исследования системы уровней на **факт, событие**, и тогда в центре внимания оказывается человек (языковая личность, по Ю.Н. Кацулову). И хотя позиции традиционной лингвистики еще сильны, она неуклонно движется по пути интеграции с другими науками: появились когнитивная, гендерная, политическая, юридическая лингвистика, лингвокультурология, а сам XXI век постепенно становится веком конвергентного и трансдисциплинарного знания.

В XXI веке лингвокультурология также приобретает новый вектор развития (Шаклеин 2012). В ее недрах начата разрабатываются новые подходы к описанию языка: язык как совокупность концептов лингвокультуры (лингвоконцептология), язык как картина мира, язык как система кодов и др.

Для современной гуманитарной науки наиболее характерен переход от эксплицитного знания к глубинному. На рубеже тысячелетий стали искать подступы к глубинному познанию реальности. Примером могут служить работы академика Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник», «Протей. Очерки хаотической эволюции» и др., в которых он выступал за творческий синтез интуиции, религии, науки и искусства, за их гармоничное слияние.

Как известно, одной из глубинных языковых категорий является смысл. Было установлено, что соединение знака со смыслом задает ту основу, на которой создается элементарная единица знания, а из этих единиц строится языковое сознание. Для данных единиц знания ученые используют различные термины – лингвокультурены (В.В. Воробьев), культурены (В.Г. Гак), логоэпистемы (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин), информемы (В.В. Морковкин), концепт (Ю.С. Степанов) и др. Для нас наиболее приемлемым является термин *код*.

Понятие «код» впервые появляется в технике связи и математике, затем проникает в биологию, физику, психологию, семиотику, психолингвистику, лингвокультурологию и в другие области знания. Однако, несмотря на широкое использование, это понятие не имеет четкого и однозначного определения, а потому размывается в разных направлениях и используется не терминологически, например, в целом ряде заголовочных конструкций публицистического, художественного и других дискурсов: «Код да Винчи», «Код ядерного убийцы» и др.

Традиционно в лингвистике данный термин является эквивалентом терминам *знаковая система, язык*. В ряде наук *код*

используется как синоним термину *шифр*, например, в генетике. Кодирование понимается как шифровка, а декодирование – как расшифровка. Большинство лингвистов и семиотиков подчеркивают матричную природу кодирования, часто используя метафоры. Так, Р. Барт отождествляет коды с ячеистой сетью, забрасывая которую в текст можно вскрыть информацию разных уровней кодирования (Барт 2001: 20). В.В. Красных также уподобляет код культуры „сетке“, которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» (Красных 2003: 232).

Мы подходим к пониманию кода с позиций лингвокультурологии, где данный термин тоже определяется по-разному. Например, В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, отождествляют культурные коды с вторичными знаковыми системами, а саму культуру понимают как пространство культурных кодов — вторичных знаковых систем (Ковшова 2008; 2012 и др.; Телия 2010).

Мы понимаем культуру как *пространство культурных кодов*, а поскольку *пространство*, по мнению когнитологов, осознается людьми не через систему координат, а через отношения, существующие между объектами в пространстве (Кравченко 1996), мы представляем культурный код как *глубинное культурное пространство*, а используя метафору, - «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код (Маслова 2013: 30).

Образная схема *контейнера* была впервые предложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Лакофф и Джонсон 2004). В русской лингвистике большой вклад в изучение метафоры *контейнера* внесли представители когнитивного направления Е.С. Кубрякова, Е.Е. Голубкова, Е.В. Рахилина и другие.

Итак, код позволяет составить целостное видение человека, языка, языкового сознания и культуры. Мы утверждаем, что любой **язык может быть описан сквозь призму кодов, и это еще один способ описания языка, имеющий право на существование наряду с его системно-структурным описанием или описанием через совокупность концептов** (Маслова, Пименова 2015).

Коды культуры с позиции лингвокультурологии – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанных в обществе и служащих для постижения мира человеком. Это совокупность реалий, выраждающих определенные культурные смыслы и ценности. Коды могут включать в себя единицы, сами по себе не являющиеся знаками культуры, но которые, будучи включенными

в ментальное пространство кода, могут становиться таковыми. Например, камень, лежащий на дороге, - это просто природная сущность (первосущность, по Аристотелю), но если его перенести на могилу, он становится знаком культуры – памятником. Следовательно, объекты реального мира, помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации.

Различные авторы выдвигают свои основания для классификации кодов и выделяют разное их количество. Так, Р. Барт выделяет следующие коды: коннотативный, естественный, искусственный, исторический, культурный, смешанный или псевдореальный, вестиментарный, иконический, вербальный (Барт 2004).

Н.И. Жинкин в своей работе «Речь как проводник информации» говорит об устном коде, коде внутренней речи, буквенном коде, универсальном предметном, который требует передачи информации о всяком предмете и его качестве, а также фундаментальном, по его мнению, – текстовом (денотантном) коде (Жинкин 1998).

В своей классификации лингвокультурных кодов мы исходим из мысли, что в качестве основы для классификации кодов может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий мира — космос, природа, животные, фауна, стихии, оружие, хозяйственная утварь, одежда, пищевые продукты питания, архитектурные сооружения и прочие артефакты, а также тело человека и ряд социокультурных явлений - культурные сценарии (трудовые процессы, праздненства, игры, состязания, битвы, шоу, шопинги и другие). Исходя из этих позиций и опираясь на исследования других лингвистов, мы выделяем такие коды культуры, как: **космогонический** (быть на седьмом небе), **соматический** (голова колонны, третий глаз), **пространственный** (ширь души), **временной** (после войны), **предметный**, или **вещный** (от жилемки рукава), **растительный** (трава забвения, анютины глазки), **зооморфный** (львы, орлы в геральдике), **природно-ландшафтный** (лес рук, море обид), **архитектурный** (мосты дружбы, храм науки), **пищевой**, или **гастрономический** (хлеб насущный, соль земли), **духовный** (спасение души, милосердие) и др.

С помощью любого кода можно описать в конкретной лингвокультуре весь репертуар ценностей, способов и норм поведения, действий и состояний человека. Таков, например, зооморфный код: глухой как тетерев (абсолютно глухой); гол как сокол (бедный); дошло как до жирафа (о медленно понимающем человеке); козёл отпущения (человек, на которого постоянно сваливают ответственность за проступки, грехи других); ползти как улитка (медленно идти); коту под хвост (о чем-

то, сделанном впустую); *под мухой* (о пьяном); *медвежья услуга* (услуга, в результате которой получился противоположный результат); *кот наплакал* (очень мало) и т.д.

Итак, коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны и ценности культуры. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений мира и человека – как самого себя, так и других. Коды «работают» на материале вторичной номинации, которая сформировалась за счет переосмыслиения уже готовых единиц языка. Например, *артерии* как кровеносный сосуд, несущий кровь, и *артерии страны* как символ важности путей.

Особый интерес и сложность представляет **духовный код**, который есть главный путь перехода к глубинным знаниям. Это внутренний субъективный код, нашедший отражение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования. Именно с помощью духовного кода может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта). Пространство духовного кода культуры отражает духовно-нравственные запросы народа в конкретный исторический период, формирует некий идеал человека и общества определенной эпохи.

Говоря о духовном коде, мы имеем в виду, прежде всего, религиозный (сакральный) код, т.к. религиозность – одно из доминантных качеств русского национального характера, русской культуры. Более того, религией определяется целостность нации. Религия – это не просто вера в Бога, а особый способ осмыслиения народом и индивидом своего существования, своего места в мире.

Категории духа и духовности не относятся к собственно лингвистическим понятиям, а развиваются в науке о языке, исходя из опыта рефлексии над значениями ряда слов в различных языках и над их использованием в религиозно-философских контекстах.

Во всех славянских культурах существуют настоящие духовные личности, святые земли славянской (сербской – Иустин Попович, украинской – Амфилохий Почаевский, белорусской – Кирилл Туровский, русской – Тихон Задонский и др.), которые формировали не только православную, но и светскую культуру. Так, белорус Кирилл Туровский – проповедник, епископ, философ, писатель, который после смерти был причислен к лику святых. Его проповеди, молитвы, воззрения на мир и человека – это высокий уровень нравственности и святости. В. В. Колесов писал: «Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл – совесть своего нелегкого и бурного времени» (Колесов 1980).

К. Туровский стоял у истоков белорусской философской мысли. Обращение к проблемам бытия, добра и зла, поиск путей постижения истины, определение мудрости, прозрение души – вот основные вопросы, над которыми он думал. По К. Туровскому, душа прозревает только через приобщение к знаниям. Дух наследуется и генетически и путем научения. Безнравственный человек, считал он, не может быть мудрым: «В злохитрую душу не войдет премудрость, не в силах укорениться в сердце лукавом и оскверненном пьянством и блудом» (Туровский 1999: 5).

Изучение первоисточников – трудов наших духовных лидеров – показывает нам путь единения, высвечивая наши общие христианские ценности: *не убей, не укради* и т.д., основываясь на которых (они почти полностью утеряны европейскими народами!), мы ощущаем свое славянское братство. Общими для нас являются **нравственные ценности** (честь, совесть, достоинство, счастье, добро, зло, долг, справедливость, одиночество, дружба, смысл жизни), **религиозные** (вера, Бог, закон Божий, возмездие, благодать, спасение, смирение и др.), **эстетические** (прекрасное, безобразное), **правовые** (закон, правопорядок), **социальные** (семья, дети, материнство, отцовство, труд, брак), **политические** (мир, демократия, толерантность) и др.

Итак, ядро духовного кода – это религиозные и нравственные ценности, но духовный код существует в двух ипостасях - сакральной и светской. Основные религиозные (сакральные) ценности, строящие сакральную ипостась духовного кода, мы находим в молитвах. Например, в молитве Пресвятой Богородице мы просим: просветить ум и очи сердечные, заступничества перед Богом, правильной веры, надежды, любви нелицемерной, мужества в искушениях, терпения в злостраданиях, постоянства в молитвах, здравия, плодоносия земли, довольства житейских потреб, благословения Божьего, богохранимой стране мира и т.д.

Остальные ценности – светская ипостась духовного кода. Справедливости ради нужно отметить, что сакральное и светское в культуре и языке всегда трудно дифференцировать. Нравственный закон внутри нас, по Канту, - это присущее человеку свойство различения добра и зла, голос совести и внутреннее требование правды. Внимание к себе, самоанализ раскрывает человеку внутри себя целый мир, где действительно «дьявол с Богом борется» (Достоевский). Совесть – наиболее очевидное проявление нравственного закона, которое имеет и светскую, и сакральную ипостась.

Духовный код формируется не только через поучения наших святых отцов, но и через огромный лексический пласт, центром которого является церковная лексика, до сих пор искаженно представленная в современных словарях, кроме, пожалуй, словаря Скляревской. 70 лет атеизации

общества нанесли значительный урон духовности и менталитету русского народа, о чём свидетельствуют негативные коннотации, закрепленные в словарях у таких лексем, как *предание, дьякон, божиться* и др.

К христианской лексике следует отнести не только религиозно-философскую лексику (*аскеза, бессмертие, благочестие, богохульство, грех, гордость, гордыня, греховность, добродетель, добродетельность, вера, воскресение, Бог и под.*), но и слова, называющие всю небесную иерархию во главе с Богом, у Которого в Библии насчитывается более 500 имен. В книге Исаии (9:6) он именуется Чудным, Советником, Богом крепким, Отцом вечности, Князем мира, Спасителем мира, Искупителем, Агнцем Божиим, Светом миру и др., а в Евангелии от Иоанна – Господь Иисус Христос, Царь Царей, Господь Господствующих, Хлеб Жизни, Единородный Сын, Вода Жизни, а также Всевышний, Вседержитель, Мессия, Творец и под. Это объясняется множественностью ситуаций, в которых Христос является участником и, соответственно, выполняет самые разные функции. Казалось бы, тождественные слова различаются в духовном коде, потому что в каждом из них актуализируется определенный семантический компонент. Так, имена Бог, Всевышний, Вседержитель, Мессия, Творец, Создатель, Вышний, Всемогущий, Предвечный, Господь, Отец Небесный, Отец, Спаситель, Спас, Христос, Богочеловек актуализируют различные признаки высшего существа: в именах Творец, Создатель репрезентируется идея творения мира, в именах Вседержитель, Всемогущий, Господь – идея управления миром, в имени Предвечный актуализирован временной компонент, т.е. имя репрезентирует идею вечного (бесконечного и безначального) существования Бога, в именах Вышний, Всевышний – актуализируется наивысшее место в небесной иерархии. Имена Отец Небесный, Отец содержат указание на вид отношения человека и Бога – отец и сын, Богочеловек - на сущность Бога, в котором сливаются человеческое и божественное; в именах Спаситель, Спас указывается на возможность спастись с его помощью и т.д.

К религиозной лексике относятся также Богородица, Богоматерь, Пречистая, Приснодева, апостолы, ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и противников Бога (антихрист, бес, дьявол); слова, называющие поведение человека (благочестивый, богохульник, грешник, молитвенник, набожный, отшельник), религиозные тексты (Евангелие, Библия, тропарь, патерик, апокрифы), а также праздники (Рождество, Пасха), обрядовую практику (крещение, отпевание, миропомазание), события Священной истории (исход, воскресение), ритуальные блюда (кутья, просфора, кулич), одежда (власияница клобук, ряса, фелонь), предметы, используемые в религиозной практике (колокол, свеча, елей, ладан, миро) и др.

Появились работы, в которых реконструируются и исследуются духовные концепты (Буевич 2014).

Русское слово в своих глубинах сакрально. Язык и религия представляют собой две формы отображения мира в сознании людей, две стихии в душе человека, два самых глубоких взаимосвязанных начала в человеческой культуре. Для русских характерна вера в слово как в непосредственное созерцание Божественной истины.

Язык – основной источник веры. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция языка древних, скорее всего, была сакральной. Во-вторых, вера презентирована с помощью языковых средств. Вера консервируется в языке и хранится в нем веками. Поэтому родной язык - носитель истины и источник народной мудрости, который формирует нас. «В начале было Слово...», именно Божественное Слово стало началом, источником энергийной силы, предшествующей человеку и создавшей его. Язык, по П. Флоренскому, - это свет божьей благодати, излитой на человека. Язык присутствует внутри нас, это наш «дом бытия» (М. Хайдеггер), он носитель и средство выражения истины и Божественной воли.

Духовный код лингвокультуры формируется не только через слово, но и через огромный пласт духовной поэзии – от «Богогласников», С. Полоцкого и М. Ломоносова до поэтов наших дней (Ю. Кузнецов, М. Шлехов, Н. Карташева, К. Мозгалова и др.). Бог и христианские ценности были фундаментом русской поэзии на протяжении всего XIX века – от Пушкина до В. Соловьева и А. Блока. Например, у Нины Карташевой:

*Есть Слово – Господь.
И над словом – Господь.
Поэзия – Господа дар и призванье.
Содержится словом Его мирозданье,
И слово Его облекается в плоть.*

Высшая власть духа соединяется в творчестве поэтов с христианским миросозерцанием и христианскими идеалами добра и красоты. «Бог в культурном ареале, начиная с первых веков православия, был своеобразным вместилищем морали, гуманистических традиций, питающих искусство, в том числе искусство слова» (Граудина, Кочеткова 2010: 26).

Таким образом, именно духовный код, наша общая вера, отображенная в языке и культуре, может стать фундаментом в укреплении славянского братства.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. С/З.—М.: Эдиториал УРСС, 2001

Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство Сабашниковых, 2004. – 512 с.

Буевич, А.А. Религиозный концепт «спасение» в русской культуре (на материале религиозного, философского и художественного дискурсов) / А. А. Буевич // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2, 2014. — С.45-62.

Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русское слово в лирике XIX века. – М.: Наука, Флинта, 2010.

Жинкин Н. И. Язык - речь - творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. - М.: Лабиринт, 1998. - 366 с.

Ковшова, М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка . – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60-65.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012.

Колесов В.В. Из «Притч» и «Слова» Кирилла Туровского (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова) // Памятники литературы Древней Руси. X11 век. – М., 1980.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: 2003. – 283 С.

Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996. – С. 34 – 41.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. - М.: URSS, 2004.

Маслова В.А. Мир и человек сквозь призму спортивного кода // Новое в когнитивной лингвистике XX1 века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013 – С.28-36.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. Серия «Концептуальные и лингвальные миры», сер. 9. СПб., 2015, - 148 с.

Телия В. Н., Дорошенко А. В. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизведимости языковых выражений // Язык. Ментальность. Культура. Материалы Международной научной конференции «Живодействующая связь языка и культуры». Том 1. Москва-Тула 2010, с. 3-11.

Туровский К. Избранные произведения. Вып. 2. Гомель, 1999.

Шакlein В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В.М. Шакlein. – М. : Флинта, 2012. – 301 с.

Валентина Авраамовна Маслова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Витебск, Белорусь

mvavit@tut.by

ДУХОВНЫЙ КОД И ЕГО РОЛЬ НА ПУТИ ЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Любой язык может быть описан сквозь призму кодов, и это еще один способ описания языка, имеющий право на существование наряду с его системно-структурным описанием или описанием через совокупность концептов. Коды культуры с позиции лингвокультурологии – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанных в обществе и служащих для постижения мира человеком. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности. Особый интерес и сложность представляет духовный код, который есть главный путь перехода к глубинным знаниям. Это внутренний субъективный код, нашедший отражение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработалисьнацией в процессе ее формирования. Именно с помощью духовного кода может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта). Пространство духовного кода культуры отражает духовно-нравственные запросы народа в конкретный исторический период, формирует некий идеал человека и общества определенной эпохи. Именно духовный код, наша общая вера, отображенная в языке и культуре, может стать фундаментом в укреплении славянского братства.

Ключевые слова: лингвокультурология, коды культуры, духовный код, славянские языки и культуры

(Објављено у: К. Кончаревић (уред.), „Универзитетска славистика: традиције, савремено стање, перспективе“. Међународни научни зборник поводом 140 година Катедре за славистику Београдског универзитета = „Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы“. Международный сборник научных статей, посвященный 140-летию Кафедры славистики Белградского университета, Београд: Филолошки факултет Београдског универзитета, 2017: 491-500)

•

Леонид Викторович Московкин
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

**ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ / ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(XVIII – XX ВВ.)**

В статье дается краткий обзор истории преподавания русского языка как иностранного в Санкт-Петербургском / Ленинградском университете в XVIII–XX вв. Упоминаются наиболее важные для этой истории персоналии – преподаватели русского языка, руководители подразделений университета. Приводятся данные об основных периодах преподавания русского языка как иностранного в университете, о наиболее известных учебниках, созданных его сотрудниками.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, преподавание русского языка, учебники русского языка, Ленинградский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет

1. Петербургский академический университет (XVIII в.).

Санкт-Петербургский университет был основан в 1725 году как учебное подразделение Императорской Академии наук и назывался на протяжении всего XVIII века Петербургским академическим университетом. Наряду с университетом в состав Императорской Академии наук входили научные подразделения и академическая гимназия.

В документах, регламентирующих порядок обучения в университете и гимназии, предписывалось преподавать латинский, древнегреческий, немецкий и французский языки. В доношении Академии наук в Сенат в декабре 1724 г. указывалось: «И понеже профессоры и с своими студентами учить будут латынским языком ..., надобно тем уметь латынский язык, или тому прежде обучитися в школе; а иного языка к тому не нужно. Между иными языками весьма нужны: немецкий, французский и греческий: во-первых, что на сих многие обращаются книги, в которых все ведомые науки обретаются; к тому же еще, что немецкий и французский в общем житии и обхождении великие дает способия» (Материалы 1885. Т. 1. С. 75–76).

Латинскому языку, первому по значимости в Академии наук, начинали обучать в младших классах гимназии. В старших классах, которые назывались латинской школой, и в университете на латыни преподавали все учебные предметы.

Второе место по значимости занимал немецкий язык, так как академическая гимназия строилась по немецкому образцу, и учителями, в основном, были немцы. Немецкий язык изучался с первого класса, на нем преподавали все учебные предметы в младших классах, которые поэтому и назывались немецкой школой. Немецкий язык выступал в качестве языка-посредника при изучении всех других языков.

Французский язык гимназисты и студенты изучали по желанию. В основном, его преподавали тем, кто планировал в дальнейшем поступить на военную или гражданскую службу. Древнегреческий язык преподавался студентам, которые изучали древности (студиум антиквитатис) и древнюю историю.

В соответствии с регламентом Академии наук преподавание русского языка в университете и в гимназии не предусматривалось, однако у многих учащихся имелась потребность в его изучении. Это было обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, предполагалось, что в гимназию будут поступать ученики, владеющие русским языком, умеющие на нем читать и писать. Оказалось, что далеко не все поступавшие в гимназию грамотно писали, а некоторые дети иностранных специалистов еще и плохо говорили по-русски. При этом все те, кто в дальнейшем хотел поступить на российскую государственную службу, нуждались в изучении русского языка. Вот почему на протяжении всего XVIII века отмечались попытки ввести его преподавание в гимназии. В 1730-е гг. инспектор гимназии Л. Эйлер предлагал ввести в немецкой школе учебный предмет «русский язык», а инспектор Г.В. Крафт вообще предлагал заменить немецкую школу русской. Эти инициативы не были поддержаны руководством Академии наук. Только в 1758 году М.В. Ломоносов, ставший советником канцелярии Академии наук своим указом заменил немецкую школу русской, но после его смерти в 1765 году начальная школа снова стала немецкой (Кулябко 1962).

Во-вторых, в 1725 г. предполагалось набрать на первый курс Петербургского академического университета учеников российских духовных учебных заведений, владеющих латынью. Однако оказалось, что отобранные абитуриенты не владели латынью как языком науки, и поэтому были зачислены для ее изучения в академическую гимназию. В качестве студентов были приглашены иностранцы, обучавшиеся на старших курсах в европейских университетах. Они владели латынью как

языком науки, но не владели русским языком, который был необходим для обиходно-бытового общения в Санкт-Петербурге.

Таким образом, уже в первые годы существования Академии наук у гимназистов и студентов имелась потребность в изучении русского языка: русским ученикам было важно научиться грамотно писать, нерусским – еще и правильно говорить по-русски.

В 1720-1730-е гг. для нерусских учеников гимназии занятия по русскому языку проводил вне сетки расписания учитель немецкого и латинского языков М. Шванвиц. Он же для них составил, хотя и только до раздела «Глагол», учебник русской грамматики. Текст этого учебника был опубликован несколько лет назад Г. Кайпертом и А. Хутерер (Compendium 2002).

Русскому языку обучали и студентов университета. В 1738 – 1741 гг. для них курс русской грамматики читал В.Е. Адодуров, в 1750-е гг. российскому штилю обучал студентов С.П. Крашенинников, а в 1760-е годы – А.П. Протасов. В 1780-е гг. директор Академии наук Е.Р. Дашкова проводила со студентами университета занятия по переводу с французского и немецкого языков на русский.

Студент университета В.Е. Адодуров в 1731 г. опубликовал на немецком языке краткую русскую грамматику (*Anfangs-Gründe* 1731). Это был учебник, по которому преподавали русский язык немцам на протяжении всего XVIII века и который лег в основу ряда учебников русского языка для иностранцев, например, в основу учебника русского языка для немцев Я.М. Родде (*Russische Sprachlehre* 1773). В 1740-е гг. В.Е. Адодуров обучал русскому языку великую княгиню Екатерину Алексеевну, будущую императрицу Екатерину Вторую, немку по происхождению (Записки императрицы 1907).

Секретарь Академии наук В.К. Тредиаковский в 1720-1730-е гг. работал над грамматикой русского языка для французов (рукопись не обнаружена). Он обучал русскому языку президентов Академии наук Кейзерлинга, Корфа и Бреверна, а также принца Антона-Ульриха Брауншвейгского (Пекарский 1873). На протяжении долгого времени он входил в состав экзаменационной комиссии по русскому языку в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (Материалы 1897. Т. 9. С. 82).

Профессор университета М.В. Ломоносов в 1755 году написал «Российскую грамматику» (Ломоносов 1755), которая стала основой ряда учебников русского языка для иностранцев. Например, на ее основе учитель академической гимназии И.К. Шарпантье составил учебник русского языка для французов (*Elemens* 1768), который переиздавался три раза. Шарпантье обучал русскому языку иностранных дипломатов и членов их семей.

С Императорской Академией наук и Петербургским академическим университетом связана и деятельность первых объединений русистов. В 1735 г. в Академии наук было учреждено Российское собрание – комиссия, которая занималась исправлением переводов и ставила цель создания академического толкового словаря, написания академической грамматики и риторики. В Российское собрание входили В.Е. Адодуров, В.К. Тредиаковский, И.К. Тауберт, М. Шванвиц и С.С. Волчков, оно существовало до 1742 г.

В 1748 – 1760 гг. в Академии наук работало Историческое собрание – комиссия, созданная для рецензирования и обсуждения рукописей книг по гуманитарным наукам и для исправления переводов. Наиболее активными его членами были университетские профессора О.И. Браун, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, В.К. Тредиаковский, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт.

В 1783 – 1841 гг. при Императорской Академии наук работала Российская Академия – общество филологов, которое также ставило цель создания академического словаря русского языка и академической грамматики. В нее входило 78 человек, в том числе и профессора Петербургского академического университета. Первым ее президентом была Е.Р. Дашкова. Члены Российской Академии создали толковый словарь, который содержал 43257 слов (Словарь 1789-1794). В 1802 г. была опубликована академическая грамматика (авторы: П.И. и Д.М. Соколовы при участии протоиерея И.И. Красовского под руководством митрополита Гавриила) (Российская грамматика 1802).

2. Императорский Санкт-Петербургский университет (XIX в.).

В начале XIX века в результате реформ Петербургский академический университет отделился от Академии наук и в 1819 г. стал самостоятельным учебным заведением под названием «Императорский Санкт-Петербургский университет». Занятия по русскому языку как иностранному в нем не проводились, но многие преподаватели этого учебного предмета и авторы учебников были связаны с университетом.

Одним из наиболее известных в середине XIX века преподавателей русского языка как иностранного был студент юридического факультета В. Алексеев, обучавший русскому языку иностранных дипломатов. Среди его учеников был, в частности, прусский посол Отто фон Бисмарк (Лефельдт 2006). В. Алексеев написал учебник русского языка для немцев (Alekseev 1872-1876), который переиздавался 24 раза как в России, так и в Германии.

В 1860-1880-е гг. при университете был открыт Учительский институт славянских стипендиатов. В нем учились студенты-славяне из Германии и Австро-Венгрии, которые готовились стать преподавателями

древних языков в российских гимназиях. Русскому языку их обучали несколько преподавателей историко-филологического факультета. Среди них историк русского языка Вячеслав Измайлович Срезневский, который оставил интересные отчеты о методике преподавания русского языка как инославянского, и лермонтовед Иннокентий Михайлович Болдаков (Отчеты 1880. Л. 59 об.).

3. Ленинградский государственный университет (1945–1990 гг.)¹.

Массовое обучение русскому языку иностранных студентов в Ленинградском университете началось после окончания Великой Отечественной войны – с 1945/46 учебного года, когда в университет прибыли студенты из Албании, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Югославии. Организацию обучения этих студентов русскому языку ректорат поручил доценту кафедры русского языка филологического факультета М.А. Соколовой, которая привлекла для проведения учебных занятий преподавателей своей кафедры, кафедр романской и славянской филологии, кафедры фонетики. В составе кафедры русского языка была создана секция русского языка для иностранных студентов (Андреева-Георг 2002).

Прибывавшие в университет студенты из Китая и Монголии направлялись для обучения русскому языку на восточный факультет университета, где занятия с ними проводили преподаватели отделения народов Севера. В 1948 году на основе этого отделения был создан факультет народов Севера, в составе которого в 1949 году была учреждена кафедра методики русского языка для нерусских, заведующий кафедрой: А.А. Горцевский.

6 февраля 1952 г. по решению руководства Ленинградского университета на филологическом факультете была учреждена общеуниверситетская кафедра русского языка для нерусских, которая объединила всех, кто преподавал русский язык иностранным студентам. В 1950-е гг. ее возглавляли А.П. Аверьянова (1952–1956), О.Г. Воронкова (1956–1958), Е.И. Воинова (1958–1959).

Преподаватели кафедры проводили учебные занятия с иностранными студентами I–III курсов и иностранными аспирантами I–II курсов всех факультетов. В 1956 году на кафедре были организованы секции сначала по курсам обучения, а затем и по национальностям: китайская, монгольская, славянская, западная секции, а также аспирантская и филологическая (Аверьянова 2002).

¹ В 1924 г. Петроград был переименован в Ленинград. Университет получил название Ленинградский государственный университет.

Главной задачей кафедры в области методической работы было создание учебников и учебных пособий. В 1950-е годы под руководством К.П. Язевой были составлены две книги для чтения и сборник упражнений по синтаксису и развитию речи. В.П. Андреева-Георг и Б.В. Братусь создали учебник русского языка для 8 класса вьетнамских школ. О.Г. Воронкова, В.Д. Толмачева, Сяо Минь и Цзун Юй-цай опубликовали учебник русского языку для студентов-китайцев.

Научная работа кафедры была направлена на изучение вопросов синтаксиса, лексики и стилистики в аспекте их преподавания студентам-иностранным. В.П. Андреева-Георг и В.М. Тамань проводили сравнительные исследования русского и родных языков студентов, результаты которых использовались в процессе обучения.

В 1960-е годы общеуниверситетская кафедра русского языка для нерусских, была переименована в кафедру русского языка для иностранцев, заведующие: Б.В. Братусь (1960 – 1962; 1969 – 1978) и В.С. Маслов (1962 – 1969). Она стала крупнейшим в СССР центром научной и методической работы области преподавания русского языка иностранным студентам. Преподавателями разрабатываются пособия по обучению грамматике (Н.П. Кочеткова, В.М. Матвеева, Е.И. Воинова, М.А. Шахматова, А.А. Козлов и др.), фонетике (Б.В. Братусь), развитию речи (В.М. Матвеева, Р.Э. Назариан, Н.П. Колоярцева и др.), стилистике (Л.А. Киселева, В.М. Матвеева, Р.Б. Волосатова и др.), страноведению (Н.А. Куркова, А.Е. Островская Л.В. Гордейчук, Л.П. Даниленко и др.), пособия для краткосрочных курсов (Г.Н. Аверьянова, А.Е. Островская, Н.А. Куркова). Были созданы словарь глагольного управления (В.П. Андреева-Георг, В.Д. Толмачева), словарь словосочетаний (Б.В. Братусь и др.).

Появилось новое направление деятельности кафедры – обучение языку специальности. На кафедре создаются секции естественных наук, гуманитарных наук, филологическая и подготовительная. Для студентов каждого факультета разрабатываются учебные программы и учебные пособия (А.Е. Островская, Л.П. Даниленко, Г.Г. Чупрун, Г.Н. Парилова и др.).

Начиная с 1959 г. примерно один раз в три года издавались сборники научно-методических статей под редакцией Б.В. Братуся, В.С. Маслова, О.Г. Воронковой, Ю.И. Борковского, М.А. Шахматовой.

Одним из важнейших направлений работы кафедры в 1970-е гг. была подготовка молодых преподавателей русского языка как иностранного. На филологическом факультете было открыто спецотделение, готовившее преподавателей русского языка как иностранного со знанием английского, французского и испанского языков. Специальные дисциплины для них читали преподаватели кафедры русского языка для иностранцев.

В 1978 году на основе кафедры русского языка для иностранцев был учрежден факультет русского языка как иностранного (ФРЯКИ). Деканы факультета: В.М. Мокиенко (1979-1990), К.А. Рогова (1990-1994). На факультете были созданы:

- кафедра русского языка для студентов-филологов, заведующие кафедрой: В.И. Кодухов (1978-1984), К.А. Рогова (1984-1993),
- кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, заведующие кафедрой: Г.Н. Аверьянова (1978-1982), В.М. Мокиенко (1982-1990);
- кафедра русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов, заведующие кафедрой: Л.П. Даниленко (1980-1982), А.И. Моисеев (1982-1993);
- кафедра краткосрочных форм обучения иностранцев русскому языку, заведующая кафедрой Г.Н. Аверьянова (1982-1990 гг.);
- кафедра страноведения СССР, заведующая кафедрой: Н.А. Куркова (1985-1990).

ФРЯКИ обеспечивал практическое преподавание русского языка как иностранного на всех факультетах университета, преподавание на краткосрочных курсах, а также подготовку студентов спецотделения.

В 1980-е гг. на новый уровень поднялась научная работа преподавателей. Один раз в два года издавались сборники научных статей под редакцией Г.Н. Аверьяновой, Л.П. Даниленко, В.И. Кодухова, А.И. Моисеева, В.М. Мокиенко, К.А. Роговой, В.В. Химика, С.Ф. Шатилова. Был опубликован ряд методических работ (Любимова 1982; Шатилов 1985; Кодухов 1985; Волосатова, Малехова 1988; Ендольцев 1988; Грамматика 1991).

В 1981 г. была открыта аспирантура, которая готовила научные кадры высшей квалификации по специальностям 10.02.01 – Русский язык и 13.00.02 – Методика обучения русскому языку как иностранному. До 1983 г. аспирантурой руководила М.А. Шахматова, с 1983 г. по настоящее время – Н.А. Любимова. Лекции для аспирантов читали В.И. Кодухов, Н.А. Любимова, А.И. Моисеев, В.М. Мокиенко, С.Ф. Шатилов, М.А. Шахматова.

В 1983 г. Высшая аттестационная комиссия СССР утвердила в Ленинградском университете специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по двум указанным научным специальностям. Председатели совета: В.И. Кодухов (1983-1985), В.М. Мокиенко (1985-1990), К.А. Рогова (1990-2013). Первые защиты кандидатских диссертаций состоялись в 1984 году.

Самым крупным методическим достижением 1980-х гг. было создание учебного комплекса по русскому языку для иностранных студентов-филологов. В работе над основными учебниками для первого и второго годов обучения приняли участие Г.Н. Аверьянова, Е.И. Войнова,

В.М. Матвеева (Учебник 1983), в работе над учебными пособиями – Н.П. Кочеткова, Р.Э. Назариан, Ю.И. Борковский, В.М. Ласкарева, В.М. Матвеева, С.Т. Саевич, М.А. Шахматова и другие.

Разрабатывались учебные пособия по фонетике (Б.В. Братусь, Л.А. Вербицкая), грамматике, стилистике, языку специальности. Создается учебная программа для краткосрочных курсов и ряд учебных пособий, среди которых получил известность учебник «Темп-3» (1983).

4. Санкт-Петербургский государственный университет (с 1992 г. по настоящее время)².

В 1990-е гг. Факультет русского языка как иностранного прекращает свое существование. В 1990 г. на базе кафедры краткосрочных форм обучения иностранцев русскому языку и кафедры страноведения создается Центр русского языка и культуры (первый директор – А.С. Филиппов, затем С.Г. Еремеев). В 1993 г. три остальные кафедры вливаются в состав филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В ходе преобразований формируются:

- кафедра русского языка для иностранцев-филологов, в дальнейшем кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания; заведующие кафедрой: К.А. Рогова (1993–1999 гг.), Е.Е. Юрков (1999–2013 гг.), В.П. Казаков (2013–2017 гг.), Е.И. Зиновьева (2017 г.), Т.И. Попова (2017 г. – по настоящее время);
- кафедра русского языка для иностранцев-нефилологов, в настоящее время кафедра русского языка для гуманитарных и естественных факультетов; заведующие кафедрой: В.В. Химик (1993–2016 гг.), Е.И. Селиверстова (с 2016 г. по настоящее время).

За прошедшие 24 года преподавателями этих кафедр сделано так много, что все это трудно описать в рамках одной статьи. Отметим основные позиции.

В 1990-2000-е гг. кафедры русского языка как иностранного начали заниматься проблемами теории и практики сертификационного тестирования. В 1997 году в СПбГУ учреждается Центр тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку. Создаются государственные образовательные стандарты по русскому языку как иностранному, типовые тесты с ориентацией на высшие уровни владения языком, методические пособия по тестированию. Проблемам оценки коммуникативной компетенции иностранных учащихся посвящаются научные исследования И.Н. Ерофеевой, О.А. Лазаревой, Т.Е. Нестеровой, Т.И. Поповой, Н.Л. Федотовой, Е.Е. Юркова и других специалистов.

² Ленинградский государственный университет в 1992 г. получил название Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

Под руководством Н.А. Любимовой проводится серия исследований фонетической стороны русской речи, создается ряд монографий (см., например, Любимова 2011). К.А. Рогова руководит группой исследователей текста, ими издается несколько коллективных монографий по теории текста и методике работы с текстом на занятиях по русскому языку как иностранному (см., например, Текст 2011). Создается ряд монографий и учебных пособий в области лексикологии и лингвокультурологии под руководством Е.И. Зиновьевой (см., например, Зиновьева 2010). Публикуются монографии по фразеологии и паремиологии (Е.И. Селиверстова), фольклору (А.В. Никитина), литературоведению (Н.П. Беневоленская, Л.Д. Бугаева). В.В. Химик исследует разговорную речь и издает «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» и «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи». Н.А. Буре принимает участие в составлении «Словаря перестройки» под руководством В.И. Максимова.

Публикуются монографические исследования в области методики обучения русскому языку как иностранному (Капитонова, Московкин 2006; Московкин, Щукин 2013; Лазарева 2012). Издается учебный комплекс по методике Н.Л. Федотовой, включающий учебное пособие и практикум (Федотова 2015). Под руководством Т.И. Поповой осуществляются лингводидактические описания уровней владения русским языком, создаются учебные программы.

Результаты научных исследований преподавателей русского языка как иностранного находят отражение в кандидатских и докторских диссертациях, представляются и обсуждаются на ежегодной международной филологической конференции СПбГУ, где на протяжении многих лет готовит и проводит секцию «Русский язык как иностранный и методика его преподавания» Н.А. Любимова.

За последние 25 лет сотрудники кафедр русского языка как иностранного СПбГУ подготовили около 120 учебников и учебных пособий для иностранных учащихся. Среди них учебные комплексы «Русское поле» (2008), «Русский язык. Первые шаги» (2010), «Успех» (2011), «Русский язык для продвинутых» (2014).

Пользуются популярностью не только в СПбГУ, но и за его пределами пособия по обучению фонетике Н.Л. Федотовой, грамматике Б.Н. Коваленко, О.И. Глазуновой, Е.Р. Ласкаревой, лексике Е.Р. Ласкаревой, письму Д.В. Колесовой, Н. Масловой, аудированию И.А. Гончар, Л.И. Москвитиной, говорению Т.И. Поповой и Е.Е. Юркова, О.В. Хорохординой, страноведению И.А. Гончар, Е.Н. Зыковой Е.Р. Ласкаревой, А.В. Никитиной, Л.Б. Волковой и Т.А. Комиссаровой, языку специальности А.С. Шатилова.

Одним из направлений учебно-методической деятельности кафедр является освоение и применение новых информационных технологий и создание сетевых дистанционных учебных курсов. Преподавателями кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Н.А.Буре, М.В.Быстрых, Л.Б.Волковой, М.Ф.Лужковской, И.Г.Никольской, Е.И.Зыковой, Е.И.Селиверстовой разработаны сетевые дистанционные курсы в системе Moodle – «Русский язык как иностранный в профессиональной сфере (гуманитарный и естественный профили)»; «Речевой портрет делового человека»; «Русский язык от А до Я. Первая встреча»; в системе Blackboard – «Русский язык и культура речи» (Н.А. Буре). Изданы лингводидактические тренажеры «Формула счастья» (2007) и «Люблю тебя» (2009) (М.В. Быстрых, Н.А. Буре). На кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания подготовлен дистанционный курс «Успех+» (О.И. Глазунова, Т.И. Попова и др.).

Одним из направлений работы кафедр русского языка как иностранного СПбГУ является участие в разработке и проведении программ дополнительного образования. Среди них программы «Преподавание русского языка как иностранного – второе образование», «Лингводидактическое тестирование», «Текст – объект языка, речи, коммуникативно ориентированного обучения русскому языку как родному и как иностранному».

В 2005 г. в составе филологического факультета был создан Институт русского языка и культуры (директор – Е.Е. Юрков, с 2013 г. – В.П. Казаков), который координировал научную и учебно-методическую работу кафедр русского языка как иностранного и осуществлял подготовку иностранных учащихся разных уровней владения русским языком (Институт существовал до 2015 г.). В 2015 г. на его основе был создан Центр дополнительных образовательных программ по направлению «Русский язык как иностранный» (руководитель – О.В. Чухаева).

Кафедры русского языка как иностранного СПбГУ сотрудничают с российскими и зарубежными вузами, с общественными организациями. Их выпускники работают в вузах России и других стран на всех континентах планеты.

ЛИТЕРАТУРА

Аверьянова А.П. История общеуниверситетской кафедры русского языка для нерусских // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета / Сост. И. С. Лутовинова; Отв. Ред. С. И. Богданов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. С. 170–173.

Андреева-Георг В.П. Общеуниверситетская кафедра русского языка (исторический очерк) // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета / Сост. И. С. Лутовинова; Отв. Ред. С. И. Богданов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. С. 168–170.

Волосатова Р.Б., Малехова А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Курс лекций. Л.: ЛГУ, 1988. 53 с..

Грамматика в практическом курсе русского языка как иностранного / В.В. Химик и др. Л.: ЛГУ, 1991. 86 с.

Ендольцев Ю.А. Вопросы теории и практики в преподавании лингвострановедения. Л. : ЛГУ, 1988. 52 с.

Записки императрицы Екатерины Второй. Пер. с подлинника, изд. Имп. Академией наук. СПб., 1907.

Записки императрицы Екатерины Второй: перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1907. 749 с.

Зиновьева Е.И. Русская ментальность в зеркале языка: учебное пособие. СПб.: Нестор-История, 2010. 96 с.

Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2005. 135 с.

Кодухов В.И. Русский язык как иностранный. Л.: ЛГУ, 1985. 63 с.

Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1962. 216 с.

Лазарева О.А. Лингвокогнитивные основы обучения иностранцев русской лексике. СПб: издательство «Осипова», 2012. 250 с.

Лефельдт В. Бисмарк и русский язык // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 449 – 469.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: типogr. ИАН, 1755 (1757). 210 с.

Любимова Н.А. Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков. М.: Русский язык, 2011. 242 с.

Любимова Н.А. Обучение русскому произношению: Артикуляция. Постановка и коррекция рус. звуков. 2-е изд. М.: Русский язык, 1982. 190 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. (1716-1730). СПб.: типogr. ИАН, 1885. 732 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Том IX. (1748-1749). СПб.: типogr. ИАН, 1897. 827 с.

Московкин Л.В., Щукин А.Н. История методики обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2013. 400 с.

Отчеты об учительском институте славянских стипендиатах за время от 21 января 1866 по 1 января 1880 года // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Ед. хр. 13.

Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 2. СПб.: типогр. ИАН, 1873. 2012 с.

Российская грамматика, сочиненная императорской Российской академией. СПб.: Имп. Тип., 1802. 355 с.

Русский язык. Первые шаги: учебное пособие: в 3 ч. / Л.Г. Беликова, Т.А. Шутова, С.Б. Степанова. СПб.: МИРС, 2010. 584 с.

Русский язык. Учебник для продвинутых / Рогова К.А., Вознесенская И.М., Хорохордина О.В., Колесова Д.В. Вып.1. СПб.: Златоуст, 2014. 204 с.

Русское поле. Книга для студента. II сертификационный уровень общего владения РКИ. Ч.1 / И.М. Вознесенская, И.А. Гончар, Т.И. Попова, Н.Л. Федотова; под ред. Е.Е. Юркова. СПб.: МИРС, 2008. 197 с.

Словарь Академии Российской 1789-1794 : В 6 т / Рос. акд. наук. Отд-ние лит. и яз., Моск. гуманит. ин-т им. Е.Р. Дашковой. Переизд. М. : МГИ, 2001.

Текст: теоретические основания и принципы анализа / Под ред. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 456 с.

Темп-3 : Интенсивный курс русского языка / Аверьянова Г.Н., Колоярцева Н.П., Куркова Н.А., Пядусова Г.И. М.: Русский язык, 1983. 238 с.

Успех. Элементарный уровень. Книга для студента / Е.Е. Юрков, Л.В. Московкин, И.А. Бойцов и др.; под ред. Е.Е. Юркова, Л.В. Московкина. СПб.: МИРС, 2011. 141 с.

Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов : Основной курс (первый год обучения) / Войнова Е.И., Матвеева В.М., Аверьянова Г.Н. М.: Русский язык, 1981. 311 с.

Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). СПб. : Златоуст, 2015. 192 с.

Шатилов С.Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся. Л.: ЛГУ, 1985. 56 с.

Alekseev V. Neues Lehrbuch der Russischen Sprache mit beigefügten Sprechübungen und Lesestücken. St.Petersburg, 1872-1876. 346 с.

Anfangs-Gründe der Russischen Sprache // Нѣмецко-латинскій и рускій Леѣзонъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатю изданъ. СПбю: типогр. ИАН, 1731. С. 1-48.

Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. Von H. Keipert in Verbindung mit

A. Huterer. Munchen: Verlag der Bayerische Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C.H. Beck, 2002. 219 S. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Heft 121).

Elemens de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage. Saint-Pétersbourg, de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences. 1768. 368 p.

Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend eingerichtet von Jacob Rodde, Secretair und Translateur des Magisträts in Riga. Riga : Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1773. 248 c.

Leonid Viktorovich Moskovkin
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
moskovkin.leonid@yandex.ru

TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE SAINT PETERSBURG / LENINGRAD STATE UNIVERSITY (18TH – 20TH CENTURIES)

The article deals with the brief survey of the history of teaching Russian as a foreign language in the Saint Petersburg / Leningrad State University (18th – 20th centuries). The most important personalia – the Russian language teachers, the chiefs of departments of the university – are mentioned. The data about the different periods of teaching Russian as a foreign language, the famous Russian language textbooks are given.

Key words: Russian as a foreign language, teaching Russian language, Russian language textbooks, Saint Petersburg State University, Leningrad State University

(Објављено у: К. Кончаревић (уред.), „Универзитетска славистика: традиције, савремено стање, перспективе“. Међународни научни зборник поводом 140 година Катедре за славистику Београдског универзитета = „Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы“. Международный сборник научных статей, посвященный 140-летию Кафедры славистики Белградского университета, Београд: Филолошки факултет Београдског универзитета, 2017, стр. 27-41)

•

Роман Левицкий (Лублин, Польша)

Русская религиозная лексика в переводческой конфронтации: избранные приемы перевода

Различия в составе и в функционировании религиозной лексики в разных языках проявляются в процессе передачи этой лексики в переводе, требующей зачастую применения особых переводческих техник. В статье демонстрируются разные переводческие приемы, нашедшие применение в ходе передачи религиозной лексики в переводах текстов русской художественной литературы на польский язык.

Ключевые слова: двуязычный словарь, лексика, лексикография, перевод, польский язык, русский язык.

Рассмотрение переводов дает весьма поучительный материал для исследования функционирования религиозной лексики в чужой культурной среде. Сказанное относится, впрочем, не только к сфере религии, а, как уже неоднократно отмечалось, к переводу вообще; следствием любого решения на перевод является попытка создания текста на целевом языке, который призван функционировать в ином культурном контексте. Эта своеобразная «переадресовка» текста обязательно влечет за собой определенные изменения в его структуре, которые только по наивному взгляду можно рассматривать как «отступления от оригинала». Не иначе обстоит дело с текстами, насыщенными религиозной лексикой, если перевод осуществляется на язык народа, принадлежащего к иной религиозной сфере. Исследование переводного материала приобретает здесь особую важность, так как в ходе переводческой работы выявляются возможности и ресурсы целевого языка, которые могут быть пригодны в условиях несовпадения употребляемой в двух языках религиозной лексики или, точнее говоря, в условиях асимметрии структуры семантических полей «религия» в этих языках. Таким образом, каждый перевод предстает перед нами как попытка межконфессионального диалога. Переводной материал представляет собой наглядное свидетельство как реализованных, так и не реализованных, или неправильно, неполно реализованных возможностей иноязычной передачи религиозной лексики.

Объектом анализа в настоящей статье являются переводы текстов художественной литературы. Следовательно, речь идет здесь не

о сугубо терминологическом использовании религиозной лексики, а о ее присутствии в текстах общего, т.е. не специального назначения. Несмотря на то, что религиозная лексика может рассматриваться (и чаще всего так и происходит) как лексика специальная (см. об этом, в частности: Lewicki 2002b), ее функционирование в языке не ограничивается специальной сферой коммуникации¹. В художественных текстах религиозная лексика представляет собой средство, иллюстрирующее культурную значимость христианства для общеноционального дискурса. Функция такой лексики в этих текстах иная, чем в специальной литературе. Во-первых, эта функция не сводится к точному обозначению денотатов религиозной сферы жизни, как в специальных текстах, а включает немаловажный коннотативный элемент: религиозные лексические единицы являются сигналами определенной культуры, обычая, общественной среды, также стиля общения. Во-вторых, обозначение денотатов в целом подчинено стилистическим и сигнальным задачам, что приводит к своеобразной перестройке функциональной структуры этих единиц текста: на передний план выдвигается коннотативный смысловой компонент. Следовательно, точность передачи денотативных значений в переводе таких текстов не является приоритетом. Названное своеобразие налагает сильный отпечаток на особенности переводческих решений, в особенности, вызывает высокую частотность употребления тех переводческих приемов и техник, которые в переводе специальных текстов имеют относительно небольшую степень пригодности.

В настоящей статье представлены избранные примеры переводческих приемов, используемых при передаче русской религиозной лексики на польский язык. Опора на именно эту пару языков обоснована принадлежностью обоих национальных культур к разным частям христианства – восточному (православному) и западному (католическому). Исследовательский материал взят из опубликованных переводов произведений русской художественной литературы на польский язык. Для анализа были избраны те лексические единицы в структуре текстов, которые – ввиду несовпадения обозначаемых ими объектов – требуют иных переводческих решений, чем прямая лексическая эквивалентность.

Материал был собран в ходе подготовки Русско-польского словаря «Христианство», вышедшего в свет в Варшаве в 2002 году (Lewicki 2002a). Словарь был задуман как переводной, т.е. дающий готовые для применения в переводе соответствия, также такие, которые не являются так называемыми «словарными эквивалентами», т.е. эквивалентами в понимании Я.И. Рецкера (2010: 13). Поэтому на правой стороне словарной статьи даются в нем и неточные, приблизительные эквиваленты, и

различного типа функциональные аналоги, и такие соответствия, применение которых возможно лишь при условии перестройки синтаксической структуры высказывания.

Подобные случаи, нередкие в переводческой практике, традиционно определялись в русском переводоведении как «безэквивалентная лексика» (см., в частности: Латышев 1988: 103-107). В современных разработках этот термин употребляется всё реже, по мере того как понятие эквивалентности постепенно и неуклонно расширяется и выходит за рамки чисто лексической трактовки, а всё большую значимость приобретает исследования более крупных единиц перевода (о понятии единицы перевода см., в частности: Миньяр-Белоручев 1996: 76-90). Также и в настоящей статье переводческая эквивалентность рассматривается как свойство сопоставляемых единиц текстов оригинала и перевода, независимо от их размеров и языкового статуса. Такой подход позволяет, в частности, разграничить разные виды эквивалентности:

а) лексическую эквивалентность и эквивалентность более крупных текстовых единиц;

б) в рамках лексической эквивалентности – «словарные» соответствия, т.е. эквивалентность, основанную на свойствах лексем (единиц языка) и эквивалентность, основанную на денотативном критерии, т.е. на вариативности обозначения предмета.

Рассмотрение передачи русской религиозной лексики в польских переводах позволяет увидеть многочисленные случаи эквивалентности, основанной на соответствиях «словарного» типа, которая появляется при лексических единицах, обозначающих общехристианские понятия и предметы, свойственные христианской религии вообще. Они не будут предметом рассмотрения в настоящей статье. Анализ остальных случаев эквивалентности позволяет выделить следующие переводческие приемы:

- обобщение, т.е. генерализацию,
- описательный перевод, т.е. перифразу,
- метонимический перевод,
- конкретизацию,
- приблизительный перевод,
- опущение,
- конверсивный перевод,
- перевод с использованием неологизма.

Обобщение, т.е. генерализация, описанная уже многократно (например: Комиссаров 1990: 175-176), применяется прежде всего для передачи названий православных богослужений, песнопений и монастырей, а также священнослужителей; речь идет о названиях, не

имеющих соответствий в католическом обиходе, и поэтому лишенных эквивалентов в польском языке:

Слышала ты, что за *всенощной* сегодня читали? (М. Салтыков-Щедрин, *Господа Головлевы*)

Czy słyszałaś, co dzisiaj czytano podczas *nabożeństwa*?

Потом к *вечерне*, а вечером опять рассказы да пение. (А. Островский, *Гроза*)

Potem – znowu *nabożeństwo w cerkwi*, a wieczorem – gawędy i śpiewy. Он понизил сорвавшийся голос, и тогда, рядом со словами девятой кафизмы, потекли всхлипывающие слова двух голосов. (М. Горький, *Дело Артамоновых*)

Ściszył rwący się głos i wówczas równolegle ze słowami *psalmu* popłynęły słowa dwu łąkających głosów.

Наталья Кирилловна, как роза осенью, расцвела в *лавре*. (А. Толстой, *Петр Первый*)

Natalia Kiriłłowna zakwitła w *klasztorze*, jak róża o jesieni.

Приставили его к *иеромонаху* Нилу. (А. Толстой, *Неверный шаг*)

Został przydzielony do ojca Niła.

Однако наряду с этими, наиболее типичными и частотными случаями, зарегистрировано применение генерализации для передачи других лексических единиц, называющих специфичные православные реалии:

Над лаврой непрестанно гудел праздничный *перезвон*. (А. Толстой, *Петр Первый*)

świąteczne *dzwonienie* bez ustanku huczało nad ławrą

Над головой *трезвонили* все московские сорок сороков (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)

Nad głową *dzwoniły* cerkiewne dzwony

Говеющие прошли к утрене. (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)

Wierni szli na jutrznię.

Праздничный православный *перезвон* отличается особой звуковой структурой: последовательным употреблением большого, среднего и малого колокола. Этот элемент значения и, вслед за ним, элемент описываемой ситуации, в обобщенном переводе с помощью слова *dzwonienie*

утерян. Торжественным характером отличается также *трезон*, в то время как в переводе сохранен лишь общий денотативный элемент.

Особо интересен последний случай, где русское слово *говеющие* передано с помощью слова *wierni* ‘верующие’, т.е. без указания на вид действий этих людей. Генерализация применена здесь в связи с отсутствием в польском языке глагола, охватывающего в своем значении все составные элементы значения русского глагола *говеть*, который вследствие этого вызывает при переводе сильные затруднения. Думается, что как многообразие способов его передачи в переводах, так и различия в результатах переводческих решений стоят более детального описания в отдельной статье.

Описательный перевод, т.е. перифраза, представляет собой прием, состоящий в передаче смысла единицы оригинала с помощью развернутого описания (Латышев 1988: 105-106). Отличительной чертой этого приема является его результат в виде увеличения объема перевода, что в переводческой литературе получило название *амплификации*. Наблюдается передача лексической единицы с помощью словосочетания, иногда весьма распространенного, содержащего описание денотата:

Отказались от Него ученики, отказались апостолы, отказались жены-мироносицы. (А. Куприн, *Листригоны*)

Wyparli się go uczniowie, wyparli apostołowie, wyparły niewiasty, które namaściły ciało jego mirrą.

На Святой, на Фоминой по целым дням *трезонили* колокола над городом. (И. Бунин, *Чаша жизни*)

W tygodniu świątecznym i po świętach całymi dniami rozgłośnie biły wszystkie dzwony nad miastem.

И март разбрасывает снег на *панерти* толпе калек (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)

A marzec w krąg rozrzucią śnieg, tłum kalek kruchty obsiadł brzeg.

Первый из приведенных выше случаев наиболее выразителен, так как размер амплификации здесь особенно велик. Однако два остальных случая также можно рассматривать как примеры описательного перевода, поскольку в них переводчику удалось преодолеть отсутствие эквивалента с помощью описания денотата: *трезонили – rozgłośnie biły; панерть – brzeg kruchty*, и таким образом избежать информационного обеднения, столь характерного для описанной ранее генерализации.

Следующий пример показывает, что описательный перевод может иметь особый характер, состоящий в изменении образа. Можно сказать, что сущность приема остается такой же (описательная передача значения исходной единицы текста), однако в этом описании активируются другие элементы ситуации, а именно те, которые свойственны и католическому обряду:

Они, так же, как Кити, стояли *под венцом с любовью*, надеждой и страхом в сердце (Л. Тостой, *Анна Каренина*)

Podobnie jak Kitty, stały przed ołtarzem z miłością, nadzieję i obawą w sercu

В результате применения приема описательного перевода образ может вовсе исчезнуть, несмотря на многословие períфразы:

Их втихомолку кропили *богоявленскою водой*, которая (...) нимало не утрачивает чудотворной силы, сообщаемой ей *в момент погружения креста* (Н. Лесков, *Однодум*)

Aby (...) pokropić je cichaczem wodą świętą, która (...) nie psuje się i nie traci nic ze swej mocy cudownej, jakiej nabiera w Święto Zjawienia Pańskiego podczas błogosławieństwa w cerkwi.

Метонимический перевод, как неоднократно указывалось, имеет многообразные проявления, объединенные смежностью выражаемых в оригинале и в переводе значений, и представляет собой довольно часто используемый прием². Его структурной основой является изменение синтаксической конструкции, вследствие чего отпадает необходимость поиска лексического эквивалента для данной единицы исходного текста. Поэтому он носит иакже название *метонимической замены*:

Мне сильно хотелось быть *жезлоносцем* у архиерея
Strasznie chciałem trzymać pastorał za biskupem

Нет необходимости поиска лексического эквивалента для слова *жезлоносец* (а это затруднительно), так как вследствие изменения конструкции в переводе вместо лица называется действие лица: *trzymać pastorał* ‘держать жезл’.

К Красной горке ждем последний ответ. (Н. Лесков, *Соборяне*)
Po Wielkanocy oczekujemy ostatecznej odpowiedzi.

Красная горка это первой недели после Пасхи, в русской православной традиции время свадеб. Передать эту информацию с помощью лексического эквивалента невозможно. Затруднение разрешается с помощью отнесения к названию праздника Пасхи (по временной смежности: вместо названия периода времени используется название праздника, вслед за которым начинается этот период времени).

Уж вечерню скоро стоять. (А. Толстой, *Петр Первый*)

Niedługo wieczorne nabożeństwo...

Название действия (*стоять вечерню*) заменяется названием события (*nabożeństwo* ‘богослужение’).

Особым случаем метонимического перевода является замена называемой в тексте фазы действия. Такие случаи в переводческой практике приходится наблюдать нечасто, тем более интересен следующий случай, в котором название движения (*подойди*) заменяется в переводе названием принятия благословения, т.е. действия, непосредственно следующего за движением: сначала человек подходит к благословению (первая фаза события), затем принимает благословение (вторая фаза).

Не бойся, *подойди под* мое благословение (А. Пушкин, *Капитанская дочка*)

Nie lękaj się, *przyjm* moje błogosławieństwo!

И еще несколько примеров метонимических замен.

Здесь могло быть в древности какое-нибудь языческое капище неизвестных идолопоклонников, место их *священнодействий* и *жертвоприношений*. (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)

Mogła tu być w dawnych czasach jakaś świątynia pogańska, gdzie *odprawiano obrzędy i składano ofiary*.

Мать Тиверзина, в то время *выпускница епархиалка*, за которую он сватался, отказалась ему. (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)

Matka Tiwierzina, która w owych czasach ukończyła właśnie szkołę parafialną, dała mu kosza.

Конкретизация обычно описывается как замена, состоящая в использовании в переводе выражения с более узким денотативным значением, чем значение исходного выражения (см., в частности, Комиссаров 1990: 173-174). Однако, случаи конкретизации при переводе

религиозной лексики своеобразны, нестандартны. По-видимому, как конкретизацию можно рассматривать также замену иносказательного названия прямым, как в следующем примере:

Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне *лукавый* в уши шепчет. (А. Островский, *Гроза*)

Język miele wyrazy, a głowa zajęta czym innym. Jakby mi szatan do ucha szeptał.

Упомянутое уже слово *говеть* (и родственные образования) также показывает в переводе случаи конкретизации, когда оно передается с помощью употребления выражений, называющих отдельные действия по духовной подготовке к таинству причащения, как это видно в следующем отрывке, где таким действием является исповедь:

Говели в приходе. С тех, кто в Великом посту не успевал *отговеться*, батюшка на Святой, обходя с крестом избы, брал по 15 копеек. (А. Чехов, *Мужики*)

Do wielkanocnej spowiedzi chodziły do parafii. Od tych, którzy w czasie Wielkiego Postu nie zdążyli *odbyć spowiedzi*, pop przy obchodzie chat przed Wielkanocą brał po piętnaście kopiejk.

Приближенный перевод (называемый также *апроксимацией* или *семантическим сдвигом*) наблюдается не так часто, скорее всего, ввиду того, что вследствие его применения происходит определенная фальсификация описываемой действительности, подмена денотатов. Оправданием его применения может быть незначительность информационных потерь – как можно предполагать, именно оценка переводчиком потерь как несущественных делает такой прием допустимым:

Он не выражал ни удовольствия от того, что женится скоро, *на Красной горке*, ни желания повидаться с невестой. (А. Чехов, *В овраге*)

Nie okazywał zadowolenia z tego, że żeni się tak prędko, *w niedzielę przewodnią*, nie objawiał też chęci zobaczenia się z narzeczoną.

Вместо помещения события в период времени (*на Красной горке*) получаем его помещение в следующее воскресение после Пасхи, т.е. в день, завершающий этот период (*w niedzielę przewodnią*).

Обращаю к Тебе, *Всевидящий* и *Всеблагий*, свою наущную молитву
(Ч. Айтматов, *Плаха*)

Kieruję ku Tobie, Boże *Wszechwiedzący* i Łaskawy, moje nieustanne modły

Атрибут Бога, называемый в оригинале, содержит сему наблюдения, что отсутствующую в названии *Wszechwiedzący* 'всезнающий', несмотря на их семантическую близость. Однако, по-видимому, для содержания этого фрагмента информационная потеря представляется незначительной и не влияющей на pragматический потенциал высказывания героя.

Опущение названия бывает иногда самым разумным выходом из затруднительного положения, а информационная потеря оказывается зачастую столь незначительной, что не оправдывала бы долгих поисков эквивалента исходного названия. Поэтому случаи пропуска названия при переводе религиозной лексики оказываются довольно частотными. Этот факт лишний раз подтверждает ту важнейшую для переводоведения истину, что переводу подлежит текст, а не единицы языка. Следовательно, вопрос «Как перевести такое-то слово?» можно рассматривать лишь как мыслительное сокращение; строго говоря, этот вопрос поставлен неправильно, если слово не помещено в многогранный контекст его употребления. В следующих фрагментах пропускаются единицы текстов, показывающие известную степень семантической избыточности в данных контекстах. Эта избыточность и делает возможным их опущение.

Мать бросилась на колени перед *кивотом* с образами, молилась и плакала. (С. Аксаков, *Детские годы Багрова-внука*)

Matka padła na kolana przed świętymi obrazami, modliła się i płakała.

Над всей этой теснотой, говором, гамом и скрипом телег гудит праздничный звон к *обедне* (И. Бунин, *Я всё молчу*)

Nad całym tym tłokiem, gwarem, zgiełkiem i skrzypieniem kół huczy odświętne bicie dzwonów

Матери было очень грустно, что она не услышит *заутрени* *Светлого Христова Воскресения* (С. Аксаков, *Детские годы Багрова-внука*)

Matce było nader smutno że nie będzie na jutrznii.

В церкви отходила обедня, зазвонили к «*Достойно*». (М. Шолохов, *Тихий Дон*)

W cerkwi odprawiano nabożeństwo, dzwoniono właśnie.

К метонимической замене близок **конверсивный перевод**. Как известно, конверсия состоит в изменении точки зрения в описании

ситуации (Комисаров 1990: 65-66). Эта точка зрения может выражаться в разном определении фигуры и фона, как в следующем примере, где одно и то же движение рассматривается по-разному: в оригинале – как покидающее некоторое пространство изнутри, в переводе – как оставляющее позади некоторую границу, барьер (наблюдателю виден только этот барьер):

Два священника вынесли из алтаря иконы Спасителя и Богородицы
(А. Куприн, *Анафема*)

Dwaj duchowni wynieśli zza ikonostasu ikony Zbawiciela i Matki Boskiej

Неологизмы как средство перевода религиозной лексики встречаются сравнительно редко, что в известной степени объясняется упомянутым выше ее специальным характером. К тому же риск неудачного словообразования, а иногда и неправильного понимания чрезвычайно высок. В материале для словаря оказался всего один случай этого типа:

Все протягивали руки к иконе, жадно глядели на нее и говорили, плача: *Заступница, матушка! Заступница!* (А. Чехов, *Мужики*)

Wszyscy wyciągali ręce ku ikonie, żarliwie wpatrywali się w nią i wołali z płaczem: – Matko Najświętsza, *Obronieličko nasza!*

Слово *Obronielička* представляет собой авторский неологизм, образованный по подобию слова *Pocieszycielka*, которое активно употребляется в молитвах и песнопениях как обращение к Богородице.

Все представленные выше случаи иллюстрируют успешное нахождение (установление) эквивалентности переводчиками в условиях отсутствия прямого словарного эквивалента. Однако кроме того, зарегистрирован ряд случаев неправильного подбора транслита, вследствие чего появляется переводческая ошибка. Она состоит чаще всего в изменении описываемой в оригинале действительности (отсутствии денотативной или коннотативной эквивалентности перевода):

Было предложение венчаться *на Красную горку*. Свадьбу по Лариной просьбе опять отложили. (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)
Zamierzali wziąć ślub w drugim tygodniu wielkopostnym, ale na prośbę Lary wesele znów odłożono.

Упомянутая *Красная горка* охватывает, как уже было сказано, период первой недели после Пасхи, в то время как в переводе речь идет о второй неделе Великого поста. Решение переводчика тем более

удивительно, что во время Великого поста вообще не принято играть свадеб, так что первоначальное намерение венчаться в это время могла бы изменить характеристику персонажей, указывая на их невежество.

прозектор их больницы – запойный пьяница. *Бог его знает*, как он за это примется. (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)
 szpitalny prosektor to zdeklarowany pijak. *Licho wie*, jak on to robi.

Ввиду постоянного опьянения прозектора добросовестное исполнение им своей обязанности представляется невозможным; этот смысловой компонент оригинального высказывания сохранен в переводе: *lico wie* обозначает ‘неизвестно, трудно догадаться’ (неодобрительно). Однако смысл оригинального высказывания этим не исчерпывается: надеяться на положительный результат его действий можно лишь уповая на Бога. Этот компонент смысла теряется.

Рассмотрение приемов, применяемых в ходе перевода произведений художественной литературы при передаче религиозной лексики, показывает значительную степень их разнообразия. Особенно часто применяемым приемом, к тому же отличающимся внутренней дифференциацией, оказывается метонимический перевод. Выбор приема переводчиком во многом определяется особенностями функционирования религиозной лексики в художественном тексте, предоставляющими переводчику относительно широкий круг возможностей. Можно полагать, что в случае специального богословского текста переводческие техники оказались бы в значительной степени отличными. И тем не менее, учет указанных техник и возможностей передачи в переводном словаре представляется целесообразным.

Примечания

Такое понимание религиозной лексики, как правило, лежит в основе и двуязычных словарей этой лексики, например: Sztolberg-Bybluk 1994, Татаринов (и др.) 2012. Такие словари нельзя назвать переводными, хотя они и двуязычные. Здесь же нас интересует не специальный, а общезыковой аспект религиозной лексики, а также скорее не ее системно-языковой статус, а текстовое (контекстное) употребление.

² Метонимический перевод представляет собой вид способа, именуемого смысловым развитием (Рецкер 2010: 51-52) или модуляцией (Комиссаров 1990: 176-177) и состоящего в применении названия, находящегося в логической связи с выражением, употребленным в оригинале.

Библиография

- Комиссаров 1990: **Комиссаров В.Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва: Высшая школа. – 253 с.
- Латышев 1988: **Латышев Л.К.** Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – Москва: Просвещение. – 160 с.
- Lewicki 2002a: **Lewicki, Roman.** Христианство. Русско-польский словарь. Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. – Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX. – 367 s.
- Lewicki 2002b: R., **Lewicki, Roman.** Terminologia wschodniego chrześcijaństwa w aspekcie przekodalności. In: Języki specjalistyczne. Problemy technolingwistyki. Red. J. Lewandowski. – Warszawa: Uniwersytet Warszawski. – s. 181–190.
- Миньяр-Белоручев 1996: **Миньяр-Белоручев Р.К.** Теория и методы перевода. – Москва: Московский лицей. – 208 с.
- Рецкер 2010⁴: **Рецкер, Я.И.** Теория перевода и переводческая практика. – Москва: Р. Валент. – 244 с.
- Sztolberg-Bybluk 1994: **Sztolberg-Bybluk, Mirosława.** Podręczny słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski terminów chrześcijańskich. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. – 131 s.
- Татаринов и др. 2012: **Татаринов, В.А., Лаврентьев, А.В., Мраморнов, А.И., Немецко-русский научно-богословский словарь, отв. ред. Уколов К.И.** – Санкт-Петербург: Алетейя. – 192 с.

Источники

- Айтматов Ч. Плаха. // Айтматов Ч. *Буранный полустанок*. Плаха. Москва, 1989.
- Ajtmatow Cz. *Golgota*. Przeł. A. Wołodźko. Warszawa 1991.
- Аксаков С.Т. *Детские годы Багрова-внука*. // Аксаков С.Т. *Собрание сочинений в 4-х тт.* Москва, 1955.
- Aksakow S. *Lata dziecięce*. Przeł. Cz. Jastrzębiec-Kozłowski. Warszawa 1953.
- Бунин И.А. *Я всё молчу*. // Бунин И.А. *Собрание сочинений в 6-и тт.* Москва, 1987.
- Bunin I. *Na razie milczę*. Przeł. M. Leśniewska. [w:] I. Bunin. *Róża Jerycha. Opowiadania i szkice*. Warszawa 1988.
- Горький М. *Дело Артамоновых*. // Горький М. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25-и тт.* Москва, 1968–1975.
- Gorkij M. *Artamonow i synowie*. Przeł. Stanisław Strumph-Wojtkiewicz. Warszawa 1977.
- Куприн А.И. *Анафема*. // Куприн А.И. *Сочинения в 3-х тт.* Москва, 1954.

- Kuprin A. *Anatema*. Przeł. S. Pollak. [w:] A. Kuprin. *Bransoletka z granatów*. Warszawa 1960.
- Куприн А.И. *Листригоны*. // Куприн А.И. *Сочинения в 3-х томах*. Москва, 1954.
- Kuprin A. *Lestrygonowie*. Przeł. Z. Fedecki. *Utwory wybrane*. Warszawa 1951.
- Лесков Н.С. *Однодум*. // Лесков Н.С. *Собрание сочинений в 11-и томах*. Москва, 1956–1958.
- Leskow M. *Samodum*. Przeł. J. Wyszomirski [w:] M. Leskow. *Utwory wybrane*. Kraków 1951.
- Лесков Н.С. *Соборяне*. // Лесков Н.С. *Собрание сочинений в 11-и томах*. Москва, 1956–1958.
- Островский А.Н. *Гроза*. // Островский А.Н. *Пьесы*. Москва, 1974.
- Ostrowski A. *Burza*. Przeł. J. Jędrzejewicz. Warszawa 1951.
- Пушкин А.С. *Капитанская дочка*. // Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений в 10-и томах*. Москва, 1962–1964.
- Puszkin A. *Córka kapitana*. Przeł. T. Stępniewski. Warszawa 1989.
- Салтыков-Щедрин М.Е. *Господа Головлевы*. // Салтыков-Щедрин М.Е. *Собрание сочинений в 20-и томах*. Москва, 1969–1974.
- Sałtykow-Szczedrin M., *Państwo Gołownie*. Przeł. T. Łopalewski. Warszawa 1950.
- Пастернак Б. *Доктор Живаго*. Москва, 1989.
- Pasternak B. *Doktor Żywago*. Przeł. E. Rojewska-Olejarczuk, wiersze przeł. E. Rojewska-Olejarczuk, S. Pollak, J. Waczków, A. Pomorski, S. Ulicki, D. Chościlewska, A. Drawicz. Warszawa 1990.
- Толстой А.Н. *Петр Первый*. // Толстой А.Н. *Собрание сочинений в 10-и томах*. Москва, 1958–1961.
- Tołstoj A. *Piotr Pierwszy*. Przeł. A. Stawar. Warszawa 1986.
- Толстой А.Н. *Неверный шаг*. // Толстой А.Н. *Собрание сочинений в 10-и томах*. Москва, 1958–1961.
- Tołstoj A. *Zgubny krok*. Przeł. Ałła Sarachanowa. [w:] A. Tołstoj. *Piękna nieznajoma i inne opowiadania*, t. 1. Kraków 1975.
- Чехов А.П. *В овраге*. // Чехов А.П. *Собрание сочинений в 12-и томах*. Москва, 1960–1964.
- Czechow A. *W parowie*. Przeł. M. Mongirdowa. [w:] A. Czechow. *Dzieła*, Warszawa 1956–1962.
- Чехов А.П. *Мужики*. // Чехов А.П. *Собрание сочинений в 12-и томах*. Москва, 1960–1964.
- Czechow A. *Chłopi*. Przeł. I. Bajkowska. [w:] A. Czechow. *Opowiadania i opowieści. Wybór*. Wrocław 1989.
- Шолохов М.А. *Тихий Дон*. // Шолохов М.А. *Собрание сочинений*. Москва, 1965–1969.
- Szołochow M. *Cichy Don*. Przeł. W. Rogowicz i A. Stawar. Warszawa 1962.

Роман Левицки

Руска лексика из религијске сфере у традуктоловој конфронтацији:
 неки преводилачки поступци

Резиме

У раду се анализирају преводилачки поступци који се користе при транспоновању руске лексике из религијске сфере на пољски језик. Културолошка релевантност овог проблема додатно се актуализује чињеницом да два језика опслужују различите хришћанске традиције – источну (православну) и западну (римокатоличку). Као материјал за анализу аутору су послужили преводи дела руске уметничке књижевности на пољски језик, као и лексикографска решења примењена у Руско-пољском речнику хришћанства (аутор Роман Левицки, 2002). Разматрају се проблеми превођења нееквивалентне лексике и заснивају оптимална решења до којих се долази применом таквих преводилачких поступака као што су апстракција, генерализација, описни превод (парафраза), метонимијски превод, конкретизација, приближни превод, изостављање, конверзивни превод, превод са коришћењем неологизма.

prof. dr hab. Roman Lewicki

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

Wydział Humanistyczny

Instytut Filologii Słowiańskiej

olaro@vp.pl

(Објављено у: Ј. Грковић Међор, К. Кончаревић (уред.). „Теолингвистичка проучавања словенских језика = Theolinguistic Studies of Slavic Languages“, Београд: САНУ – Одељење језика и књижевности 2013, стр. 153-166)

ДОДАТАК 1

ПРИМЕР ПРАВИЛА ОБЛИКОВАЊА РАДОВА ЗА ЧАСОПИС „СЛАВИСТИКА“ (Издавач: Славистичко друштво Србије, Београд)

Име Средње слово. ПРЕЗИМЕ

Афилијација (назив радне организације) аутора (треба поновити за све ауторе рада)

И-мејл адреса аутора (формат Times New Roman 12 pt)

НАСЛОВ РАДА

(ФОРМАТ: ЦЕНТРИРАНО ВЕРЗАЛОМ TIMES NEW ROMAN 12 PT)¹

Приликом припреме рада, препоручује се писање директно у модел са стиловима и замена текста у моделу. Сваки рад мора да садржи сажетак на језику рада (кратак преглед проблема, циљева, метода и најважнијих резултата на језику основног текста рада) дужине од 300 до 500 знакова са размацима. Формат: Times New Roman 10 pt. додатно увучено с леве стране 1 см. Молимо вас да не понављате сажетак у главном тексту рада, нпр. као део увода.

Кључне речи: дати до 10 речи и/или синтагми одвојених зарезом, на крају тачка. Формат: Times New Roman 10 pt додатно увучено с леве стране 1 см.

1. Формат рада

Радови се достављају у две идентичне верзије: као doc/docx документ и као незаштићен pdf документ. Фајлови се именују на следећи начин: Prezime_Ime_NASLOV_RADA.

Формални изглед рукописа је стандардни формат А4, маргине 2,5 цм са сваке стране. Осим наслова, поднаслове и података о аутору, текст треба да буде у потпуности поравнат са обе стране (justify). Фонт за главни део текста је Times New Roman (уз употребу других фонтова за специфична издања), величина слова 12pt, са увлачењем новог пасуса 1,25 цм, проред текста 1,5, напомене (фусноте) Times New Roman 10 pt са проредом 1, неувучено.

¹ Захвалница (опционо) везује се за наслов рада звездицом: навести у фусноти све захвалнице укључујући оне које се односе на финансирање истраживања. Формат: Times New Roman 10 pt.

Илустрације се предају уз рад у форматима *.jpg или *.tif, с тим што се у раду видно означава њихово место (нпр. Илустрација 1:) . Табеле се интегришу у Word документ или се достављају засебно (ако захтевају Landscape оријентацију), такође уз видно означавање њиховог места у раду (нпр. Табела 1:).

2. Општа упутства

Обим приложених радова (са основним текстом, фуснотама, апстрактом, резимеом, кључним речима, литературом и прилогима) не сме бити мањи од 1 ауторског табака (16 страна или 30.000 компјутерских знакова) и не сме прелазити 1,5 ауторски табак (24 стране или 45000 компјутерских знакова).

Језик рада: сви словенски језици и енглески језик.

3. Наслови и поднаслови

Сви наслови и поднаслови су поравнати лево, Times New Roman, величина слова 12pt болд. Такође треба да постоји размак од 12 pt између наслова и претходног одељка, и размак од 4 pt између наслова и текста који следи. Молимо вас да користите арапске бројеве за сваки наслов и поднаслов (осим наслова рада), да после последњег броја користите тачку (нпр. 3., 3.1., 3.1.1.), али да не завршавате наслов или поднаслов тачком.

3.1. Поднаслови

Формат поднаслова нивоа 2 је исти као за поднаслове нивоа 1 и морају бити на одговарајући начин нумерисани (нпр. 1.1., 1.2. итд.). Молимо вас да имате на уму да увек треба да постоје најмање два наслова нивоа 2 и 3 тако их користите у раду.

3.2. Референце у тексту

Све референце у тексту треба ставити у заграде које садрже презиме аутора, а затим годину објављивања (Ристић 2015). Ако реченица већ садржи име аутора, тада је потребно само ставити годину у заграду: Ристић (2015). Када цитирате неколико аутора, користите тачку и зарез да одвојите референце: (Ристић 2015; Atkins & Rundell 2008). За навођење бројева страница користите следећи формат: (Ристић 2015: 36) или (Ристић 2015: 36–43). Када референца има више од три аутора, наведите само име првог аутора, а затим *et al.*

4. Истицање

Користите курсив за истицање. У тексту није допуштено принудно преношење речи, аутоматско нумерисање страница, издвајање спационирањем, подвлачењем или верзалом. Значења речи и других јединица наводе се у једноструким знацима навода “.

Списак извора и списак литературе

Списак извора и списак литературе се дају одвојено (без броја испред). Формат: Times New Roman 12 pt, проред 1, увучен први ред 1,25 цм. Библиографске референце треба навести азбучним односно абецедним редом презимена првог или јединог аутора према следећим примерима:

а. књига (један аутор)

Лома, Александар. Топонимија Бањске хрисовуље. Ка осмишљењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенских именословних образца. Београд: Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности, Одбор за ономастику, 2013.

Bartmiński, Jerzy. Folklor – język – poetyka. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990.

б. књига (два и више аутора)

Пипер, Предраг, Миливој Алановић, Слободан Павловић, Ивана Антонић, Марина Николић, Дојчил Војводић, Људмила Поповић, Срето Танасић и Биљана Марић. Синтакса сложене реченице у савременом српском језику. Предраг Пипер (ред.). Нови Сад: Матица српска – Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018.

Štícha, František a kol. Velká akademická gramatika spisovné češtiny I. Morfologie: druhy slov / tvoření slov. Část 1–2. Praha: Academia, 2018.

в. рад у тематском зборнику

Милорадовић, Софија. Узуални стандард у урбаним центрима на косовско-ресавском и призренско-тимочком говорном подручју. У: Срето Танасић (ур.). Зборник Института за српски језик САНУ II. Српски језик и актуелна питања језичке политике. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2014, 143–150.

г. секундарно ауторство

Ристић, Стана, Ивана Лазић Коњић, Ненад Ивановић (ур.). Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016.

Breznik Stramljić, Irena (ur.). Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2015.

д. рад у часопису

Јовановић, Гордана. Из српске и польске средњовековне хришћанске антропонимије. Научни састанак слависта у Вукове дане 40/1 (2011): 413–423.

Lehrer, Adrienne. English Classifier Constructions. Lingua 68 (1986): 109–148.

Ђ. лексикографска дела (речници, енциклопедије, појмовници и сл.)

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српски језик САНУ, 1959–.

Етимолошки речник српског језика. Књ. 1–. Александар Лома (ур.). Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српски језик САНУ, 2003–.

Српска енциклопедија. Том II. Теодор Атанацковић и др. (ур.). Нови Сад: Матица српска – Београд: Српска академија наука и уметности, Завод за уџбенике, 2018.

е. рукописна грађа

Ђорђевић, Тихомир. Етнографска грађа. Архив САНУ. Деловодни протокол СКА 311/1894.

ж. извор доступан онлајн

Чемерикић, Д. Збирка речи из Призрена <<http://www.prepis.org/items/browse?collection=1>>. Приступљено 9. 4. 2019.

Septuagint <<https://www.academic-bible.com/en/online-bibles/septuagint-lxx/read-the-bibletext/>> Приступљено 9. 4. 2019.

Прилози (опционо)

Све додатке ставите у посебан одељак на kraju рада. Формат који се користи за овај одељак је Times New Roman 10 pt са увлачењем новог пасуса 1,25 цм. Након прилога (уколико их има) долазе резиме и кључне речи, форматирани на следећи начин:

Име Средње слово. Презиме

НАСЛОВ РАДА

Резиме / Summary

Резиме рада и кључне речи треба доставити на енглеском језику ако је рад написан на српском или на енглеском или српском језику ако је рад написан на страном језику. Ако је рад написан на енглеском језику резиме и кључне речи ће бити преведени на српски језик. Формат: Times New Roman 10 pt, центрирано, увучен први ред 1,25 цм.

Кључне речи: до 10 речи и/или синтагми одвојених зарезом, на kraju тачка.

(Објављено на сајту Славистичког друштва Србије:

http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/2017/Uputstvo_SR.pdf,

Приступљено 15.10.2022)

ДОДАТАК 2

**НАЈНОВИЈИ СТАНДАРД БИБЛИОГРАФСКОГ ОПИСА
ПРИХВАЋЕНОГ У РУСКОЈ ФЕДЕРАЦИЈИ:**

ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»

1 июля 2019 года Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 03.12.2018 г. № 1050 ст. был введен нормативный документ ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления», регламентирующий библиографическое описание всех видов информационных ресурсов в соответствии с международными правилами. Он введен взамен ГОСТ 7.1–2003.

Настоящий стандарт разработан на основе международных стандартных правил библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description), последней по времени создания версии консолидированного издания 2011 г. Международные правила адаптированы к отечественной практике библиографирования.

Библиографическое описание содержит библиографические сведения о ресурсе, которые приведены по определенным правилам, устанавливающим наполнение и порядок следования областей и элементов, и предназначены для идентификации и общей характеристики ресурса.

Объектами составления библиографического описания являются все виды опубликованных (в том числе депонированных) и неопубликованных ресурсов на любых физических носителях и/или в информационно-телекоммуникационных сетях: книги, нотные, картографические, аудиовизуальные, изобразительные,serialные издания, нормативные и технические документы, интегрируемые ресурсы, электронные ресурсы, микроформы и другие ресурсы, а также составные части ресурсов, группы однородных и разнородных ресурсов.

Книги

Одночастные издания:

Книга одного автора

Россинская, Е. Р. Избранное / Е.Р. Россинская. - Москва : НОРМА, 2019. - 679 с. : 23 л. вклей., портр. - Библиогр. в подстр. примеч. - ISBN 978-5-00156-041-8. -- Текст : непосредственный.

Книга двух авторов

Бакишев, К.А. Уголовно-правовая охрана безопасности транспорта по законодательству Казахстана и России : монография / К.А. Бакишев, А.И. Чучаев. - Москва : Юрлитинформ, 2020. - 372[1] с. - (Уголовное право). - Библиогр.: с. 356-370. - ISBN 978-5-4396-1957-3. -- Текст : непосредственный.

Книга трёх авторов

Чесноков, Н.Н Управление спортивной подготовкой высококвалифицированных спортсменов: монография / Н.Н. Чесноков, В.Г. Никитушкин, А.П. Морозов ; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный центр подготовки спортивного резерва». - Москва : ФГБУ «Федеральный центр подготовки спортивного резерва», 2019. - 247 с. - Библиогр.: с. 246-247. - ISBN 978-5-905395-49-9. -- Текст : непосредственный.

Книга четырёх авторов

Правотворчество : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А.П. Альбов, С.С. Горохова, А.С. Гуков, С.В. Николюкин ; ред.: А.П. Альбов, С.В. Николюкин ; Фин. ун-т при Правительстве РФ. - Москва : Юрайт, 2019. - 254 с. - (Бакалавр и магистр. Модуль.). - ISBN 978-5-9916-6141-6. - Текст : непосредственный.

Книга пяти и более авторов

Основы противодействия коррупции в Российской Федерации : Единый методический комплекс для проведения работы по антикоррупционному просвещению в субъектах Российской Федерации органами государственной власти, образовательными, общественными и иными организациями / Н.Ф. Бодров, Л.А. Букалевова, Е.И. Галяшина [и др.] ; ред.: С.С. Зенин, А.В. Рассохин, авт.-сост. Е.В. Горбачева ; Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России». - Москва : [Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России»] : [ФБУ НЦПИ при Минюсте России], 2019. - 364 с. - Библиогр.: с. 362-364. - ISBN 978-5-901167-74-8. -- Текст : непосредственный.

Правотворчество : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / ред.: А.П. Альбов, С.В. Николюкин ; Фин. ун-т при Правительстве РФ. - Москва : Юрайт, 2019. - 254 с. - Текст : непосредственный.

Многочастные издания

Охотский Е.В. Теория и механизмы современного государственного управления. В 2-х ч. Часть 1 / Е.В. Охотский. - 3-е изд. перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2019. - с. 367. -- Текст : непосредственный.

Охотский Е.В. Теория и механизмы современного государственного управления. В 2-х ч. Часть 2 / Е.В. Охотский. - 3-е изд. перераб. и доп. -

Москва : Юрайт, 2019. - с. 367. -- Текст : непосредственный.

Современные избирательные системы / ред.: В. И. Лафитский, В. И. Лысенко ; ЦИК РФ; Рос. центр обучения избир. технологиям при ЦИК РФ. - Москва : [РЦОИТ]. - (Зарубежное и сравнительное избирательное право). - Текст : непосредственный.

Т. 14 : Узбекистан, Таиланд, Куба / В.И. Лафитский, Л.М. Ефимова, А.Г. Орлов. - 2019. - 436 с. - Библиогр. в конце тем. - Прил. в конце тем.

Сборники

Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы конференции / ред. Е.Р. Россинская, А.К. Лебедева ; Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Научно-практическая конференция с международным участием (5 апреля 2019 ; М.). - Москва : Ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА) : РГ-Пресс, 2019. - 248 с. -- Текст : непосредственный.

Диссертация

Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03: защищена 24.12.2019 / Коновалов Александр Владимирович ; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - Москва, 2019. - 1161 с. - Библиогр.: с. 1107-1161. - Состоит из 2 кн. с продолж. нумерацией страниц. - Текст : непосредственный.

Автореферат диссертации

Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03: защищена 24.12.2019 / Коновалов Александр Владимирович ; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - Москва, 2019. - 73 с. -- Текст : непосредственный.

Законодательные материалы

(удаленного доступа и на бумажном носителе)

Российская Федерация. Законы. Земельный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2019 : [принят Государственной Думой 28 сентября 2001 года : одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года]. - Москва, 2019. - 540 с. - Текст : непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Земельный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2019 : [принят Государственной Думой 28 сентября 2001 года : одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года]. - Москва, 2019. - Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. - Текст: электронный.

Российская Федерация. Правительство. О премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых

: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 дек. 2004 г. № 793.
– Текст : непосредственный // Российская газета. – 2004. – 23 дек. – С. 10.
Российская Федерация. Правительство. О предоставлении коммунальных
услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных
домах жилых домов(вместе с«Правилами предоставления коммунальных
услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных
домах и жилых домов») : постановление Правительства РФ от 06.05.2011
N 354 (ред. от 13.07.2019). – Доступ из справочно-правовой системы
Консультант Плюс. – Текст: электронный.

Бюллетењ

Бюллетењ Суда Евразийскога экономичкога сојуза. 2018 год / Суд
Евразийскога экон. сојуза. - Минск : Суд Евразийскога экон. сојуза, [2018].
- 242 с. -- Текст : непосредственный.

Электронные ресурсы

Сайт

Департамента науки, промышленной политики и предпринимательства
г. Москвы : гос. учреждение. – 2019. – URL: <http://www.dmpmos.ru>
(дата обращения: 06.06.2019). – Режим доступа: свободный. – Текст:
электронный.

Российская Газета RG.RU. – URL: <https://rg.ru/> (дата обращения:
06.06.2019). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Lex russica (Русский закон). – URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/index>
(дата обращения: 06.06.2019). – Режим доступа: свободный. – Текст:
электронный.

Книга из ЭБС

Налоговое администрирование и контроль / А.С. Адвокатова, О.И.
Борисов [и др.] ; ред. Л.И. Гончаренко. - Москва : Магистр, 2019. - 448 с.
- (Магистратура). - ISBN 978-5-9776-0494-9. – URL: <https://new.znanium.com/catalog/document?pid=1002786> (дата обращения: 08.07.2019) Режим
доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст : электронный.

Аналитическое описание

Раздел, глава из книги

Хайек, Ф. Ранние идеи / Хайек Ф. -- Текст : непосредственный // Собрание
сочинений / Ф. Хайек. — Москва ; Челябинск : Социум. -- 2020. — С. 79-
144.

Статья из журнала

Исаев, И.А. Технология интересов: «рынки власти» как сети / И.А. Исаев.
– Текст : непосредственный // История государства и права. – 2020. – №
1. – С. 3-10. - DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-3-10

Статья из газеты

Агранович, М. Удовлетворительно. Приравняют ли стипендии к прожиточному минимуму? -- Текст : непосредственный // Российская газета. — 2020. — 18 фев.(№ 34 8088). — С. 1.

Статья из продолжающегося издания

Журавлев, М.М. Правовая онтология / М.М. Журавлев. -- Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. - Томск : Изд. Дом Томского гос. ун-та. - 2019. - Ч. 80. - с.3-7.

Рецензия

Неисчерпаемый источник документологического знания / Н. Н. Кушнаренко, А. А. Соляник. -- Текст : непосредственный // Научные и технические библиотеки. – 2018. – № 8. – С. 92-100. – Рец. на кн.: Истоки книжной культуры : монография / Ю. Н. Столяров ; под ред. В. Я. Рушанина ; Челябинский гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 500 с.

Аудиоиздания

Интерактивный англо-русский словарь юридических терминов: электронный словарь / [Н.В.Быхтина и др.] ; Федеральное гос. казенное образовательное учреждение высш. проф. образования «Белгородский юридический ин-т» М-ва внутренних дел Российской Федерации Белгород : Бел ЮИ МВД России, 2014 – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные

Видеоиздания

Elena Vasiljeva. Момент убийства Немцова. Запись видеорегистратора. / Elena Vasiljeva. – Изображение (движущееся; двухмерное) : видео – 24 окт. 2016 г. // YouTube.com. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z16XcgL2GgU>. – Режим доступа: свободный.

(Објављено на сајту Руске државне библиотеке:
https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/5-PROFESSIONALAM/7_sibid/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%A0_7_0_100_2018_1204.pdf,
приступљено 15.10.2022)

ЛИТЕРАТУРА

Аврамов, Е. Г. „Подбор ключевых слов для научной статьи“. *Научная периодика: проблемы и решения*, 2011, 2: 35-40.

Астахова, Љ. В. „Библиографско знање као посебан тип научног знања“. Прев. Добрило Аранитовић. *Библиографија*, 1997, 5: 23-32.

Барышникова, Е. Н., Е. В. Клепач, Н. А. Красс, *Речевая культура молодого специалиста. Учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА – Наука, 2006.

Бахтурина, Т. А. „Рецензии: особенности составления библиографической записи“. *Библиотека*, 2002, 6: 71-82.

Бондалетов, В. Д. et al. 1989. *Стилистика русского языка*. Ленинград: Просвещение, 1989.

Валгина, Н. С. *Теория текста. Учебное пособие*. Москва: Логос, 2003.

Васильева, А. Н. *Курс лекций по стилистике русского языка: научный стиль речи*. Москва: „Русский язык“, 1976.

Васильева, А. Н. *Практическая стилистика русского языка для иностранных студентов-филологов старших курсов*. Москва: Русский язык, 1989.

А. Вранеш, *Библиографија*. Београд: Филолошки факултет, 2013.

Гадомский, А. К. „Стилистический подход к изучению религиозного языка“. Стил, 2008, 7: 21-35.

Гумовская, Г. *LSP: English for Professional Comunication: Английский язык профессионального общения*. Москва: Аспект Пресс, 2008.

ГОСТ 7.0 – 99. *Информационно-библиотечная деятельность: термины и определения*. Москва: Издательство стандартов, 1999.

ГОСТ 7.1 – 84. С изм. № 1. *Библиографическое описание документа: общие требования и правила составления*. [В сб.:] А. А. Джиго, С. Ю. Калинин (сост.), Стандарты по издательскому делу. Москва: Юристъ, 1998: 9-74.

ГОСТ 7.4. – 95. *Издания. Выходные сведения*. [В сб.:] А. А. Джиго, С. Ю. Калинин (сост.), Стандарты по издательскому делу. Москва: Юристъ, 1998: 75-110.

ГОСТ 7.5 – 98. *Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов*. [В сб.:] А. А. Джиго, С. Ю. Калинин (сост.), Стандарты по издательскому делу. Москва: Юристъ, 1998: 111-131.

ГОСТ 7.9 – 95 (ИСО 214 – 76). *Реферат и аннотация: общие требования*. Стандарты по издательскому делу. [В сб.:] А. А. Джиго, С. Ю. Калинин (сост.), Москва: Юристъ, 1998: 132-137.

ГОСТ 7.12-93. *Библиографическая запись. Сокращения слов на русском языке. Общие требования и правила*. [В сб.:] А. А. Джиго, С. Ю. Калинин (сост.), Стандарты по издательскому делу. Москва: Юристъ, 1998: 138-155.

А. А. Джиго, С. Ю. Калинин, *Основные стандарты по библиотечному делу*. Москва: Университетская книга: Школа издательского и медиа бизнеса, 2012.

ГОСТ 7.80 – 2000. *Библиографическая запись. Заголовок: общие требования и правила составления*. Москва: Издательство стандартов, 2001.

ГОСТ Р 7.0.100–2018 *Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления*. Москва, 2018.

Демидова, А. К. *Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы*. Москва, 1991.

Джиго, А. А., С. Ю. Калинин, *Стандарты по издательскому делу*. Москва, 1998.

Ермоленко, И. Н. *Пособие по развитию навыков научной речи для студентов-иностранных филологических факультетов. Сборник упражнений*. Москва: Русский язык, 1990.

Зильберман, Л. И. „Соотношение анализа и перевода при обучении изучающему чтению на иностранном языке“. [В сб.:] М. Я. Цвиллинг (ред.) м *Иностранный язык для специалистов: психологические, методические, лингвистические аспекты*. Москва: Наука, 1990, 65-75.

Зозикова, М. „Церковнославянизмы в контексте современной языковой динамики“. [В сб.:] А. Градинарова (ред.), *Динамика языковых процессов: история и современность*. «Херон Прес», София, 2004: 35-47.

Klikovac, D. 2008. *Jezik i moć: Ogledi iz sociolinguistike i stilistike*. Beograd: XX vek.

Ковалева, Т. А., И. В. Ильина, „Как написать аннотацию к научной статье“. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2016, т. 21, вып. 12 (164): 173-177.

Кожин, А. Н., О. А. Крылова, В. В. Одинцов, *Функциональные типы русской речи*. Москва: Высшая школа, 1982.

Кончаревић, К. *Уз питање о класификацији сакралних жанрова у славистичкој науци*. Славистика, 2012, 16: 57-69.

Кончаревић, К. „О сакралној генологији као конституенти словенске теолингвистике“, *Филолошки преглед*, XLI/1 (2014): 9-28.

Кончаревић, К. *Руски језик у комуникацији и мисији Цркве. Функционални стилови, жанрови, ресурси*. Београд: Православни богословски факултет – Институт за теолошка истраживања, 2014.

Кончаревић, К. *Поглед у теолингвистику*, Београд: Јасен 2015.

Кончаревич, К. „Эмоциональное и рациональное в научно-богословском стиле русского языка“, [В сб.:] П. А. Лекант (ред.), *Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов международной научной конференции (Москва, 20-21 ноября 2015)*, Москва: ИИУ МГОУ, 2015: 220-224.

Кончаревић, К. Експресивност у научном стилу теолошких дисциплина". *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 45/1 (2016): 275-284.

Кончаревић, К. „Језик и стил теолошких расправа о Јустинијану Поповићу“, *Црквене студије*, 16/2 (2019): 717-730.

Кончаревић, К. „Језик и стил теолошких расправа епископа Атанасија Јевтића“. [У:]: А. Јефтић, М. Кнежевић, Р. Кисић (уред.), *Вера и мисао у вртлогу времена. Међународни зборник радова у част митрополита Амфилохија (Радовића)* и епископа Атанасија (Јевтића). Београд: Православни богословски факултет Универзитета у Београду, Подгорица: Матица српска – Друштво чланова у Црној Гори, Фоча: Православни богословски факултет „Свети Василије Острошки“ Универзитета у Источном Сарајеву, 2021: 485-504.

Купина, Н. А., О. А. Михайлова, *Основы стилистики и культуры речи. Практикум для студентов-филологов*. Москва, 2004.

Мильчин, А. Э., А. К. Чельцова, *Справочник издателя и автора*. Москва: ОЛМА-Пресс, 2005.

Митрофанова, О. Д. *Научный стиль речи: проблемы обучения*. Москва: „Русский язык“, 1989.

Петрович, Н. „Универсальная болванка для написания рецензий, отзывов и заключений“. *Журналист*, 1970, 1: 75-80.

Рожкова И. М. и др., *Культура устной и письменной речи делового человека. Справочник. Практикум*. Москва: ФЛИНТА – Наука, 2006.

Симић, Р., Ј. Јовановић. *Основи теорије функционалних стилова*. Београд: Никшић: Јасен, 2002.

Тошовић, Б. *Функционални стилови*. „Београдска књига“, Београд, 2002.

Тошовић, Б. *Интернет-стилистика*. Москва: ФЛИНТА - Наука, 2015.

Требования ВАК к диссертациям от 10.01.2022. с дополнениями от 13.06.2023 <https://dissertatsia.ru/poleznoe/oformlenie-rabot/trebovaniya-vak-k-dissertacijam/> приступлено 03.07.2023.

Троянская, Е. С. *Обучение чтению научной литературы*. Москва: „Наука“, 1989.

Цвиллинг, М. Я. *Общие и частные проблемы функциональных стилей*. Москва: „Наука“, 1986.

Цвиллинг, М. Я. *Разновидности и жанры научной прозы*. Москва: „Наука“, 1989.

Чаркић, М.. *Увод у стилистику*. Београд: Научна књига, 2002.

Чернявская, В. Е. *Интерпретация научного текста*. Москва: Издательство ЛКИ, 2007.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.161.1(078.5)
001.81(078.5)

КОНЧАРЕВИЋ, Ксенија, 1965-

Руски језик у филологији [Електронски извор] : обликовање научног и стручног текста на руском језику : уџбеник за студенте мастер академских студија / Ксенија Кончаревић. - Београд : Филолошки факултет Универзитета, 2023 (Београд : МАБ). - 1 електронски оптички диск (CD-ROM) : текст ; 12 см. - (Едиција Уџбеници и практикуми / [Филолошки факултет, Београд])
Системски захтеви: Нису наведени. - Насл. с насловног екрана. - Тираж 10. - Библиографија.

ISBN 978-86-6153-716-5

а) Руски језик б) Научни радови -- Техника израде

COBISS.SR-ID 115978505

www.fil.bg.ac.rs